

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

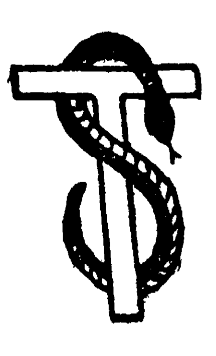
РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nasti Paro Dharmah
(Нѣтъ религіи выше истины).

---

7 сентября.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

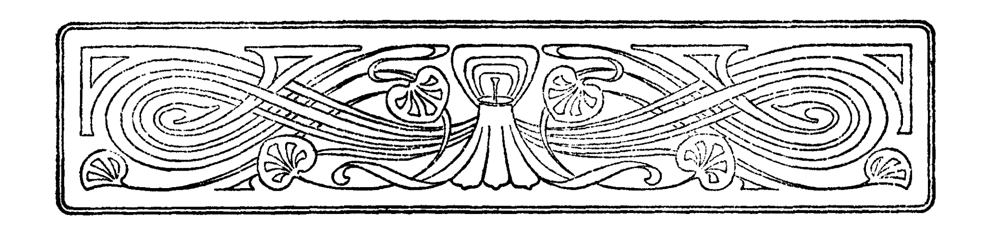
1909

СОДЕРЖАНІЕ

сентябрьской книжки „Вѣстника Теософіи“.

Опечатка, замѣченная въ № 7—8.

	Напечатано:	Надо:
Стран. 97, стр. 17 сверху	физики	жизни.

Догматизмъ и мистицизмъ въ религіи.

Анна Безантъ *).

Чрезвычайно важно опредѣлить роль догматизма и мистицизма, ибо все будущее религіи зависитъ отъ того, какъ Церковь относится къ этимъ вопросамъ. Догматизмъ является настроеніемъ большинства; мистицизмъ меньшинства. Но вся жизненная сила религіи зависитъ отъ того, насколько она способна рождать мистиковъ, такъ какъ мистицизмъ даетъ возможность болѣе глубокаго и непосредственнаго соприкосновенія съ духовными реальностями.

Каково же мѣсто догматизма въ религіи и въ какомъ онъ соотношеніи съ ростомъ религіи?

Все въ мірѣ идетъ впередъ, всѣ формы жизни постоянно мѣняются; и въ религіи не должно и не можетъ быть застоя. Есть время для догматическаго пониманія духовныхъ истинъ и приходитъ пора для мистическаго пониманія. Въ періодъ расцвѣта тевтонской субрасы, въ которой такъ силенъ конкретный разумъ,—догматическое пониманіе должно было преобладать, но при раскрытіи духовнаго начала въ человѣчествѣ долженъ выдвинуться мистицизмъ. Опредѣлимъ прежде всего, что такое догматизмъ и что такое мистицизмъ.

Догма есть утвержденіе истины или того, что кажется истиной, интеллектуальное утвержденіе, налагаемое авторитетомъ, т. е.

---

*) Рѣчь произнесенная въ Брадфордѣ, въ іюлѣ сего года.

Прим. ред. Здѣсь вспоминаются слова одного изъ великихъ мистиковъ:

И пусть сотни разъ Христосъ родится въ Виѳлеемѣ,
„А не внутри тебя,—ты все еще потерянъ;
„Голгоѳы крестъ не дастъ собою искупленья,
„Если внутри тебя онъ не воздвигнутъ“.

силой извнѣ. Это утвержденіе всегда ограниченное, неполное, потому что истина многогранна, интеллектъ же можетъ охватить лишь часть, одну грань ея. Мистика проникаетъ въ духовную сущность истины, лежащую въ основѣ догмы, это есть прямое, внутреннее воспріятіе и познаваніе духовной истины, являющееся исключительно свидѣтельствомъ духа, независимо отъ внѣшняго авторитета. Духъ человѣческій видитъ истину и признаетъ ее. Эта способность непосредственнаго, внутренняго видѣнія—интуитивная и есть одно изъ условій совершеннаго знанія. Это то особое состояніе души, въ которомъ отсутствуютъ наблюденіе и разсужденіе, въ которомъ человѣкъ непосредственно видитъ и воспринимаетъ. Хорошимъ примѣромъ для иллюстраціи этого можетъ служить музыка. Развитой слухъ музыканта непосредственно различаетъ вѣрные звуки отъ фальшивыхъ, потому что фальшивыя ноты производятъ на него впечатлѣніе дисгармоніи. Догматизмъ стремится облечь истину въ извѣстную форму, въ условія извѣстной эпохи и культуры, ограничиваетъ ее. Мистицизмъ же выражаетъ внутреннюю міровую истину, не обусловленную ни мѣстностью, ни эпохою, ни личностью.

Основатель религіи, Учитель, даетъ духовную истину міровую, вѣчную, безусловную, а его ученики и послѣдователи облекаютъ ее въ извѣстныя формы, догмы, примѣнительно къ извѣстному времени и мѣсту. Со временемъ истина неизбѣжно перерастаетъ тѣ формы, въ которыя она была временно заключена.

Догматизмъ всегда способствуетъ дробленію и разъединенію; мистицизмъ ведетъ къ единенію. Въ свѣтѣ мистики видно, что въ основѣ всѣхъ религій лежатъ однѣ и тѣ же духовныя истины, и признавая это, духъ единенія углубляется и растетъ. Догматы, это воистину стѣны разъединенія; такъ многія общины вѣрующихъ совершенно утрачиваютъ сознаніе и пониманіе единой духовной истины, спорятъ о догматахъ, понимая и толкуя ихъ, всякій на свой ладъ. Самые сильные и ужасные конфликты возникаютъ на почвѣ религіознаго догматизма. Никогда духовное пониманіе истины не возбуждаетъ борьбы. Когда догматы отодвинуты,—духъ познаетъ единую истину, видитъ родство всѣхъ религій и братски протягиваетъ руку, вмѣсто того, чтобы браться за оружіе. Интеллектъ есть духъ разъединенія и обособленія въ человѣкѣ; онъ дѣйствуетъ и говоритъ въ догматизмѣ. Духовность же въ человѣкѣ есть духъ единенія и проявляется въ мистикѣ.

По мѣрѣ того, какъ религія становится менѣе догматичной и болѣе духовной и мистической,—конфликты и борьба прекра-

щаются; форма не имѣетъ больше первенствующаго значенія, будучи только временнымъ и условнымъ выраженіемъ истины. Различіе формъ имѣетъ свою цѣнность, какъ примѣненіе къ особенностямъ людей, но является большой опасностью, когда воздвигаетъ стѣны между душами и умами людей.

Въ первые вѣка христіанства признаннымъ авторитетомъ былъ авторитетъ Церкви. Католицизмъ и православіе создали особыя формы для выраженія признаваемыхъ истинъ и такимъ образомъ облекли истину въ догматы. Во времена реформаціи явился протестъ противъ церковнаго догматизма и установленныхъ формъ, и на смѣну отвергнутаго авторитета церкви явился другой—авторитетъ книги (Библіи). По существу нѣтъ разницы; и то и другое есть внѣшній авторитетъ, которому человѣкъ долженъ безпрекословно подчиниться.

Различныя духовныя движенія и секты, отдѣлившіяся отъ Церкви, часто являются еще болѣе догматичными, чѣмъ сама Церковь, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ отдѣленіе происходитъ вслѣдствіе иного толкованія одного изъ догматовъ или ученій Церкви, и свободные духъ и мысль человѣческіе еще труднѣе находятъ доступъ въ сектахъ, чѣмъ въ церкви. Внѣшній авторитетъ церковнаго догматизма связываетъ мысль и совѣсть вѣрующаго. Внутренній, духовный принципъ рождаетъ мистическое пониманіе; это свободное раскрытіе, такъ какъ сама атмосфера духа есть свобода по существу. Большая опасность возникаетъ тамъ, гдѣ запрещены свободное изслѣдованіе и обсужденіе. Эта опасность является въ наши дни не только въ религіи, но и въ наукѣ. Это тиранія мысли и это всегда плохо. Тамъ, гдѣ избѣгается критика и свободное обсужденіе, есть всегда боязнь и сомнѣніе со стороны того, кто утверждаетъ какое-нибудь положеніе или истину. Тотъ, кто дѣйствительно обладаетъ истиной, не боится сужденій и критики. Если вы видите, что кто-нибудь безпокоится и сердится, защищая свою истину,—будьте увѣрены, что онъ самъ не твердъ и сомнѣвается въ своемъ положеніи.

У насъ въ Теософическомъ О-вѣ нѣтъ догматовъ, но это не потому, что у насъ нѣтъ истинъ, въ которыя мы вѣримъ, или потому, что мы думаемъ, что безразлично, во что человѣкъ вѣритъ, лишь бы поступки его были хороши. Чрезвычайно важно, во что вѣритъ человѣкъ, и если вѣра его не истинна, то она отравляетъ мало по малу всю его жизнь. Человѣкъ есть то, или становится тѣмъ, во что вѣритъ. ~~То~~, во что вѣритъ человѣкъ, проявляется во всѣхъ его дѣйствіяхъ и становится его жизнью. У насъ нѣтъ

догматовъ потому, что мы вѣримъ, что истина такъ могущественна, что человѣкъ, увидѣвшій ее и коснувшійся ея, не можетъ не повѣрить. До этого, до личнаго опыта, мы не считаемъ нужнымъ утверждать истину словами только. Вѣра въ истину должна быть воспринята свободно. Истина познается интенсивнымъ усиліемъ воли, она награда за великое усиліе и побѣду. Въ Теософическомъ О-вѣ есть мѣсто самымъ широкимъ изслѣдованіямъ и свободному сужденію.

Золото, брошенное въ горнило, не перестаетъ быть золотомъ, сгораютъ лишь примѣси въ слиткѣ,—чистый же металлъ остается.

Какую же роль сыграли догматизмъ и мистицизмъ въ церкви? Въ протестантизмѣ было мало мистиковъ; въ немъ нѣтъ подходящей почвы и нужныхъ условій для мистическаго развитія. Но въ католической церкви мы видимъ рядъ мистиковъ, преслѣдуемыхъ при жизни и канонизируемыхъ послѣ смерти. (Св. Іоаннъ де ла Круцъ, Св. Тереза и др. *).

Церковь жестоко ихъ преслѣдовала, и жизнь ихъ была полна страданій; теперь же ихъ имена произносятся съ благоговѣніемъ и творенія ихъ читаются всѣми, у кого въ душѣ живетъ склонность къ мистикѣ. И не въ одной католической Церкви и общинахъ чтутъ ихъ, а вездѣ и всюду, потому что мистикъ не принадлежитъ одной опредѣленной Церкви,—онъ принадлежитъ вселенной. Мистикъ говоритъ о вѣчномъ, о безусловныхъ и непреходящихъ истинахъ, о своихъ видѣніяхъ, о своемъ религіозномъ опытѣ.

Мистики рѣдки и мало ихъ, но они соль религіи, соль, которая предохраняетъ ее отъ разложенія. Отъ способности рождать мистиковъ зависитъ могущество религіи, и если Римъ сыгралъ столь великую роль и силенъ до сихъ поръ, то это благодаря тому, что въ немъ было столько мистиковъ; въ этомъ тайна его жизненности и силы.

Чтобы лучше понять разницу между догматизмомъ и мистикой, возьмемъ нѣкоторыя христіанскія доктрины и мы увидимъ, какъ омертвѣвшіе догматы оживлены были мистикой.

Возьмемъ, напр., великую, центральную доктрину христіанства: ученіе о естествѣ Іисуса Христа. Догматизмъ, опираясь частью на исторіи и придавая огромное значеніе историческому событію, частью на традиціи и на буквѣ,—создалъ непреложное

*) Можно упомянуть Іоанну д'Аркъ.

ученіе о Божественности Христа и догматъ о Единородномъ Сынѣ Божіемъ.

Самые ужасные споры, борьба, расколы, ереси возникли по поводу этого вопроса. Каково было естество Христа, единое или двойственное? Божеское, человѣческое, или Богочеловѣческое? Каково Его отношеніе къ Богу Отцу и т. д. Все это возникло въ церквахъ и создало атмосферу самую противуположную атмосферѣ мира и любви, которая должна была бы царить въ Церкви.

Эти раздоры и борьба указываютъ на то, что истинная духовность еще не проснулась въ вѣрующихъ. Точка зрѣнія и настроеніе мистика—совершенно иныя. Мистикъ не отрицаетъ ничего въ историческомъ событіи, явленіи и жизни на землѣ Богочеловѣка Іисуса Христа, но онъ видитъ и великую духовную истину, скрытую въ этой божественной жизни. Истина эта—божественность, скрытая въ человѣчествѣ; воплощеніе Бога въ человѣкѣ, и мистикъ видитъ этого Бога не только въ личности Одного Сына Человѣческаго, но въ каждомъ сынѣ человѣческомъ, „ибо всѣ, видимые Духомъ Божіимъ, суть сыны Божіи“ *). Мистикъ видитъ раскрытіе этой божественности въ сынѣ человѣческомъ до того момента, когда дается ему имя Христа. Это моментъ, когда духъ познаетъ самого себя, когда онъ познаетъ свое единство съ Отцомъ и вселенной. Такъ понимаетъ мистикъ слова Ап. Павла: „я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ!“ **) и дальше: „доколѣ всѣ придемъ въ мѣру полную возраста Христова“ ***). Рожденіе младенца Христа въ душѣ человѣка и развитіе „до полнаго возраста Христова“, когда въ человѣкѣ плотскомъ проявится божественность,—таково глубокое значеніе и пониманіе Христа для мистика. Созерцая его и поклоняясь Ему, онъ стремится уподобиться Ему. Противъ такого пониманія безсильны всѣ нападки, осужденія и гоненія. Мистикъ не споритъ ни о чемъ, ничего не доказываетъ,—онъ идетъ „по стопамъ Христа“.

Возьмемъ еще доктрину Искупленія. Если мы посмотримъ на этотъ вопросъ такъ, какъ онъ былъ поставленъ въ первые вѣка христіанства, то мы увидимъ слѣдующее: человѣчество, связанное зломъ и грѣхомъ, находилось во власти Дьявола; пришествіе Христа и его крестная смерть уничтожаютъ власть Дьявола и освобождаютъ человѣчество отъ грѣха. Христосъ выкупаетъ

*) Посланіе Ап. Павла къ Римлянамъ, гл. 8.
**) Посланіе Ап. Павла къ Галатамъ, гл. 4.
***) Посланіе Ап. Павла къ Ефесянамъ, гл. 4.

человѣчество изъ власти Дьявола. Съ теченіемъ времени Дьяволъ мало по малу исчезаетъ и совершается странное превращеніе: Богъ, который по безконечной своей любви и милосердію посылаетъ Единороднаго Сына Своего для спасенія человѣчества, становится въ тоже время неумолимымъ и жестокимъ кредиторомъ, требуя въ уплату за долги человѣчества кровь Сына Своего. По ученію Ансельма, епископа Кентерберійскаго, гнѣвъ Бога противъ человѣка, ничтожество и грѣховность людей изображаются въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и гнѣвный Богъ можетъ быть умилостивленъ только жертвой Сына. Нѣкоторые священники изображали, напримѣръ, гнѣвъ Божій, какъ тучу, насыщенную громомъ и молніей; гроза разражается на Сына и, такимъ образомъ, человѣчество освобождено и спасено. Съ теченіемъ времени, доктрина эта принимаетъ видъ юридическаго договора между Богомъ и людьми и посредникомъ является Христосъ.

Для мистика эта доктрина является внутреннимъ переживаніемъ и духовной истиной. Для него Христосъ не является лицомъ, которое платитъ Богу его долги, а божественнымъ духомъ, который преобразуетъ его внутреннюю сущность и ведетъ его по пути богочеловѣчества *).

Для мистика полонъ значенія примѣръ жизни Христа, а не смерть Его, и жизнь во Христѣ важна для мистика, а не крестная смерть Христа. Для него искупленіе есть внутренняя жизнь, внутреннее преображеніе и онъ знаетъ, что каждый воспринимаетъ эту доктрину по стольку, по скольку онъ ее переживаетъ самъ. По мѣрѣ того, какъ мистикъ растетъ внутренно, онъ все больше сливается съ Духомъ Христа, живущимъ въ немъ, и Христосъ для него дѣйствительно Искупитель, Спаситель и Освободитель. Такимъ образомъ происходитъ большое измѣненіе въ религіи мистика. Интеллектуальное вѣрованіе въ догматъ преобразуется въ духовное дѣланіе, въ духовную алхимію. Вся жизнь мистика преображается и онъ становится подобнымъ Тому, Кому онъ поклоняется.

Мистикъ открываетъ внутренне духовное зрѣніе. Это совершенно иной процессъ, чѣмъ развитіе зрѣнія астральнаго, ментальнаго и т. д. Это зрѣніе зависитъ отъ организаціи нашихъ тонкихъ тѣлъ; когда эти тѣла развиваются и въ нихъ образуются органы

---

*) Ап. Павелъ говоритъ: „если Христосъ въ васъ, то тѣло мертво для грѣха, но духъ живъ для праведности. Если же духъ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Іисуса, живетъ въ васъ, то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ“ (Посланіе къ Римлянамъ, гл. 8). Этими словами выражена у Ап. Павла идея Искупленія.

воспріятія, человѣкъ начинаетъ видѣть въ эфирѣ, въ астралѣ и т. д., онъ становится ясновидящимъ, но это не есть духовное зрѣніе и если человѣкъ видитъ астральныя и небесныя явленія, онъ не становится отъ этого духовнѣе; явленія всегда явленія, т. е. вещи внѣшнія, гдѣ бы онѣ не находились и какъ бы прекрасны не были. Внутреннее вѣдѣніе не есть внѣшнее зрѣніе; это духовное проникновеніе, которымъ человѣкъ мгновенно постигаетъ истину. Духовная истина познается только духомъ; нѣтъ иного пути.

Христосъ, рождающійся въ душѣ мистика, познаетъ Христа въ Іисусѣ.

Необходимое условіе для достиженія того состоянія души, покойнаго и свѣтлаго, которое преобразуетъ низшую природу человѣка въ ясное зеркало, отражающую жизнь высшую,—гармонизація всего человѣка. Нужны чистота мысли, чистота желаній, чистота всей жизни, состраданіе и любовь, и, что нѣтъ мудрости безъ любви. Лучшій способъ для достиженія этой гармонизаціи—медитація.

Наше вниманіе, направленное на Высшее, углубляетъ наше я, и созерцая совершенный Идеалъ, мы становимся сами подобны Ему.

Для христіанъ этотъ совершенный Идеалъ—Христосъ, для индусовъ—Кришна, для буддистовъ—Будда.

Для истиннаго мистика дѣло не въ имени, а въ развитіи духовной жизни, въ духовномъ дѣланіи, и медитація единственный способъ для этого. Въ медитаціи мистикъ преображается и приближается къ тому Идеалу, который созерцаетъ и съ которымъ въ концѣ концовъ сливается. Совершенный духъ видитъ тогда свое тождество съ Единой жизнью, скрытой за всѣми формами.

Очень важно въ нашей повседневной жизни посвящать нѣкоторое время медитаціи (лучше всего утромъ).

На это указываютъ всѣ религіи и Церкви и дѣлаютъ молитвенное размышленіе обязательнымъ.

Истинные мистики рѣдки, потому что мало тѣхъ, кто умѣетъ совершить внутренній подвигъ.

Слушая, читая или размышляя надъ твореніями великихъ мистиковъ, душа начинающаго мистика, вступающаго на путь, вибрируетъ въ отвѣтъ великой душѣ, и онъ понимаетъ и чувствуетъ больше, чѣмъ могъ бы это сдѣлать въ обыденномъ состояніи. Въ этомъ большая сила великаго проповѣдника, писателя, учителя.

По мѣрѣ того, какъ душа мистика растетъ и духъ его раскрывается, онъ все больше, все полнѣе и совершеннѣе познаетъ истину. Истина мистика—внутренній, божественный опытъ, для котораго не нужны никакія доказательства и утвержденія, всѣ аргументы падаютъ сами собой. Что духъ увидѣлъ и позналъ—не может никогда уже быть потеряно.

Откройте же ваши души для мистики. Старайтесь сдѣлать вашу религію мистической, а не догматической. Интеллектуальныя формы хороши на время, но онѣ не должны сковывать духа: надо умѣть ихъ сбросить во время.

ИЗРЕЧЕНІЯ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Я называю духомъ или властью въ человѣкѣ то начало, которое имѣетъ самостоятельную жизнь въ самомъ себѣ и возбуждаетъ человѣка къ сознательной жизни.

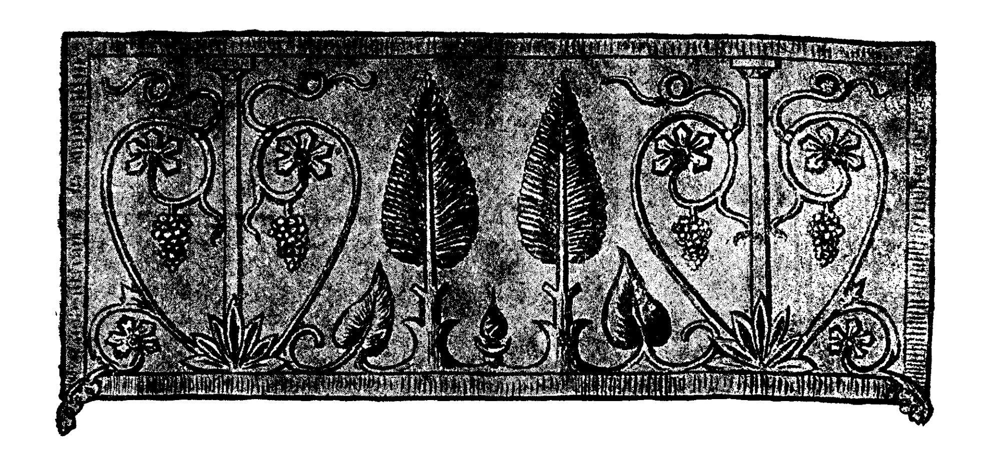
Маркъ Аврелій.

Цѣль жизни есть проникновеніе всѣхъ ея явленій любовью, есть медленное постепенное претвореніе злой жизни въ добрую, есть творчество истинной жизни (потому что, истинная жизнь есть только жизнь любовная), есть рожденіе истинной, т. е., любовной жизни.

Левъ Толстой.

Великія мысли рождаются въ сердцѣ.

Вовенаръ.

Міровое проявленіе по теософскому міросозерцанію.

(См. статью *„Теософическое міропониманіе“* въ „Вѣстникѣ Теософіи“, за 1908 г. № 12).

Въ основѣ проявленности міра лежитъ *монадологическая Сущность.* Жизнь міра, инволюція и эволюція космоса и человѣка есть проявленіе монадологической Сущности, той Сущности, о которой говоритъ и Лейбницъ въ своей „Монадологіи“, и Шри-Шанкара-Ачарія (индусскій мудрецъ и философъ, жившій въ VIII вѣкѣ по Р. Хр. Комментаторъ „Упанишадъ“, „Бхагавадъ-Гиты“ и афоризмовъ Брамасутръ) въ своемъ сочиненіи „Atma-Bodha“ („Пробужденіе къ Сущности“). — Въ этомъ твореніи, мы читаемъ: — „Въ Сущности раскрыто все разнообразіе Видимости. Отъ Сущности рождены: дыханіе жизни, движеніе и всѣ силы; отъ нея же рожденъ и эфиръ, и огонь, и воздухъ, и вода, и земля, все содержащая“.

Инволюція (міра и человѣка) есть исхожденіе изъ Сущности; *эволюція*—возвращеніе къ ней: „Выдыханіе и вдыханіе „Брамы“.— Я—Ты еси“.—„Я и Отецъ—одно“.—Отсюда понятна идея эволюціи Логоса, выраженная въ „Монадологіи“ Лейбница:—стать внѣ міра и надъ міромъ, ставши предварительно міромъ.

Единство является основнымъ характеромъ *Непроявленнаго, Безусловнаго—Множественность* (полярность, троичность, семиричность)—*міровое проявленіе Сущности.*—Жизнь и форма, Сила и Матерія, энергія и энерція—все это слова, которыми „человѣкъ

выражаетъ идею „Полярности“.*)—Въ проявленіи, мы наблюдаемъ Силу и Матерію, какъ бы отдѣльными, но въ Сущности онѣ—единое.—Долгое время, западно-европейская положительная наука обособляла Силу и Матерію, но теперь и она признала ихъ единство, и, напримѣръ, современный французскій ученый Gustave Lebon, въ своихъ двухъ сочиненіяхъ [1). „L'évolution de la matière“ и 2). „L'évolution des forces“] говоритъ, что—„Сила и Матерія—двѣ разновидности одной и той же сущности“ (т. е.,—„Полярность“).

Въ эволюціи человѣка, его земная жизнь есть проявленіе монадологической Сущности во времени и въ пространствѣ. Живя на землѣ, человѣкъ одновременно обитаетъ: *міръ физическій* (міръ его видимой дѣятельности на землѣ), *міръ астральный* (міръ чувства), *міръ ментальный* (міръ мысли) и *міръ духовный* (міръ идей).

На первый взглядъ, *физическій міръ* есть то, что мы видимъ и осязаемъ.—Если бы мы руководились *только* эмпирическимъ методомъ позитивизма и строили бы наше міропониманіе исключительно на опытѣ нашихъ пяти чувствъ, то „міръ“ оказался бы очень тѣснымъ кругомъ.

Но, на самомъ дѣлѣ, „міръ физическій“ гораздо обширнѣе той совокупности матеріи, которую мы видимъ и осязаемъ въ нашей обыденной жизни.

Возьмемъ очень простой примѣръ:—черезъ призму идетъ бѣлый лучъ солнца и, преломляясь, даетъ семицвѣтный спектръ на экранѣ.—Если вы имѣете передъ этимъ экраномъ, напримѣръ, 20 наблюдателей, то изъ нихъ не болѣе, какъ двумъ-тремъ—спектръ представляется одинаковой величины:—для однихъ видимость его кончается ближе, для другихъ—дальше (мы разумѣемъ наблюдателей, обладающихъ „нормальнымъ“, здоровымъ зрѣніемъ).—Гдѣ же здѣсь точность и вѣрность эмпиризма, все основывающаго и строящаго на опытѣ *только нашихъ* пяти чувствъ?

Что есть „*Матерія*“?. Еще недавно, позитивизмъ провозглашалъ обособленность и вѣчность матеріи (напр., теоріи: Лавуазье, Бюхнера и др.), но теперь и современная положительная наука запада отвергаетъ самостоятельное существованіе „матеріи“ и опредѣляетъ матерію, какъ *инерцію заряженную энергіей*:—Рамзей (химикъ, открывшій гелій), напр., опредѣляетъ матерію какъ *пространство, заряженное энергіей*.—Ареніусъ (физикъ и астрономъ) дополнилъ этотъ взглядъ [въ своей „Электролитической теоріи“],

*) Полярность“—двѣ стороны одной Сущности. Двѣ „полярности“ не есть двѣ противоположности, а лишь двѣ противоположныя стороны одного и того же.—*Примѣч. авт.*

указывая, что *„пространство“* есть лишь *способъ воспріятія міровой инерціи.*

„Матерія“ является какъ бы *точкой опоры силы,* а *безъ* точки опоры не можетъ быть проявленія.—Вотъ почему, первое проявленіе Единой Сущности есть *„Полярность.“*—

По символикѣ индуизма, вселенная зачинается и кончается *великой полярностью:*—„выдыханіемъ и вдыханіемъ Брамы“:—*Инволюціей и Эволюціей:*—„Нисхожденіемъ отъ Отца и возвращеніемъ къ Отцу“.—Эта *Полярность,* этотъ *ритмъ,* составляетъ *Проявленіе* міра и человѣка.—Проявленіе „макрокозма“ и „микрокозма“ [проявленіе Единаго въ полярности, троичности и семиричности]—это—*„Manvantara“* и *„Pralaya“* вселенной, о которыхъ поютъ Стансы „Сокровенной Доктрины“,—это 3 *„гуны“* (Tamas, Rajas, Sattva) индуизма,—это—Богочеловѣчество и Троица Христіанства, *)—это—та тройственность (Іегова, Люциферъ, Христосъ), о которой говоритъ д-ръ Рудольфъ Штейнеръ (въ своей теос. лекціи: „Проблема Смерти“).

Бѣлая и черная колонны (Іоахинъ и Воазъ) Соломонова храма,—скрещенные треугольники шестилучевой звѣзды Печати Соломона,—„Два Старца“ Каббалы,—змѣи Кадуцеи Меркурія,—сфинксы колесницы Озириса,—библейскіе: Адамъ и Ева, Каинъ и Авель, Исавъ и Іаковъ,—египетскіе: Сетъ и Горусъ („Книги Мертвыхъ“, ст. 5 и 6)—все это—*символы міровой полярности и троичности проявленія Единой Сущности.*

Какъ всякая *частица потенціально* заключаетъ въ себѣ свойства *цѣлаго,* такъ и всякое проявленіе въ мірѣ заключаетъ и отражаетъ въ себѣ всю божественность единой Сущности.

Всякая *форма* [Сочетаніе силы-матеріи—matiére-force] отражаетъ въ себѣ отблескъ Сущности, и этотъ отблескъ есть ея *Монада* (Центръ Сознанія, душа).

Отдѣльность формы есть лишь иллюзія („Майа“):—возьмемъ для примѣра частицу воздуха, заключенную въ тонкую оболочку мыльнаго пузыря:—послѣ краткаго момента кажущейся отдѣльности, эта частица воздуха вновь сливается съ атмосферой, снова возвращается въ *непроявленное состояніе.*—Такъ и все, проявленное во вселенной: и міры, и человѣкъ, составляютъ лишь каплю океана

*) Прим. ред. Считаемъ необходимымъ напомнить, что идея Троицы принадлежитъ всѣмъ религіямъ, а не одному христіанству. Подъ различными названіями она встрѣчается и въ индуизмѣ и въ буддизмѣ и въ еврействѣ и въ религіи Заратустры. (См. В. Т. февраль. 1908 г. Введеніе въ древнюю мудрость).

божественности, *безсмертную* каплю, на мгновеніе заключенную въ *бренную* оболочку.

На *физическомъ планѣ*, мы наблюдаемъ не самую матерію [ибо современная положительная наука теперь отвергаетъ ея самостоятельное существованіе], *) а *лишь формы*, или лучше сказать,— *степени міровой эволюціи*.

Говорятъ: въ природѣ мы наблюдаемъ тѣла (твердыя, жидкія, газообразныя). Но „тѣлъ", на самомъ дѣлѣ, нѣтъ: есть только „состоянія матеріи", или, лучше (такъ-какъ и абсолютной „матеріи" тоже нѣтъ): *состоянія проявленія, ступени проявленія эволюціи міра*. Рѣзкихъ граней между этими ступенями нѣтъ:—наблюдается постепенный переходъ изъ одного состоянія въ другое: изъ, такъ-сказать, „низшаго" (болѣе грубаго, болѣе плотнаго) въ „высшій" (болѣе утонченный).

Наитончайшій „атомъ" физическаго тѣла какъ бы построенъ изъ атомовъ наиболѣе плотныхъ міра астральнаго; наитончайшій атомъ астральнаго тѣла какъ бы построенъ изъ атомовъ наиболѣе плотныхъ міра ментальнаго, и т. д.—Міры: физическій, астральный, ментальный, и т. д.,—какъ бы взаимно проникаютъ одинъ въ другой (s'interpénètrent). И, если мы обратимъ внимательный взоръ на совокупность существъ и явленій міра, то мы замѣтимъ ряды формъ, служащихъ выраженіемъ *степеней проявленія мірового Сознанія*.

Ми видимъ далѣе, что міровое проявленіе совершается *циклически*: день смѣняетъ ночь, за вдыханіемъ слѣдуетъ выдыханіе, сердечная систола (сокращеніе) ведетъ за собой діастолу (расширеніе). Вездѣ *полярность*, вездѣ *ритмъ*, вездѣ смѣна *акціи* и реакціи, смѣна дѣятельности и покоя („манвантара" и „пралайа"). Законъ сохраненія энергіи, столь доступный наблюденію при небольшой скалѣ, становится болѣе неуловимымъ для насъ при увеличеніи клавіатуры проявленія. Происходитъ же это вслѣдствіе ограниченности нашихъ обыденныхъ познавательныхъ средствъ. Поэтому-то (какъ говоритъ Лейбницъ въ своей „*Монадологіи*"), мы, въ нашемъ обыденномъ сознаніи, наблюдаемъ только отрывки эволюціоннаго процесса міра.

---

*) Мірозданіе можно выразить слѣдующей краткой стереометрической схемой:— Шаръ съ *безконечными* радіусами; 7 концентрическихъ круговъ („*7 плановъ*"); эти круги *пересѣкаются* въ безчисленныхъ плоскостяхъ и точекъ пересѣченія— безчисленное множество: каждая точка пересѣченія есть отдѣльная „*Монада*"

Примѣч. автора.

Между тѣмъ, все въ проявленномъ мірѣ подчинено закону ритма и *эволюціи.* Человѣческія расы развиваются, умираютъ и возрождаются. У нихъ свое дѣтство, юность, зрѣлость, старость: раса въ расцвѣтѣ, когда одухотворяющее ее жизненное движеніе въ апогеѣ; когда же „волна жизни" переходитъ на другіе пункты земного шара, раса постепенно старѣетъ: взгляните на русскую юность, американскую молодость, французскую старость.

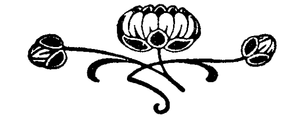
Моря и земли подчиняются тому же закону: исторія и геологія свидѣтельствуютъ, что лицо земли неоднократно измѣнялось и тамъ, гдѣ теперь океаны и моря, тамъ были нѣкогда материки, гдѣ жили люди, достигавшіе высокой степени развитія.

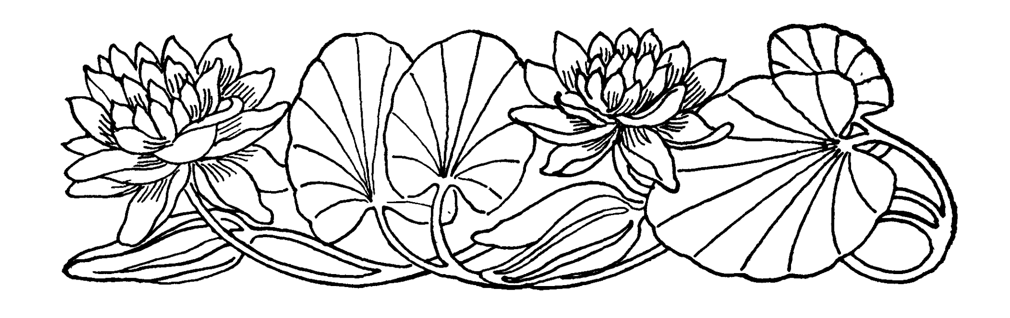
И сами планеты не ускользаютъ отъ этого предвѣчнаго закона проявленія, закона инволюціи и эволюціи: зачавшись какъ туманность (nébuleuse) изъ мірового центра въ моментъ возникновенія одной изъ планетныхъ системъ, онѣ снова погружаются въ него, когда пробилъ часъ ихъ возвращенія.

И сама вселенная, со всѣми ея проявленными свѣтилами и мірами, возвращается къ Единой Сущности. Но возвращается, совершивъ циклъ проявленія (циклъ инволюціи и эволюціи), *совершивъ путь познанія и совершенствованія.* „Искра Божія", центръ божественнаго Сознанія, *инволюируя* на землѣ въ „матерію", *эволюируетъ* изъ нея, утончая ее, совершенствуя форму своего проявленія. Мы видимъ минералы: въ нихъ—наименьшее количество *проявленнаго* сознанія. Далѣе, мы видимъ растенія и животныхъ: они представляютъ собою различныя *степени эволюціи сознанія духа.* Мы видимъ, наконецъ, человѣка. Мы видимъ Существо, цѣль жизни котораго—познать міръ, стать *надъ* міромъ и *внѣ* міра, пройдя чрезъ него и сдѣлавшись истиннымъ словомъ Божьимъ, стать также *совершеннымъ,* какъ совершененъ Отецъ Небесный.

П. Батюшковъ.

(17 іюня 1909 года).

Генезисъ Духа.

И я подъ старость сѣять вышелъ,
Труду отдавъ себя вполнѣ,
Когда въ душевной глубинѣ
Упреки совѣсти заслышалъ!...

Господь! рука моя слаба:
Мнѣ трудно справиться съ посѣвомъ...
О! Не карай правдивымъ гнѣвомъ
Донынѣ спавшаго раба!

Викторъ Мюръ.

Изъ своей собственной души, изъ своей личной индивидуальности, я не рѣшаюсь брать матеріала для посѣва на общественной нивѣ. Я рѣшился поискать въ сокровищницѣ индивидуальности моей націи и избралъ Словацкаго, одного изъ лучшихъ польскихъ поэтовъ, который свободнымъ полетомъ мысли опередилъ на цѣлое столѣтіе своихъ современниковъ. Изъ его твореній я избралъ то, которое онъ самъ считалъ лучшимъ, надъ которымъ работалъ съ особеннымъ усердіемъ и любовью и завѣщалъ потомству, какъ перлъ своего творчества, перлъ вмѣщающій альфу и омегу мірозданія.

Издателей этого произведенія встрѣтили большія трудности, такъ какъ въ подлинной рукописи находилось много добавленій и исправленій, въ которыхъ трудно было разобраться, ибо часто большая или малая начальная буква, или перемѣна окончанія слова измѣняли совсѣмъ значеніе провозглашаемой идеи. Но тамъ дѣло шло о точномъ возстановленіи подлинника. Переводчику предстоятъ иныя трудности: предстоитъ передать часто недостаточно ясныя, достигающія неизмѣримыхъ высотъ мысли словами иного языка, иными оборотами рѣчи. Не вводя себя въ заблужденіе относительно недостаточности своихъ силъ, я ободряю себя мыслею,

что такъ какъ это произведенiе, насколько мнѣ извѣстно, въ русскомъ переводѣ еще не появлялось, то, если я сумѣю обратить вниманiе русской читающей публики на это произведенiе польскаго поэта, и если недостатки моего труда побудятъ болѣе способныхъ исполнить его болѣе совершенно, трудъ мой не пропалъ безплодно.

Чтобы миновать непосильныя мнѣ трудности, я рѣшилъ брать мысль за мыслью, передавать каждую изъ нихъ тѣми же красками и тонами, стараясь вызвать тѣ же впечатлѣнiя, не стѣсняя себя педантичной точностью штриховъ; а потому позволяю себѣ часто отступать отъ подстрочнаго перевода.

Да проститъ мнѣ авторъ, если я неумѣлой и грубой рукой исказилъ иногда тонкую, стремящуюся въ необъятный просторъ и высь, работу духа его, да проститъ мнѣ ради желанiя моего почтить его память въ столѣтнюю годовщину его рожденiя.

И. Э. Познякъ.

На утесахъ, среди океана, волею Твоей благодати, Господи духъ мой обрѣлъ память минувшей вѣчности и, уносимый прозрѣвшей памятью, ушелъ въ глубь вѣковъ, и даръ безграничной силы воспоминанiя довелъ его до той благой поры, когда онъ пребывалъ въ Словѣ, а Слово пребывало въ Тебѣ, и „я" пребывалъ въ Словѣ. И узрѣлъ Духъ мой безсмертiе свое въ минувшихъ вѣчностяхъ, узрѣлъ себя Сыномъ Божiимъ, творцомъ пережитыхъ формъ своихъ, однимъ изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ любовью своей сотворенныя въ страданiяхъ несовершенныя формы свои приносили въ даръ Тебѣ, и Ты, Отцовской благостью своею разрѣшилъ имъ творить болѣе совершенное.

Ибо мы, Духи Слова, пребывали въ безграничномъ могуществѣ Твоемъ превыше формъ и видимостей и, въ дѣтскомъ невѣдѣнiи своемъ для полноты блаженства, пожелали проявленiя, пожелали формы и видимостей, а Ты въ безграничной Отцовской благости Твоей разрѣшилъ намъ изъ самихъ себя, изъ воли своей и изъ любви своей создать формы. И предстали мы передъ Тобой проявленными!...

И тѣ изъ насъ, которые избрали для проявленiя своего свѣтъ, отдѣлились отъ тѣхъ, которые проявились мракомъ, и Духи свѣта и сiянiя начали работу свою въ солнцахъ и безчисленныхъ свѣти-

лахъ во взаимномъ тяготѣніи къ братіямъ своимъ, которыхъ работа проявилась въ мірахъ земныхъ и лунныхъ. И Тебѣ, Отцу предвѣчному, вмѣстѣ съ любовью своей, несутъ они плоды творчества своего, ибо отъ любви получали они формы свои и любовію творятъ.

Здѣсь, гдѣ на утесахъ, нагроможденныхъ надо мною, лучи солнца, разсѣявъ тьму, проявляютъ причудливыя формы скалъ и, отраженныя то цвѣтами растеній, то изгибами утесовъ, даютъ зрѣнію моему наслажденіе чудныхъ свѣтовыхъ впечатлѣній, гдѣ источникъ палящихъ меня лучей, золотой дискъ солнца, не теряя изъ себя ничего, дробится безчисленными отраженіями въ могучихъ волнахъ океана и множествомъ подвижныхъ огненныхъ штриховъ сверкаетъ въ необъятныхъ водныхъ просторахъ, здѣсь, гдѣ въ грозномъ ревѣ валовъ слышны голоса, творящаго новыя формы Хаоса, гдѣ пройденнымъ уже мною путемъ, создавая все болѣе совершенныя формы, вереницею непрерывной восходятъ Духи по ступенямъ жизни къ Тебѣ, Отцу своему, здѣсь, надъ безднами морскими, гдѣ не разъ духъ мой стремился проникнуть за предѣлы видимыхъ горизонтовъ, за предѣлы постижимаго физическимъ тѣломъ моимъ, здѣсь хочу, Господи, младенческимъ лепетомъ начинающей прозрѣвать души моей, повѣдать весь путь, пройденный Духомъ моимъ, возстановляя, память мою чтеніемъ сокрытой въ природѣ книги бытія!

Ибо Духъ мой, получивъ отъ Отца своего троичность изъ Духа, Любви и Воли, увлекъ за собой родственные, подобные себѣ Духи и, любовію волю въ себѣ возбудивъ, въ точкѣ одной пространства непроявленнаго сосредоточилъ себя, и стала она источникомъ силъ магнетическихъ.

А изъ нихъ блеснуло электричество, породивъ громъ и молнію.

И обрадовались Духи первому проявленію своему и возгорѣлись свѣтомъ и тепломъ.

И, восхищенный первымъ проявленіемъ своимъ, Духъ мой въ лѣнивомъ довольствіи остановилъ творческія силы свои и пренебрегъ возгорѣться солнечнымъ сіяніемъ.

Но Ты, Господи, не далъ остановиться на несовершенномъ Духу совершенному. И пренебрегшему солнечной работой далъ разногласіе и борьбу силъ внутреннихъ, и, вмѣсто сіянія солнечнымъ животворящимъ блескомъ, возгорѣлись въ немъ огни разрушители, и сталъ Духъ мой работать на сотвореніи формъ земныхъ и лунныхъ и, научаясь владѣть силами стихійными, шаромъ огненнымъ повисъ надъ безднами.

Но вотъ, въ просторахъ небесныхъ возсіялъ еще сонмъ Духовъ сіяніемъ болѣе могучимъ и совершеннымъ, и одинъ изъ Духовъ, Ангелъ чуднаго блеска и силы, увлекъ меня и мнѣ подобныхъ и въ стремительномъ вращеніи, подобно радужнымъ кругамъ, въ безграничномъ пространствѣ стали мы учиться создавать законы.

И тогда три Духа, три Ангела: солнечный, земной и лунный, установили между собой законы зависимости, взаимопомощи и протяженія. И научился я періодъ свѣта—днемъ и періодъ, лишенный свѣта, ночью называть. И стали дни и ночи чередоваться, уходя непрерывной вереницей въ вѣчность прошлаго, а я на грани двухъ вѣчностей, вѣчности прошлаго и вѣчности будущаго, не пропустилъ ни одного дня въ неутомимой дѣятельности, каждую мысль о новой формѣ въ новую форму воплощая, Слово Духа земного закономъ призналъ, закону подчинился, и, опираясь на установленный законъ, новыя болѣе совершенныя пути для проявленія духа извлекать сталъ.

И, сконцентрировавъ все могущество свое, Духъ мой въ скалу воплотился, водворивъ въ ней усыпленныя зачаточныя силы безконечнаго ряда послѣдующихъ, безпрерывно совершенствующихся формъ, вплоть до нынѣ достигнувшей формы человѣка и, заколдовавъ въ скалѣ всѣ эти формы и силы, мыслею Божіей, какъ радужной цѣпью, сковалъ.

Проникни, Духъ человѣческій, въ эти утесы, нагроможденные надъ бездной морской, озаренные палящими солнца лучами: тамъ заколдованы братніе Духи твои, безконечное разнообразіе формъ чудныхъ таится тамъ; тамъ всѣ числа во всѣхъ математическихъ безконечныхъ скомбинированы соотношеніяхъ, и много еще неизвѣданныхъ тайнъ сокрыто тамъ, а Ты, Господи, въ непостижимой мудрости своей и тайну формъ кристалла сокрылъ въ работѣ силъ живыхъ и воды живыя, не подчиненныя законамъ, законамъ подчинилъ. и пролились онѣ, окружая скалы океаномъ; и все на землѣ было жизнью, мѣняющей формы. А прежде перехода духа отъ формы къ формѣ, того что мы смертію называемъ, не было.

Кристаллы несокрушимые, вы первые тѣла духа воплотившагося! Лишенныя движенія, но жизнь духа содержащія, вы совершенство свое отъ тучъ и громовъ получили. Вы, подобно фараонамъ, на тысячалѣтія формы свои сохранили. Вы движеніемъ пренебрегли въ несокрушимости и бездѣйствіи совершенство проявить мнили!

Много, Господи, Ты огней подземныхъ и громовъ небесныхъ на нихъ обрушилъ, пока кристаллы эти въ прахъ превратилъ, въ

прахъ, нынѣ земную жизнь питающій и свидѣтельствующій, что здѣсь были колоссы, протяженіемъ и творчествомъ первыхъ Духовъ воздвигнутые и ихъ воплотившіе.

Или волею Твоей сами Духи, испуганные неподвижностью формъ своихъ, въ усиліяхъ освободиться разметали ихъ, и гиганты утесы превратились въ пыль и песокъ. Дробя громады свои, огненными искрами, какъ брызгами крови, свидѣтельствовали мы о силѣ разрушенія своего. И разгорѣлись искры столбомъ огненнымъ и предстали Ангеломъ разрушителемъ, нынѣ еще въ нѣдрахъ земли подъ семидневной работой нашей, пепла и песка скорлупой сокрытымъ.

И, утомленные тщетными порывами, создать совершенное въ неподвижномъ, первую жертву Тебѣ, Господи, принесли Духи; они обрекли себя на смерть.

Но Духи, Сыны Господа своего, смерти не знающаго, смерти подвержены быть не могли. Ибо смерти, какъ конца существованія, быть не можетъ. Смертію назвали мы засыпаніе въ одной формѣ для пробужденія въ другой, болѣе совершенной, безъ памяти прошлаго, безъ сознанія предыдущаго существованія.

И, принявъ жертву смерти, подарилъ Ты силу жизни, далъ Ты, Господи, въ скалистой оболочкѣ пробудиться къ жизни улиткѣ робкой, но жизни жаждущей. Этимъ Ты исполнилъ просьбу Духовъ, возсылающихъ мольбу къ Тебѣ, чтобы Ты изъ формъ неподвижныхъ и вѣчныхъ ихъ освободилъ и далъ имъ жизнь подвижную, а взамѣнъ дарованной подвижности, сократилъ ее смертію. И была та смерть первымъ искупленіемъ, первой жертвой Христа, умершаго, чтобы воскреснуть въ болѣе совершенномъ.

Но этимъ путемъ, Господи, должны идти всѣ Духи, братья наши, въ скалахъ, утесахъ и кристаллахъ проявившіеся, и позволилъ Ты намъ возстановлять для нихъ формы наши, производя себѣ подобныхъ.

И не сосредоточиваться и сгущаться въ газы, воды и скалы стали Духи наши, а жить и умирать научились они. И хотя Духъ мой въ первой искрѣ уже былъ сосредоточенъ и въ скалу всю полноту своей жизни воплотилъ, но для моего, нынѣ ограниченнаго матеріей зрѣнія, жизнь видимой стала только съ момента этой первой смерти; съ момента этой первой жертвы жизнью, Духи видимо проявили дѣятельную жизнь и братьями моими стали.

И одно лишь жертвоприношеніе Духа, со всей силой любви и воли жизнь въ жертву Господу принесшаго, породило такое множество формъ разнообразныхъ и дивной красоты твореній,

что нынѣ я моими силами людскими ни сосчитать, ни прославить ихъ не въ силахъ. Но ты, Господи, знаешь ихъ всѣхъ, ибо ни одна изъ нихъ не воплотилась изъ предыдущей, совершенствуя себя, не будучи направлена волею Твоею. Мятущійся и молящій у тебя помощи и поддержки Духъ Ты приближаешь прежде къ Себѣ, Господи, и, выслушавъ младенческія, наивныя желанія его, разрѣшаешь ему проявить ихъ; и рождались новыя формы, мудрыя мудростью Твоей, и дѣтски наивныя, ибо такими были просьбы Духа младенческаго. И каждый Духъ длиннымъ рядомъ страданій порожденныхъ несовершенствомъ формъ, волей младенческаго Духа опредѣленныхъ, познавая несовершенства свои, приносилъ въ жертву Господу что-либо прекрасное изъ менѣе подвижныхъ формъ своихъ и просилъ болѣе прекраснаго и болѣе подвижнаго по существу къ духу ближе стоящаго.

Въ безднахъ стараго океана сокрыта тайна зарожденія перваго организма, перваго нерва дрожаніе, изъ котораго мощь Духа расцвѣла. Но два раза его стихійныя силы поглотили міры страшныхъ чудовищъ, неудачные плоды несовершенной Духа работы, и, не желая огорчить насъ нашими неудачами, старательно сокрылъ ихъ въ безднахъ своихъ.

Губчатообразныя и растительно-пресмыкающіяся съ волной морской выходили изъ нѣдръ океана. Зоофиты на безчисленныхъ ногахъ своихъ подымались надъ дномъ морскимъ, рты свои, въ ожиданіи пищи, ко дну обращая. Улитки и устрицы, у родителя своего, утеса, позаимствовавъ покровы свои и, удивленныя жизни сознаніемъ, прикрылись каменными щитами своими и прильнули боязливо къ утесу.

И чудовища страшныя, холодныя и лѣнивыя, родившіяся въ безднахъ океана, съ отчаяніемъ и страхомъ боролись съ движеніемъ волнъ морскихъ, опасаясь покинуть мѣсто рожденія своего желая тамъ жизнь свою прожить и тамъ умереть, считая лучшимъ въ мірѣ то мѣсто, гдѣ жизнь получили. Но Духу моему трудно проникнуть теперь въ бездны морскія и прослѣдить жалобы и желанія и пріобрѣтенія новыхъ усовершенствованныхъ формъ своихъ; и неяснымъ для меня осталось, въ силу какихъ страданій одно изъ чудовищъ сихъ возбудило дѣятельность нервовъ своихъ и пожелало движенія и нѣжныхъ чувствъ и, смутно сознавая троичность силъ своихъ, пожелало имѣть три сердца. И Ты имъ далъ ихъ, Господи. Одно въ центрѣ организма укрѣпилъ, а два, какъ на стражѣ, по бокамъ размѣстилъ. И стали они въ три сердца радость бытія переживать и тремя сердцами отъ каждой боли и

смерти трепетать. Скажи, Господи, который изъ мучениковъ трехъ сердецъ, одно лишь въ груди себѣ оставивъ, все творчество свое, всю волю свою на любопытство направилъ и, взамѣнъ двухъ въ жертву принесенныхъ сердецъ, двое глазъ получилъ, зрѣніемъ одаренныхъ. И нынѣ еще въ окаменѣлыхъ моллюскахъ удивляютъ они своимъ совершенствомъ, а въ первые дни сотворенія свѣтились на днѣ морскомъ чуднымъ блескомъ камней драгоцѣнныхъ, но подвижныхъ и жизнью осмысленныхъ; и остались они вѣчно открытые, проявленіемъ и свѣтомъ ума свѣтящіе. А нынѣ скептикъ человѣкъ добровольно ихъ закрываетъ, даръ зрѣнія обманомъ опыта признавъ. Въ полипахъ, въ моллюскахъ уже вижу присутствіе зарождающагося мозга и слуха. Въ мірѣ, населяющемъ бездны морскія, вижу уже всѣ органы человѣка, всѣ его свойства въ разныхъ твореніяхъ расчлененные и ожидающіе, чтобы Духи, умудренные опытомъ, въ одномъ твореніи ихъ соединили, вѣнцомъ, или челомъ, вѣковой работы признали и въ человѣкѣ проявили. Но разрозненные въ разныхъ твореніяхъ человѣческіе органы, достигшіе въ нихъ непропорціональнаго развитія, чудовищностью своей ужасъ наводили, а воплотившихся въ нихъ Духовъ, не удовлетворяя, страданіями и борьбой со стихійными силами океана истомили. И утомленный Духъ отъ всѣхъ трехъ сердецъ отказался; глаза и тѣ Господу въ жертву принесъ. Уста, готовые уже къ небу вздохъ свой послать, на концы ногъ перемѣстилъ и, уменьшивъ ихъ совершенство, увеличилъ числомъ и въ землю направилъ, извлекать для тѣла своего питательные соки, сойдя съ пути совершенствованія, даже нервную систему свою въ жертву принесъ, чтобы найти опять отдыхъ въ спокойномъ, лишенномъ борьбы и движенія, но зато болѣе прочномъ, и продолжительномъ существованіи, и сталъ зоофитовымъ грибомъ на землѣ. Во-второй разъ лѣнью остановленный Духъ съ пути совершенствованія сошелъ. И во второй разъ, Господи, Ты всю работу Духа стихійными силами уничтожилъ, лишь животному, подобному дереву, жизнь растительную оставивъ.

Это второе грѣхопаденіе Духа моего. Грѣхопаденіе, слѣды котораго и до нынѣ тормозятъ развитіе Духа, ибо и нынѣ страдаетъ лѣнью, желаніемъ продлить пребываніе въ физическомъ мірѣ, и нынѣ главное стремленіе его достигнуть возможно большаго матеріальнаго благосостоянія и продолжительной, удобной въ физической оболочкѣ жизни. Но Духъ, къ совершенству стремящійся, хотя бы въ путяхъ и ошибся, но за стремленіе къ Господу своему въ Книгу Бытія внесенъ будетъ.

И глубоко въ наслоеніяхъ земныхъ, о потопѣ свидѣтельствующихъ, подъ залежами лѣсовъ гигантскихъ, въ уголь превращенныхъ, сохранилъ Ты намъ, Господи, первые творческіе опыты Духа нашего, тонкой работой нервныхъ узловъ силящагося землю поработить, троичное сердце себѣ избравшаго, сердце, впервые въ человѣкѣ страданіемъ и кровью обагренное, а во Христѣ за ближнихъ страдать научившееся. Благословляю тѣхъ, Господи, чей пытливый умъ изслѣдовалъ нѣдра земныя, и свѣтомъ ума освѣтилъ мракъ вѣковъ минувшихъ, и о скелетахъ вымершихъ чудовищъ намъ разсказалъ, и про жизнь этихъ труповъ окаменѣлыхъ, не зная, что про жизнь собственную разсказываетъ. Свѣтъ ихъ ума освѣтилъ мнѣ мракъ нѣдръ земныхъ: когда я въ нихъ проникъ, нашелъ тамъ уже ихъ трудами собранныя всѣ части скелетовъ, тѣломъ облеченныя, образъ жизни и питанія возстановленными; все почти къ жизни готовое; не хватало только Божественнаго Мышленія, чтобы оживить всю цѣпь существованій, разсказать весь путь совершенствованія, разсказать, сколько эти кости выстрадали, пока нашей жизни почву подготовили.

Итакъ Духъ мой, утомленный дѣятельной жизнью въ формахъ несовершенныхъ, весь организмъ свой, одаренный способностью воспринимать впечатлѣнія, Тебѣ, Господи, въ жертву принесъ, оставивъ себѣ лишь столько силы, чтобы землей овладѣть и искру жизни въ формахъ растительныхъ сохранить. Но и здѣсь сила Духа проявилась въ громадныхъ размѣрахъ и безконечномъ разнообразіи формъ растительныхъ, дремучими, темными лѣсами землю покрывшихъ. И, среди звѣздъ сверкающихъ, страшнымъ, угрюмымъ преступникомъ казался шаръ земной, темными лѣсами поросшій, тучами и туманами сырыми окутанный. И нынѣ Духъ мой, объятый трепетомъ, не рѣшается проникнуть въ глубь тѣхъ лѣсовъ угрюмыхъ, ибо тамъ гигантскія вѣтви древесныхъ громадъ, вихремъ потрясаемыя, громовыми раскатами роптали на нарушенный покой, а сѣмена вересковъ гигантскихъ, пробуждаясь къ жизни, выпускали ростки, разрывая свои могучія оболочки съ грохотомъ, подобнымъ изверженіямъ вулкановъ, и ростки изъ раскрывшихся сѣмянъ выпрямлялись съ такой силой, что скалы гранитныя, что цѣлыя горы, взлетали на воздухъ, разсыпаясь въ пыль и песокъ. Въ тучахъ, въ туманахъ и въ мракѣ таинственномъ вижу эту могучую работу Духа въ формахъ растительныхъ; это царство Духа Лѣсного, гдѣ онъ болѣе на размѣры формъ своихъ, чѣмъ на обожествленіе свое, всѣ силы свои напрягалъ. То, что со смертію отъ Духа отдѣлиться должно и остаться для

превращенія въ уголь и въ перегной черноземный, то было главной цѣлью работы и усилій Духа. Но, признавъ несоотвѣтствіе формъ, сотворенныхъ для пребыванія Духа божественнаго, обращался онъ къ Отцу своему, отдавая сотворенныя съ такимъ усиліемъ тѣла свои въ жертву силамъ стихійнымъ, видя въ этомъ освобожденіе свое.

И изъ напряженнаго стремленія къ освобожденію, изъ стремленія приблизиться къ Отцу своему родились силы стихійныя: таково было напряженіе Духа. И проявилось оно пламенемъ могучимъ, моря изсушившимъ. И воды превратились въ пары, отъ земли отдѣлились и опять на землю потопомъ обрушились, но пламени залить не могли. И пылала клокочущая поверхность земли столѣтія цѣлыя, пылала, свидѣтельствуя Господу на небесахъ о жертвѣ Духа, о жертвѣ, въ которой принесъ онъ Господу съ любовью своей тысячелѣтнія усилія надъ совершенствованіемъ своимъ и, вмѣстѣ съ жертвою, принесъ обѣтъ, не останавливаясь болѣе, работать надъ совершенствованіемъ своимъ, въ стремленіи приблизиться къ Отцу своему.

И съ отцовской любовью принялъ Господь и жертву и обѣтъ. И пройдутъ еще тысячелѣтія упорной работы Духа, любовію къ Отцу моему направляемой, и земля наша засіяетъ чуднымъ блескомъ двѣнадцати камней драгоцѣнныхъ, въ такомъ чудномъ сіяніи въ какомъ видѣлъ ее Апостолъ Іоаннъ Святый, въ мірѣ звѣздномъ сіяющей.

Въ непроявленномъ еще состояніи Духа моего сокрыты уже были мысль и чувство. Мыслею Духъ мой стремился къ изысканію формъ для себя; чувствомъ и пламенемъ любви возбуждаемый, молилъ Господа о разрѣшеніи въ формахъ проявиться. И съ соизволенія Его обѣ эти силы: мысль и чувство въ тѣлѣ воплотилъ, пребываніемъ мысли мозгъ избравъ, а чувство въ сердцѣ сосредоточивъ. И чего достигъ Духъ мой въ первыхъ періодахъ творчества своего совокупной дѣятельностью мысли и чувства, то сохранилъ ему Господь и въ дальнѣйшемъ его развитіи, борьбой и страданіями къ совершенствованію побуждая. И вотъ, раздраженный и испуганный сопротивленіемъ тѣла, сталъ Духъ мой помышлять о формахъ гибкихъ; и въ глубинахъ морскихъ стали развиваться организмы, лентамъ серебристымъ подобные. И третій день творчества былъ царствомъ пресмыкающихся чудовищъ. Казалось, обугленные стволы лѣсныхъ громадъ ожили, вмѣсто сердцевины, нервной системой одаренные; а мысль и сердце по землѣ пресмыкаться обречены были. Давъ мысли, для изслѣдованія

окружающаго, глаза, Духъ мой выслалъ ее впередъ, чтобы руководила сердцемъ и охраняла его съ предусмотрительностью, опытомъ предыдущихъ жизней пріобрѣтенной. И гордое совершенствомъ своимъ, сознавая себя господиномъ окружающей природы, могучее пресмыкающееся величаво выходитъ изъ волнъ морскихъ. Пытливо и съ изумленіемъ мѣритъ взоромъ просторы небесные и, встрѣтивъ яркіе солнца лучи, боязливо и робко уходитъ въ мрачныя глубины морскія.

Но проходятъ столѣтія; и воспоминанія животворящаго тепла и сіянія чуднаго небеснаго свѣтила превозмогли страхъ, и чудовище вновь появилось изъ волнъ морскихъ и, надменное силой своей, пожелало солнце поработить, раскрыло широко пасть свою и, призвавъ всю силу мускуловъ своихъ, послало солнцу вызовъ. И родился первый звукъ голоса, звукъ шипящій, змѣиный! И изъ этого звука узналъ Духъ мой о возможности дара голоса и, смущенный, вернулся въ бездны морскія, размышляя, что можетъ онъ изъ пріобрѣтенныхъ совершенствъ своихъ принести въ даръ Господу, для полученія новаго проявленія силы Духа, для полученія дара голоса, дара, въ которомъ, спустя столѣтія, и мысль и сердце изложили работу свою въ чудныхъ гимнахъ въ честь Господа своего, въ пѣсняхъ, призывающихъ братніе Духи къ единенію, къ любви и къ стремленію въ высь небесную, къ Отцу своему. И, прислушиваясь къ звукамъ голоса своего, Духъ мой усиленно работалъ и мыслею и сердцемъ, и чѣмъ сильнѣй была работа Духа, тѣмъ сильнѣй была пѣснь, а чѣмъ сильнѣй была пѣснь, тѣмъ сильнѣй работала моя мысль и мое сердце.

И начали отовсюду раздаваться голоса пробуждающейся природы, и всякое чувство усиливалось, находя себѣ выраженіе въ голосѣ; и переполнились сердца чувствами, и окрасили кровь пресмыкающихся яркимъ, алымъ цвѣтомъ, а материнская любовь алый цвѣтъ превратила въ бѣлый, кровь въ молоко и около сердца въ кормилицу—грудь собрала. Но еще прекраснѣе сверкала кровь Христа, для любви ближняго на крестѣ пролитая. И вотъ установился порядокъ для поверхностнаго взгляда жестокій, ибо Духъ, выстрадавъ для себя болѣе совершенныя формы, менѣе совершенныя себѣ подчинилъ, и, какъ Каинъ, лишая жизни младшаго брата своего, часто мозгъ его и мясо въ пищу себѣ обращаетъ, уста свои, обагренныя кровью, его же волосами вытирая. Этимъ было положено въ природѣ начало Каинова преступленія, болѣе вреднаго высшему Духу, чѣмъ низшему, ибо останавливаетъ его развитіе и стремленіе къ совершенствованію. А передъ Госпо-

домъ отъ этого въ непрерывной цѣпи творчества не происходитъ никакого нарушенія порядка, ибо, черезъ ускореніе смерти, ускоряется переходъ духа въ болѣе совершенныя формы, слѣдовательно усиливается напряженіе жизни, а Смерть, какъ законъ перемѣны формъ, сохранила въ своей власти лишь, такъ сказать, маски и покровы Духа, а въ сущности осталась призракомъ, не имѣющимъ никакой дѣйствительной власти въ природѣ.

Я не въ силахъ, Господи, прослѣдить всѣ пути, какими Духъ стремился къ совершенствованію, что приносилъ Тебѣ въ жертву и что, взамѣнъ принесенной жертвы, получалъ, что терялъ безповоротно, а что возстановлялъ, исправляя ошибки опытомъ. Эта цѣпь творчества тайной облечена, и много вѣковъ пройдетъ, пока болѣе усовершенствованный Духъ нашъ получитъ достаточно силы постигнуть ее, а если бы Ты нынѣ открылъ слабому человѣческому уму всю бездну знанія, всю силу Свѣта Мудрости Твоей, то пораженный и ослѣпленный человѣкъ подобенъ былъ бы ребенку надъ бездной.

Я, углубленный въ думы мои, въ созерцаніи творчества Твоего уловилъ лишь нѣсколько лучей свѣта Истины, и уже просвѣтлилась душа моя и наполнилась восторгомъ и любовію къ Тебѣ. Мудрость Твою и присутствіе Твое въ каждой травкѣ вижу, въ цвѣткѣ, въ муравьѣ, въ жаворонкѣ, повисшемъ надо мной и звонкой пѣсней прославляющемъ Тебя. И во всемъ окружающемъ меня вижу Тебя, Господи, и знаю, что все живущее на землѣ со мной неразрывной цѣпью связано и отъ одной Первопричины, отъ Отца моего, начало получило; и въ радости расцвѣтаетъ духъ мой, благословляя Тебя за то, что разрѣшилъ ему еще нѣсколько дней пробыть въ тѣлѣ моемъ, и каждый мигъ жизни спѣшу обратить на бесѣду съ природой, совершенствуясь въ чтеніи тайнъ, сокрытыхъ въ твореніяхъ Твоихъ.

Не стану вызывать изъ нѣдръ земныхъ тѣхъ чудовищъ, трупы которыхъ лежатъ въ землѣ часто на небольшой глубинѣ, но отдѣленные отъ насъ безконечно длиннымъ рядомъ вѣковъ. Духъ, который въ нихъ жилъ, былъ такъ же великъ, своеобразенъ и могучъ, какъ они. И въ каждой формѣ совмѣщаются воспоминанія Духа объ отжившихъ уже формахъ и нарождающаяся мечта о новыхъ, болѣе совершенныхъ; и въ каждой новой формѣ отдаленная мечта становится яснѣй и ближе и, наконецъ, воплощается въ человѣка. И какъ бы далеко въ глубь вѣковъ мы не взглянули, въ самыхъ первичныхъ формахъ творенія мы видимъ намѣченной мечту о человѣкѣ.

Но въ проявленной жизни много есть безпорядка, непослѣдовательности, стремительныхъ усилій и горячечныхъ мечтаній... Это Духъ, страдая отъ несовершенства творчества своего, впадаетъ въ отчаяніе и, въ сомнѣніи въ силахъ своихъ, мечется и безпокойно отыскиваетъ утерянные пути къ совершенствованію. И въ переходахъ отъ одного періода творчества къ другому эти пробѣлы и непослѣдовательность выступаютъ яснѣе, и плоды этого безпорядочнаго творчества обрекъ Ты, Господи, на вырожденіе и смерть и этимъ создалъ для насъ величественную таинственность природы и, скрывая отъ насъ наше прошлое, всю любознательность и работу Духа въ будущее направилъ.

И вижу, какъ во снѣ, эти задумчивыя лунныя ночи первичной природы и ужасы царства пресмыкающихся; вижу, Господи, на уступѣ утеса этого перваго дракона, въ которомъ Духъ уже намѣчаетъ мечту о формѣ птицы, о крыльяхъ Икара...

Ибо Духу, воплощающемуся въ сознательную жизнь на землѣ, необходимо имѣть синтетическое понятіе о природѣ, необходимо пролетѣть надъ обитаемой землей, изучить направленіе рѣкъ, узнать, гдѣ лѣсъ смѣняется лугами, и гдѣ горные хребты ставятъ преграду вихрямъ. И первые вожди Израиля, первые посвященные, постигшіе тайну природы, уже открыли намъ, что Духъ на пути къ совершенствованію прежде форму птицы избралъ, чтобы на крыльяхъ надъ землей пролетая, могъ выбрать для своего пребыванія лучшія мѣста, а потомъ уже изъ крыльевъ жертву принесъ, чтобы получить иныя способности, для обладанія землей, болѣе необходимыя и дѣлающія его болѣе устойчивымъ.

Смѣшными и жалкими кажутся мнѣ первыя попытки Духа дать тѣлу своему силу подняться надъ землей. Съ удивленіемъ смотрю я на страшныя окаменѣлыя останки дракона съ птичьимъ клювомъ, съ однимъ крыломъ у ноги, на чудовище, нынѣ безслѣдно исчезнувшее изъ природы, а когда то увѣренное въ совершенствѣ своемъ и пытающееся, подобно Колумбу, пуститься для изслѣдованія земного шара и отысканія новыхъ земель, гдѣ бы могли цѣлыя стада такихъ же чудовищъ найти для своего пропитанія достаточно травы на лугахъ, листьевъ и сучьевъ въ лѣсахъ.

Быть можетъ это и есть то, ужасъ вселяющее чудовище, изрыгающее ядъ и пламя, память о которомъ и нынѣ сохранилась въ сказкахъ и преданіяхъ. Совершенствуя формы дракона, Духъ строилъ изъ костей и мяса страшныя чудовища, какъ корабли огромныя, жадными, сверкающими глазами ищущія пищи, готовыя пожрать все на землѣ, готовыя и самую землю пожрать.

Три раза, Господи, Ты эти чудовища сметалъ съ лица земли силами стихiйными и подъ тремя покровами изъ пепла и угля, какъ въ трехъ гробницахъ, для поученiя насъ, сохранилъ.

И который изъ Духовъ, Господи, въ пятую зарю творчества, подобно Ною, не вступилъ въ ковчегъ спасенiя тѣхъ страшныхъ драконовъ и мамонтовъ гигантскихъ, а сохранилъ жизнь лишь творенiямъ болѣе мирнымъ, болѣе совершеннымъ... тѣмъ, изъ которыхъ выработались формы человѣка? Эта тайна осталась для меня закрытой; но вижу въ этомъ Твою волю, Господи, ибо Ты не переставалъ дѣятельно вести по всѣмъ путямъ Духъ къ совершенствованiю и Твою животворящую руку отдалилъ отъ насъ лишь со дня, когда радугой объявилъ одобренiе всему живущему и обѣщанiе не сметать болѣе стихiйными силами съ лица земли плодовъ творчества Духа совершенствующагося и предоставилъ тогда природѣ законы, ею выработанные, а человѣку право творчества по этимъ законамъ и свободу Духа.

И взошла шестая заря творчества, и сталъ Духъ опредѣлять и выяснять мысль о формахъ человѣческихъ, ибо во всякой травкѣ она съ полной точностью была предначертана.

Но работа Духа подвигалась медленно, ибо часто формы созданныя трудомъ и страданiемъ многихъ вѣковъ, были ему дороги, а страданiе свидѣтельствовало о ихъ несовершенствѣ, и тогда любовь къ прiобрѣтеннымъ формамъ возбуждала въ немъ ожесточенную внутреннюю борьбу съ сознанiемъ ихъ несовершенства; и смятенный Духъ самъ нарушалъ имъ же созданные, и въ теченiе длиннаго ряда столѣтiй управлявшiе его прошлымъ, законы; или, довольный удачнымъ по пути эволюцiи шагомъ, останавливался въ своемъ творчествѣ и впадалъ въ лѣнь и сонъ. Иногда, попадая на путь регресса, уступая первенство свое за ничтожное благо, за чечевичную похлебку, болѣе молодому, но смѣлому и энергичному Духу, и тотъ бралъ на себя руно и получалъ благословенiе Отца своего, а потомъ предавалъ своего младшаго брата вмѣстѣ съ потомствомъ его. Такъ слѣдуетъ понимать толкованiе Моисея, одареннаго ясновидѣнiемъ, взоръ котораго постигалъ, что всякая по нашимъ понятiямъ несправедливость и жестокость въ глазахъ Отца нашего есть возстановленiе справедливости.

И въ исторiи всего человѣчества, и въ жизни отдѣльнаго человѣка мы видимъ точное отраженiе жизни цѣлыхъ мiровъ.

Надо воскресить трупы всѣхъ пяти минувшихъ дней творчества и отъ этихъ, исчезнувшихъ съ лица земли творенiй, узнать

всю послѣдовательность ихъ развитія; а посвященные эту тайну проникли силой своего духовнаго зрѣнія. Ибо ты, Господи, многихъ чудовищъ при переходѣ отъ одной эпохи творчества въ другую въ ковчегъ жизни не допустилъ; и безплодны всѣ старанія изслѣдователей возстановить эти исчезнувшія звенья безпрерывной цѣпи творчества. А лишь тотъ, кто пойметъ, что все отъ Духа начало беретъ, кто свои духовныя силы обратитъ во внутрь себя, лишь тотъ въ глубинахъ собственнаго Духа узритъ все свое прошлое и изъ своего прошлаго о прошломъ всего міра узнаетъ.

Дай мнѣ, Господи, память прошлаго... Дай пережить и перечувствовать вновь то, что Духъ мой пережилъ въ шестой день творчества, когда, умудренный пятидневнымъ опытомъ, творилъ новыя формы, стараясь совмѣстить въ нихъ все въ даръ отъ Господа за страданія свои полученное...

Во всякомъ деревѣ кроется рѣшеніе сложной математической задачи, тайна чиселъ, ибо въ каждомъ менѣе совершенномъ растеніи они въ четныхъ числахъ комбинируются, а въ цѣломъ деревѣ получаютъ рѣшеніе, сводясь къ единицѣ. Это внутреннее сознаніе разрѣшенія множественности въ единицѣ есть преимущество Духа міра растительнаго; въ этомъ онъ полагаетъ свою гордость и совершенство. И листья свои окрасилъ въ зеленый цвѣтъ не случайно, ибо въ немъ логически скомбинированы желтый цвѣтъ лучей, питающихъ листья, и голубой оттѣнокъ воздуха и воды, и эти два атмосферные оттѣнка, сконцентрированные въ растительной ткани, дали растенію тѣ чудные изумрудные покровы, о которыхъ уже Моисей въ своихъ книгахъ говорилъ, что человѣкъ избралъ для прикрытія наготы своей зеленый листъ смоковницы.

И въ каждомъ оттѣнкѣ листка, въ каждой его формѣ, безконечно разнообразящихся въ мірѣ растительномъ, я узнаю работу Духа моего; читаю о жизни его въ вѣкахъ отдаленныхъ, ибо не творилъ онъ случайно, а каждый изгибъ листка, каждый его оттѣнокъ былъ результатомъ пережитыхъ впечатлѣній, пережитыхъ радостей и страданій...

Если начертать путь злого и сильнаго Духа, ведущаго ожесточенную борьбу со стихіями, то побѣдоносно идущаго вверхъ, то сраженнаго и собирающаго силы, чтобы съ новой стремительностью ринуться въ бой со стихіями, если этотъ, изломанный острыми углами, путь начертать въ двухъ линіяхъ, стремящихся вверхъ къ одной точкѣ, а между ними одну прямую, идущую прямо къ цѣли, провести, то получимъ вѣрное изображеніе чер-

тополоха, а его блѣдно-зеленый цвѣтъ и острые колючіе углы его листьевъ и ядъ его сока будутъ вѣрнымъ отраженіемъ Духа злобнаго, который въ этомъ растеніи жилъ и неутомимо работалъ надъ усовершенствованіемъ формъ своихъ.

Если изобразить путь Духа болѣе сильнаго, но не злого, съ большей устойчивостью и сопротивленіемъ ведущаго борьбу съ враждебными силами, то получимъ не ломанную, а волнообразно-отклоняющуюся отъ прямого направленія, но стремящуюся величаво возвратиться къ нему, линію очертанія дубоваго листа.

Если же духъ ведетъ борьбу съ небольшими сопротивленіями природы, употребляя небольшое напряженіе силъ, то его путь дастъ очертаніе листьевъ, покрывающихъ кусты розъ; и для меня яснымъ будетъ, что Духъ, создавшій эти формы, имѣлъ цѣлью не ядъ извлекать изъ земли, не могучую силу создать, но стремился къ изящной красотѣ, почувствовавъ нарожденіе ея въ существѣ своемъ.

И тѣ же стремленія, которыя Духъ переживалъ, создавая формы листьевъ, нынѣ переживаетъ онъ въ человѣческомъ тѣлѣ. И въ душѣ своей я нахожу всѣ цвѣты, всѣ безконечныя формы листьевъ, въ растительномъ царствѣ своимъ разнообразіемъ насъ поражающіе.

О, сколько мудрости и красоты, Господи, Ты, внимая просьбѣ Духа, далъ ему воплотить въ мірѣ растительномъ! Въ немъ предначертались законы, перенесенные потомъ въ высшіе міры... А все, чѣмъ гордится человѣкъ въ изобрѣтательности своей, есть лишь слабое и несовершенное подражаніе мудрости, сокрытой въ былинкѣ каждой, въ каждомъ скромномъ цвѣткѣ! Маленькая, нѣжная маргаритка ютится въ травѣ, не претендуя возбуждать восторговъ и удивленія, а въ ней сокрыта жизнь цѣлаго народа, отдѣльныхъ цвѣтковъ-крошекъ, въ группу собранныхъ и во власть одного пыльника отданныхъ. Въ центрѣ его стоятъ граждане, ибо трудятся на созданіе жизни для слѣдующихъ поколѣній, а для защиты ихъ окружаютъ ряды лепестковъ, лишенныхъ зародышей жизни въ будущемъ, подобно войску илотовъ. Изслѣдуя этотъ скромный цвѣтокъ маргаритки, я вижу въ немъ уже всѣ законы, выработанные Духомъ, чтобы создать государственность въ пчелиномъ мірѣ, ограничивающую ихъ личную свободу для блага жизни цѣлаго улья, и власть въ немъ единоличную установивъ, Духъ тѣ же законы въ общежитіи птицъ повторилъ. А люди, превознося мудрость своихъ законодателей, тѣмъ же законамъ подчинились, не зная, что законодателемъ своимъ Духъ маргаритки

признать должны. И вы, мудрые Аѳиняне, гордые республикой своей, изобразите на знамени своемъ цвѣтокъ клевера!—ибо въ немъ уже законы ваши предначертаны: въ немъ вы видите группу независимыхъ, равноправныхъ гражданъ, соединенныхъ лишь тѣмъ, что растутъ на одномъ стеблѣ, а между ними Ѳемистоклъ, хотя пользующійся одинаковыми съ ними правами и ничѣмъ отъ нихъ не отличающійся, но занимающій самое высокое мѣсто въ верхушкѣ цвѣтка, стоитъ во главѣ республики.

Въ творчествѣ своемъ въ царствѣ растительномъ до сихъ поръ Духъ руководится мыслью, и мысль, выражаясь тройственностью лепестковъ, подымалась по стеблю вверхъ и на верхушкѣ проявилась пятью лепестками цвѣтка. Мысль, группируя цвѣты вокругъ родителя своего, стебля, создала идею семьи и предчувствіе государственности. Мысль въ творчество растеній вводила математику, а чувство удивленное, это стремящееся всюду достигнуть руководительства сердце, отъ творчества мысли получало опытъ для дальнѣйшей самостоятельной работы; цвѣты и плоды созданы общими усиліями мысли и чувства. Пріятный освѣжающій вкусъ плодовъ, или ихъ ядъ предательскій даютъ начало сознанію пользы и вреда, сознанію, отличающему нравственное отъ безнравственнаго... Уже въ яблокѣ былъ указанъ человѣку символъ добра и зла, уже въ пользованіи этимъ плодомъ сокрыта была загадка единенія со злыми или добрыми силами Духа. Ибо уже въ цвѣтахъ и плодахъ Духъ сталъ примѣнять сознаніе полезнаго и вреднаго, нравственнаго и безнравственнаго, присутствіе или отсутствіе красоты, то приближаясь, то удаляясь отъ конечной цѣли творчества своего.

О! Сколько мудрыхъ истинъ сокрыто уже въ первыхъ книгахъ творчества; по людямъ, которые въ стремленіи къ Отцу своему заслужили быть сынами Господа, открываешь Ты страницу за страницей, и читаютъ тамъ они тайну прожитыхъ жизней своихъ и найдутъ предначертаніе будущаго.

Въ какомъ растеніи далъ Ты, Господи, сосредоточить Духу все совершенство свое, въ мірѣ растительномъ имъ пріобрѣтенное? Но не эти насѣкомыя, которыя, находясь на растеніи, какъ будто его часть составляютъ, отвѣтили мнѣ на этотъ вопросъ. Въ этихъ насѣкомыхъ Духъ иныя цѣли выразилъ...—Онъ въ сходствѣ съ растеніемъ искалъ для насѣкомыхъ защиты и безопасности, и въ этомъ выразился возвратъ творчества къ прежнимъ формамъ... Но вотъ я вижу стремленіе Духа изъ царства растительнаго перейти въ міръ болѣе совершенный, и изъ горошинки

онъ выползаетъ, какъ гусеница, и робко ползетъ и вьется вверхъ по прутьямъ плетня... И кажется все, пріобрѣтенное въ мірѣ растительномъ, принесъ Господу въ жертву Духъ для полученія въ этомъ растеніи жизни болѣе совершенной; и слабое, блѣдное растеніе робко и боязливо хватается за все, ищетъ опоры своими нѣжными побѣгами... Но въ числахъ нечетныхъ въ немъ видно совершенство творческой мысли, и для жизни растительной уже болѣе совершеннаго и лучшаго создать нельзя, ибо лишь нервную систему прибавить, и оно перестанетъ быть растеніемъ... Его крылатый цвѣтокъ, какъ Психея, молитъ Тебя, Господи, о разрѣшеніи яркокрылымъ мотылькамъ вспорхнуть и летѣть къ Тебѣ. И Ты услышишь, Господи, просьбу Духа нѣжнаго; и оставитъ онъ свои формы, хотя непрочныя и нѣжныя, но вѣчныя для Духовъ, братьевъ своихъ, а самъ создастъ новыя формы и будетъ порхать, какъ мечта, съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Въ исполненіи первыхъ еще просьбъ Духа растительнаго сколько совершенства и мудрости проявилъ Ты, Господи! Всему предназначивъ роль въ жизни, ничего безцѣльно не сотворилъ.

Тамъ, гдѣ соли морской испаренія даже кирпичи памятниковъ разъѣдаютъ, тамъ Духи прибрежные въ бархатъ мховъ одѣлись, или, какъ нимфъ длинные волосы, свѣшиваясь со скалъ, съ прибрежнымъ вѣтеркомъ играютъ и ловятъ брызги волнъ морскихъ, а солнечные лучи ихъ выпиваютъ, оставляя мхамъ для украшенія кристаллы ѣдкой соли, а чистую влагу несутъ растеніямъ, чтобы напоить ихъ нѣжной росой... А блестящіе листья лимонныхъ деревьевъ?—своей лакированной поверхностью, какъ зеркаломъ, отражаютъ они палящіе солнца лучи и обратно ихъ солнцу возвращаютъ...

Смотрите! Здѣсь, гдѣ, въ вѣчной борьбѣ съ вихремъ и скалами, волны грозно вздымаются и неутомимой ратью набѣгаютъ, ударяя о скалистую грудь утеса, здѣсь, въ его разсѣлинахъ ютятся піонеры царства растительнаго. Сколько изумительной устойчивости, силы и энергіи проявляютъ они въ упорной борьбѣ съ дикой природой. И, не спрашивая дріадъ таинственныхъ, а возстановивъ память Духа собственнаго, я повторю вамъ тѣ молитвы, въ которыхъ они испросили у Господа эти формы для своей жизни... Ибо цѣлыя столѣтія Духъ мой здѣсь этой жизнью жилъ, страдалъ и боролся и о формахъ болѣе совершенныхъ помышлялъ. И теперь, когда среди этой дикой природы я вижу трудъ и борьбу этихъ блѣдныхъ растеній, Духъ мой привѣтствуетъ въ нихъ страдающихъ братьевъ своихъ.

Прости мнѣ, Отче Предвѣчный, что я разскажу одну изъ небольшихъ тайнъ Духа темной и близорукой толпѣ, готовой осмѣять ее. Въ чувствѣ обонянія я вижу доказательство пребыванія моего въ формѣ растеній; тогда Духъ мой, имѣя уже предчувствіе формъ, нынѣ въ моемъ человѣческомъ тѣлѣ доступныхъ, стремился выработать жизнь кровяныхъ шариковъ въ связи съ сознаніемъ красоты; и когда я слышу тонкій ароматъ розъ, то уношусь изъ міра человѣческихъ страстей, заботъ и страданій въ тѣ отдаленныя времена, когда этотъ ароматъ говорилъ мнѣ, что я не одинокъ, что братніе духи мои шлютъ мнѣ привѣтъ, и этотъ ароматъ былъ для меня отрадой и наслажденіемъ, ибо приносилъ любовь родныхъ мнѣ розъ... И теперь этотъ ароматъ уноситъ меня въ отдаленное мое прошлое и изъ безднъ генезическаго познанія его вызываетъ память пребыванія въ жизни розъ и цвѣтовъ; и напрасно наука, плодъ бездушной механической работы мозга, объясняетъ мнѣ явленія обонянія вліяніемъ летучихъ частицъ на мои нервы, ибо я изслѣдовалъ вліяніе этого явленія на мою душу, которая, подвергаясь ему, испытываетъ или радость и блаженство, или неудовольствіе и огорченіе.

Этимъ-то путемъ, Отче Предвѣчный, велъ творчество въ мірѣ растительномъ къ совершенствованію Сынъ Твой, послушный велѣніямъ Твоимъ, пока, достигнувъ совершенства въ растеніи, не перешелъ въ высшій міръ, гдѣ встрѣтился съ новыми теченіями планетарнаго творчества, стремящимися къ одной и той же цѣли, къ приближенію къ все болѣе выясняющимся въ мечтаніяхъ формамъ человѣка.

А вотъ улитка; первое проявленіе жизни въ безднахъ морскихъ; обезпеченное каменнымъ щитомъ существованіе свое она promѣняла на формы болѣе совершенныя: свое перламутровое жилище она принесла въ жертву Господу, стремленіями Духа своего переработала его въ роговую оболочку черепахи, а потомъ изъ безопасности своей, изъ величины и изъ силы жертву Господу принеся, украдкой, подъ роговой скорлупой, крылья себѣ пріобрѣвъ, въ жизни жука божественность проявить хотѣла. И египтяне символомъ божественности его избрали. И перешелъ онъ въ этой формѣ изъ неподвижной и лѣнивой жизни улитки и черепахи въ воздушныя сферы, духами бабочекъ населенныя, сохранивъ, однако, въ полетѣ своемъ тяжесть движеній въ противуположность бабочкамъ легкокрылымъ, свои эфирныя формы отъ лепестковъ цвѣтка получившимъ.

Во всемъ этомъ длинномъ рядѣ перевоплощенiй Духъ не принесъ Тебѣ въ жертву плодовитости своей. Но и царство пресмыкающихся стремится перейти въ мiръ насѣкомыхъ; уже въ птеродактилахъ заслуживъ чудный даръ крыльевъ, изъ могущества своего и изъ крыльевъ своихъ жертву Господу принеся, кровь свою въ пурпуръ окрашиваетъ и цѣлымъ семействомъ аннелидовъ въ мiръ болѣе совершенныхъ насѣкомыхъ проникаетъ... Ибо въ насѣкомыхъ уже начинаютъ проявляться первые устои нравственности и добродѣтели: въ муравьяхъ—трудолюбiе, въ пчелахъ—соцiальный строй и порядокъ; соединяя потомъ эти добродѣтели какъ бы попарно, разныхъ животныхъ ими надѣлилъ: такъ въ конѣ отвагу и благородство, а въ собакѣ смиренiемъ и вѣрностью дорожимъ. И эти добродѣтели сохраняютъ родственную связь во всѣхъ мiрахъ; даже въ человѣкѣ нераздѣльно проявляются...

И Ты, Господи, всѣ эти свойства, инстинкты и добродѣтели, генезическимъ трудомъ добытыя, уже готовыя, но въ формѣ сырого матерiала, человѣку далъ, предоставивъ ему въ нѣдрахъ души своей свѣтомъ ума освѣтить, искрой божьей и любовью согрѣть, къ жизни вызвать и въ дальнѣйшемъ творчествѣ усовершенствовать и въ формы облечь *)... Объ этихъ добродѣтеляхъ и трудахъ надъ ихъ совершенствованiемъ я распространяться не буду, ибо о нихъ прочтетъ каждый и въ своей душѣ и въ окружающей жизни. Только о нѣкоторыхъ болѣе феноменальныхъ и характерныхъ на пути эволюцiи Духа явленiяхъ разскажу. Такъ иногда Духъ въ творчествѣ своемъ впадалъ въ мелочность: для усовершенствованiя своего, для красоты своей стремился прiобрѣсти мелочныя черты, часто лишь въ оттѣнкѣ покрововъ, или небольшомъ измѣненiи формъ сказывающiяся. А Господь и эти мелочныя просьбы Духа не оставилъ безъ вниманiя; Духъ получалъ желаемые имъ признаки отличiя. Но незначительность желаемыхъ усовершенствованiй и мелочность приносимыхъ жертвъ наказывалъ ослабленiемъ духовныхъ силъ, лишенныхъ объединенiя въ видѣ и въ формѣ: подобные цвѣты большею частью не приносятъ плодовъ, а птицы и животныя пошли въ рабство, на службу къ человѣку, получая взамѣнъ утерянной свободы покровительство духовъ высшаго разряда. Котъ, отрекшiйся отъ разнообразiя покрововъ, сталъ тигромъ пустыни. И каждую, небольшую даже, жертву Ты, Господи, вознаграждаешь сторицею. А

---

*) Не имѣлъ ли въ виду здѣсь авторъ цвѣты Лотоса?

если бы мы принесли въ жертву Господу нашему то, что намъ подобными Христу быть мѣшаетъ?.. Какими дарами, какимъ блаженствомъ, какой чистотой Духа наградишь насъ, Господи, до какой высоты подымешь насъ на ступеняхъ могущества Слова Твоего?

Твоя справедливость, Господи, и мудрость проявляются и тамъ, гдѣ одни Духи идутъ въ рабство къ другимъ. Арабъ, сдѣлавъ изъ коня слугу своего, воспиталъ въ немъ благородство свое и своей отвагой надѣлилъ; онъ сталъ ему отцомъ воспитателемъ, подготовляющимъ его къ жизни болѣе совершенной; а пастухъ, съ псомъ своимъ стерегущій стада, облагораживаетъ его, развивая въ немъ благодѣтели смиренія и вѣрности... Въ этихъ законахъ предначерталась уже жизнь Іосифа, проданнаго братьями своими въ рабство и въ работѣ обрѣвшаго могущество свое, давшее ему силу быть благодѣтелемъ для семьи своей.

И вижу, Господи, что для рѣдкихъ сокровищъ души человѣческой и въ предыдущихъ мірахъ рѣдко встрѣчаются формы подготовительныя, ибо нѣтъ сомнѣнія, что Духъ нашъ именно и есть тотъ Духъ, который эти предыдущія формы творилъ и нынѣ обладаетъ только тѣмъ, что въ тѣхъ формахъ пріобрѣлъ...

На развитіе черты трудолюбія, свойственнаго большинству людей, работалъ Духъ въ муравьяхъ, въ пчелахъ и во множествѣ другихъ животныхъ, а на рѣдкія геройскія черты благородства и отваги работалъ Духъ въ рѣдкихъ формахъ льва—царя пустынь, или орла, одинаково смѣлымъ взоромъ встрѣчающаго и бури, и молніи, и солнца яркій блескъ.

И вотъ вся природа, насыщенная во всѣхъ проявленіяхъ работой Духа, взываетъ къ Тебѣ, Господи, въ лицѣ болѣе совершенныхъ своихъ, о дарованіи формъ человѣка, какъ конечной цѣли совершенствованія своего, ибо въ ней живетъ сознаніе, что если подвинутся къ совершенству Духи, во главѣ творчества стоящіе, то подвинется за ними и вся цѣль твореній до самыхъ отдаленныхъ звеньевъ ея. И потому вся природа соединилась въ одной молитвѣ къ Тебѣ, Господу. Деревья одѣлись лучшими цвѣтами и плодами, чтобы Господу свои заслуги и работу Духа показать; и въ эти райскія кущи садовъ собрались всѣ самые гордые Духи, забывъ о хищныхъ инстинктахъ своихъ, въ молитвѣ Духъ свой вознеся, стали выше своей природы... И орлы, покинувъ дикія скалы, повисли въ лазури небесной, дружнымъ хороводомъ переплетаясь съ цѣпью лебедей бѣлыхъ и стройныхъ журавлей; а безчисленные виды пернатыхъ во всемъ разнообразіи

своемъ соединились въ этомъ хороводѣ, какъ сонмъ ангеловъ, вокругъ трона Твоего, своей безчисленностью какъ бы желая показать могущество Твое. И былъ одинъ мигъ во всей вселенной, когда единеніе и любовь достигли своей полноты и существовалъ рай на землѣ!

И, обнявъ Твоимъ Божественнымъ взоромъ всю полноту творчества Духа, проявившуюся въ безконечномъ разнообразіи жизни, во всѣхъ своихъ формахъ къ совершенству стремящейся, Ты приблизилъ его къ Себѣ, выслушалъ просьбы его, и, даровавъ ему новую форму, къ которой Духъ во всѣхъ стадіяхъ творчества своего стремился, замкнулъ въ ней, какъ въ книгѣ одной, всѣ тайны прежнихъ жизней Духа, и предстало предъ Тобой все творчество его, объединенное въ формѣ человѣка!

И въ тайникахъ каждой души человѣческой хранится книга эта, и если бы весь міръ исчезъ, а остался одинъ человѣкъ, то въ душѣ его воскреснетъ вся исторія творчества прошлаго и, кромѣ формъ, ничего не было бы потеряно. Осанна Всевышнему въ Небѣ! Ибо Онъ Творецъ міра, а Духу моему въ Словѣ Своемъ далъ силу сотворить мое „я“.

Но мой путь не оконченъ... И съ достигнутой высоты устремиться ли въ бездонную пропасть познанія?.. Туда, гдѣ весь пережитый мною безконечный рядъ вѣковъ былъ для меня тайной будущаго, а къ будущему я не стремился, ибо для меня не было прошлаго... Я былъ въ сферѣ домладенческаго существованія.

Теперь, когда изъ бездны прошлаго я взошелъ на эти высоты, куда пойду дальше?

Изъ книгъ моего прошлаго вижу предначертаніе будущаго... и въ перевоплощеніяхъ человѣческой жизни Духъ мой уже вступилъ на новые пути, уже приступилъ къ новому творчеству, уже къ инстинктамъ и добродѣтелямъ, въ животномъ мірѣ пріобрѣтеннымъ, прибавилъ Духъ мой нѣчто новое, сверхживотное, сверхчеловѣческое, приближающее его къ переходу въ разрядъ высшихъ духовъ, въ разрядъ Ангеловъ небесныхъ.

И эти новые пути творчества и совершенствованія въ иныхъ книгахъ изложу, Господи, а теперь разрѣши мнѣ, готовящемуся вступить въ новый, высшій міръ, оглянуться еще разъ на пройденные уже пути, на оставшееся позади меня шестидневное творчество Духа моего. Хочу взглянуть въ бездну прожитой жизни, сказать прошлому прости, прежде, чѣмъ уйду въ будущее.

Когда Духъ мой, находясь еще въ утесахъ и кристаллахъ, изъ своихъ формъ и изъ своей прочности жертву Господу приносилъ,

думая, что вѣчность своего существованія въ жертву приноситъ... Когда полагалъ, что на смерть себя обрекаетъ, Господь принялъ его жертву, но принялъ, какъ любящій отецъ принимаетъ отъ сына, сторицею ему ее возвращая. Ибо этой жертвой Духъ мой открылъ себѣ путь для достиженія формы человѣка и могъ воскликнуть подобно Евѣ: „человѣка Господу обрѣла"! Но Господь еще далъ Духу то, о чемъ онъ и не мечталъ... Онъ далъ Духу вѣчность, но не вѣчность въ неподвижномъ, а вѣчность въ творчествѣ, въ произведеніи себѣ подобныхъ формъ... И силой этого дара человѣкъ, ничего не теряя изъ своей вѣчной жизни и нисколько не ослабляя могущества своего Духа, можетъ творить себѣ подобныхъ, и становятся они жилищемъ такихъ же, какъ онъ, Духовъ. Ибо не творитъ онъ Духовъ, а только готовому уже воплотиться, себѣ подобному, братнему Духу, подобныя себѣ формы творитъ и открываетъ ему возможность войти въ формы видимыхъ. Въ этомъ сходствѣ Духовъ кроется тайна доблестей, возрождающихся въ потомствѣ и переходящихъ изъ рода въ родъ и положившихъ начало гордости рода. Но не тѣломъ и кровью передаются добродѣтели, а по закону, что въ родственныя тѣла лишь родственные Духи вступать могутъ. Безсмертіе формъ даровано Духу за жертву, изъ жизни принесенную, чтобы черезъ смерть надъ смертію власть получилъ, чтобы неподвижность и неизмѣнность матеріи нарушая, въ возрожденіи формъ вѣчность для нея сохранилъ!

Пораженный развалинами гигантскихъ построекъ древняго Рима, изъ гранита и мрамора сооруженныхъ, я видѣлъ въ нихъ стремленіе человѣка изъ прочной и неподвижной матеріи создать вѣчное; но напрасно я старался въ этихъ памятникахъ найти хотя одну форму, которая въ моихъ глазахъ отразилась бы тѣми же контурами и тѣ же вызвала впечатлѣнія, какіе взоръ Цезаря здѣсь получалъ. На все время наложило свою печать разрушенія... Но вотъ на развалинахъ гробницъ живой и дерзкій воробей хлопотливо ищетъ мѣсто для своего гнѣзда. Съ изумленіемъ взоръ мой остановился на немъ, ибо сейчасъ Духу моему стало ясно, что въ этой милой и малой птичкѣ сохранились до мельчайшихъ подробностей всѣ формы и окраска перьевъ, все осталось такимъ же, какимъ видѣли его полчища Варра. А съ тѣхъ поръ и моря измѣнили свои очертанія, и Римъ на 20 футовъ въ землю погрузился.

Въ творчествѣ вѣковъ живущій Духъ! Ты знаешь, что началс Свѣта, дающее тѣлу вѣчность, кроется въ тебѣ; начало, ве-

дущее священную войну съ огнемъ, въ грядущемъ окончательное дастъ тебѣ искупленіе и съ Отцомъ твоимъ предвѣчнымъ тебя соединитъ... Этотъ свѣтъ, это начало искупленія, которому въ будущемъ дано будетъ чуднымъ блескомъ все творчество Духа освѣтить, теперь слабымъ отраженіемъ лишь скользнуло кое-гдѣ, давъ робкое радужное сіяніе нѣкоторымъ морскимъ организмамъ и въ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ, отразившись нѣжнымъ мерцаніемъ звѣздъ,—оно погасло, принесенное Господу какимъ-нибудь слабымъ духомъ въ жертву для полученія силы... Уже въ птицахъ это начало, Свѣтъ этотъ не отразился: журавли въ ночныхъ своихъ перелетахъ лишь унылымъ крикомъ своимъ говорятъ намъ о томъ, куда свой путь направляютъ, но не засвѣтятъ они факелами путеводными своимъ пернатымъ спутникамъ, въ туманахъ затерявшимся.

А этотъ даръ драгоцѣннѣе голоса, ибо полнѣе можетъ выражать силу Божественныхъ восторговъ; онъ въ грядущемъ намъ предстанетъ, какъ лучшій звука и гармоніи выразитель, какъ сила, питающая насъ, просторовъ небесныхъ намъ Богомъ ниспосланная.

Изъ такихъ то подвиговъ творчества, изъ такихъ побѣдъ надъ хаосомъ и силами стихійными будетъ сплетенъ первый вѣнецъ Духа моего и первая его передъ Господомъ заслуга.

И не забудетъ ихъ Господь и всѣ плоды творчества Духа моего сохранитъ, не допуская затеряться ни одному и не внося въ нихъ никакихъ поправокъ. Печатью Своей закрѣпилъ вѣчность всего, Духомъ моимъ въ книгу творчества вписаннаго, а Духу, достойному и стремящемуся къ познанію тайны бытія, открываетъ книги этой генезической золотые листы, самимъ же Духомъ въ разныхъ стадіяхъ развитія своего записанныя, и сравненіемъ этой книги съ другой таинственной книгой, въ глубинахъ собственной души сокрытой, съ радостью и восторгомъ узнаетъ Духъ мой, что открылъ истинную мысль и волю Господа, въ формахъ выраженную. И полное познаніе прошлаго откроетъ намъ предначертаніе будущаго.

И въ книгахъ этихъ читаю я тайну смерти и ясно выраженный законъ послѣдующаго творчества, ибо на каждой ея страницѣ ясно стоитъ написано: „*жертва*“. Не отступай же, проявленный въ формахъ духъ Ангела, отъ закона, съ первыхъ дней творчества установленнаго, и сохрани вѣру въ мощь познанія истины Духомъ и противупоставь ее преклоненію передъ наукой.

Ибо въ святости твоей таится возстановленіе Божественности Духа и будущее его могущество... и мудрость и всѣ формы твор-

чества его въ будущемъ... и побѣда и освобожденіе изъ-подъ ярма заблужденій.

И рокотомъ морскихъ волнъ, и нѣжнымъ шопотомъ цвѣтовъ, вѣтеркомъ на поляхъ ласкаемыхъ, Ты, Господи, учишь меня чтенію книгъ, въ природѣ сокрытыхъ... и познаніе истины, на днѣ души моей спящее, будишь.—Дай силу словамъ этимъ, изъ пробужденной души моей исходящимъ, съ шумомъ морскимъ, съ вѣтеркомъ, на поляхъ рѣзвящимся, облетѣть братьевъ моихъ и тѣхъ, въ душѣ которыхъ тлится искра Божья и мощь Духа усыпленная, изъ невѣдѣнія силъ собственныхъ исторгни, изъ собственной души ихъ свѣтомъ освѣти... Чтобы всѣмъ было доступно и ясно, что отъ первопричины... отъ Христа и отъ Слова Твоего исходитъ все въ мірѣ... Чтобы свѣтъ Мудрости, Любовью Бога въ душахъ зажженный, былъ путеводителемъ для каждой науки.

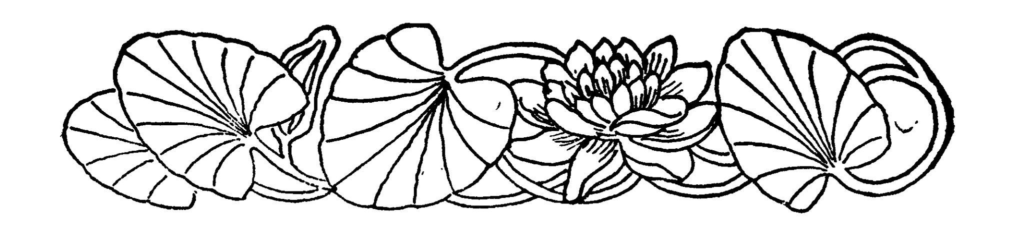
О томъ молю... Господи, Отче нашъ, ниспошли намъ вѣру, но вѣру не слѣпую, а Свѣтомъ Мудрости Твоей укрѣпленную, въ которой Духъ нашъ узритъ безсмертіе свое,—освѣти насъ Солнцемъ Мудрости Твоей... Въ его лучахъ я вижу высшаго Ангела будущей жертвы.

Ибо на истинѣ, что все черезъ Духа и ради Духа сотворено, но не для услажденія тѣла, зиждется въ будущемъ Святая Мудрость моего народа... А изъ единства вѣры произойдетъ единеніе въ любви и познаніе жертвъ, которыя Духъ моей Святой родины къ конечнымъ цѣлямъ приведутъ.

Господи Всемогущій, Отче нашъ, по свидѣтельству Сына Твоего, Іисуса Христа, еще никѣмъ на землѣ не познанный, но теперь длиннымъ рядомъ формъ генезическихъ, въ очистительныхъ страданіяхъ изъ тьмы къ свѣту стремящихся, для формъ еще не постижимый, но для Духовъ и для моего Духа край таинственной завѣсы открывшій! Пусть этотъ единственный путь, ведущій къ Тебѣ, путь любви и познанія, озарится Мудростью Твоей и всѣмъ идущимъ донынѣ тернистымъ путемъ страданій и сомнѣній дай вступить на этотъ путь, ведущій къ Тебѣ Господи!

Перев. **И. Э. Познякъ.**

Объ опасностяхъ оккультизма.

Мотто: „Къ чему мнѣ наука, которая въ то же время не религія?“ Яковъ Бёме.

Въ настоящее время, когда „древняя мудрость“, вновь возвѣщенная человѣчеству геніемъ Ел. П. Блаватской, широко распространилась по всѣмъ частямъ свѣта, все болѣе и болѣе растетъ жажда пріобрѣсти, такъ называемыя, психическія силы. А невѣрное и превратное пониманіе истинъ сокровеннаго ученія повело къ ужасающему росту ложнаго (pseudo) оккультизма. Поэтому одна изъ ближайшихъ задачъ Теософіи указывать на это печальное недоразумѣніе и на связанныя съ нимъ великія опасности. Мудро сокрытыя посвященными для блага людей оккультныя знанія стали теперь открыто, во всеуслышаніе, съ готовной услужливостью предлагаться публикѣ; толпы любопытныхъ спѣшатъ познакомиться съ тайнами „астральнаго плана“, и торопятся развивать сокрытыя въ человѣкѣ магическія силы, чтобы пользоваться ими для личнаго блага и во вредъ другимъ. Благодаря этому, многіе изъ этихъ любопытныхъ, сами того не сознавая, подпадаютъ подъ власть медіумическихъ воздѣйствій и какъ хрупкіе сосуды въ невидимыхъ рукахъ разбиваются и гибнутъ.

Не даромъ сокровенная мудрость учитъ, что „всякій человѣкъ, согласно благимъ законамъ природы окутанъ покрываломъ, охраняющимъ душу его отъ сознательнаго общенія съ астральнымъ міромъ до тѣхъ поръ, пока она не научится противустоять жителямъ того міра и даже управлять ими до извѣстной степени“. Кто же самовольно разрываетъ покрывало это, давая этимъ доступъ невѣдомымъ астральнымъ силамъ, управлять которыми онъ еще не научился, тотъ подвергаетъ себя гораздо большимъ опасностямъ, чѣмъ человѣкъ, вступающій съ горящей свѣчей въ поро-

ховой погребъ. Ибо, если послѣдній ставитъ на карту физическое свое существованіе, то первый рискуетъ невознаградимой утратою своихъ безсмертныхъ началъ, рискуетъ погубить свою душу, умереть духовно. Невольно тутъ вспоминаются слова: „не бойтесь могущихъ погубить тѣло Ваше, но бойтесь тѣхъ, что могутъ погубить душу Вашу!“ Кто желаетъ сообщаться съ астральнымъ міромъ, тотъ долженъ прежде всего научиться владѣть своими собственными душевными и духовными силами, тогда лишь онъ можетъ безопасно вступить въ астральный міръ.

Магія—священное искусство, но для того, чтобы пользоваться магіей правильно и умѣло, необходимо стать самому „святымъ“. Поэтому, желающимъ заниматься магіей и оккультными науками, нужно прежде всего выяснить, что между Теософіей или богопознаніемъ и современнымъ „оккультизмомъ“ существуетъ громадная разница. Истинная оккультная наука познается лишь высшимъ „Я“ (Атма—Буддхи—Манасъ), а потому прежде всего необходимо заботиться о развитіи въ себѣ этого высшаго „Я“. “Лишь чистыя сердцемъ узрятъ Бога“,—слѣдовательно, первый шагъ къ богопознанію долженъ состоять во внутреннемъ очищеніи, въ очищеніи до предѣловъ святости. Когда человѣкъ вполнѣ ясно сознаетъ, что онъ по существу своему божественъ, то онъ и начнетъ мыслить, желать и поступать, согласно этой своей божественной природѣ. Пробужденіе этого истиннаго самопознанія и даетъ собственно „Теософія“. Изъ книгъ Теософіи научиться нельзя, ее необходимо „пережить“ и дѣятельно осуществить.

Вполнѣ признавая всѣ научныя изысканія, касающіяся физическаго міра, Теософія знаетъ, что выше человѣческаго разсудка, занятаго изслѣдованіемъ феноменовъ (видимаго) стоитъ божественная мудрость, проникающая въ сущность всего.

Мудрость есть познаніе истины. Какую же имѣютъ цѣнность наука и знаніе сверхъ-физическихъ явленій, если они лишены духовнаго настроенія? Въ теоретическомъ знаніи безъ соотвѣтствующаго жизненнаго опыта, нѣтъ духовной силы, нѣтъ жизни Духа. Переполненіе интеллекта всякаго рода знаніемъ и слишкомъ глубокое погруженіе въ чувственное и матеріальное могутъ даже довести до совершенной потери способности воспринимать духовное и идеальное, т. е. до духовной смерти. Съ этимъ, вѣроятно, многіе согласиться не пожелаютъ, но тѣмъ не менѣе, это такъ и необходимо уяснить себѣ эту истину.

Вотъ что говоритъ по этому поводу одинъ посвященный (адептъ): „Если душа все болѣе и болѣе погрязаетъ въ матеріи,

то она парализуется, теряетъ связь со своимъ высшимъ „Я“ (Господиномъ) и забываетъ, наконецъ, даже цѣль своей святой миссіи на землѣ. У нея нѣтъ болѣе силы чувствовать величіе своего высшаго духа и слышать голосъ своего Ангела-Хранителя“ (Isis unveiled V, II).

Такова судьба многихъ представителей современнаго матеріализма и раціонализма, окостенѣвшихъ ученыхъ, жестокихъ вивисекторовъ и всѣхъ тѣхъ, чей мозгъ поглотилъ собою всю духовную силу, тогда какъ сердце ихъ, лишенное любви, зачахло. Воистину во время явилась Теософія.

Но если полное погруженіе интеллекта въ низины чувственнаго и матеріальнаго уже при жизни ведетъ къ потерѣ высшаго „Я“, то не менѣе печальное послѣдствіе влечетъ за собой оскверненіе духовнаго нечистью чувственнаго, эгоистическаго. „Знающіе“ говорятъ, что эти жертвы своей алчности и своего невѣдѣнія должны послѣ физической смерти пройти черезъ всѣ муки ада. Не лишена поэтому основанія легенда о мукахъ въ загробномъ мірѣ тѣхъ чернокнижниковъ, которые продали душу свою дьяволу, чтобы здѣсь наслаждаться земными благами. Не сказка также и то, что многія человѣческія души, черные маги, колдуны и тому подобные, въ потустороннемъ мірѣ становятся отвратительными существами, которыя подъ различными видами стараются приблизиться къ человѣку, вовлечь его въ свои сѣти и жить на его счетъ, на подобіе вампировъ. Если бы спириты, бесѣдуя якобы съ „съ дорогими усопшими“, могли бы видѣть съ какими обитателями астральнаго міра подъ часъ приходится имѣть имъ дѣло, то они бы съ ужасомъ отвернулись отъ окружающей ихъ отвратительной атмосферы, обители чудовищныхъ страстей и эгоизма.

Помимо разнаго рода обманщиковъ, толкаемыхъ жаждою наживы къ торговлѣ священными вещами, къ этому классу принадлежитъ также толпа, хотя и недурныхъ, но неопытныхъ людей, считающихъ себя „теософами“ или „оккультистами“, которыхъ однако, вѣрнѣе сравнить съ дѣтьми, играющими огнемъ въ пороховомъ складѣ.

Кто это пойметъ, тотъ согласится, что древніе мудрецы, посвященные, имѣли полное основаніе скрывать отъ любопытныхъ взоровъ толпы свои священныя тайны. Ибо послѣдствія превратнаго пониманія истины и злоупотребленія оккультизмомъ (занятіями гипнотизмомъ, магіей и другими тайными силами природы, которыя вызываютъ всюду въ настоящее время такой интересъ), поистинѣ ужасны. Они ведутъ не только къ физическимъ страда-

ніямъ, но и къ нравственному паденію и, наконецъ, къ духовной смерти. Между тѣмъ, масса людей, частью изъ любопытства, частью изъ корыстолюбія, неудовлетворенности положенія и недовольства самими собою, прельщаются этими рекламами, какъ бабочки летятъ въ огонь и тамъ погибаютъ.

Богъ есть истина и если безъ истиннаго познанія немыслимо полное знакомство съ міромъ видимымъ, то знакомство съ міромъ невидимымъ безъ богопознанія еще менѣе мыслимо. Поэтому и сказано: „Ищите прежде всего царствія Божьяго" (т. е. царствія познанія истины *внутри* васъ), а все прочее вамъ приложится. Душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ" (I. Кор. 2, 14).

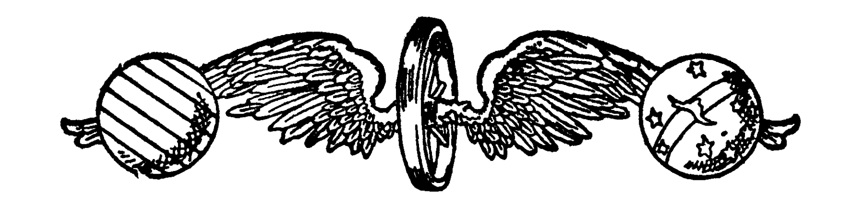
Современная наука вообще, и въ особенности всѣ, такъ называемыя „оккультныя науки" (гипнотизмъ, спиритизмъ и т. п.), теперь не столько нуждаются въ теоретическихъ толкованіяхъ, сколько въ глубокой религіозной обоснованности, которая, однако, достигается не слѣпой догматической вѣрою, а познаніемъ истины, познаніемъ, которое дается религіознымъ переживаніемъ въ глубинахъ человѣческаго сердца. Задача Теософіи поэтому вовсе не заключается въ томъ, чтобы удовлетворять научному любопытству или развивать „псевдо-оккультизмъ", а въ томъ, чтобы прежде всего выяснить истину и разсѣять всякія заблужденія, первымъ же дѣломъ тѣ, которыя ведутъ къ такимъ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Цѣль Теософіи: служить маякомъ всѣмъ стремящимся къ свѣту самопознанія. Ключъ же къ святилищу—любовь къ Всевышнему; свѣтъ, озаряющій храмъ—познаніе истины и всякаго, стремящагося къ этому свѣту ради блага ближняго, Теософія привѣтствуетъ, какъ соработника и друга.

Д-ръ Францъ Гартманъ.

(Переводъ изъ „Neue Lotusblüthen". Н. Б.).

Какъ достигнуть познанія сверхчувственныхъ міровъ.

Д-ра **Р. Штейнера.**

(*Продолженіе* *).

Глава XII.

Стражъ порога.

Послѣдствіемъ счастливо перенесенной встрѣчи со „стражемъ порога“ является то обстоятельство, что ближайшую физическую смерть ученикъ переноситъ совершенно иначе, чѣмъ предыдущія смерти. Онъ переживаетъ смерть сознательно и оставляетъ физическое тѣло также, какъ сбрасываютъ изношенное или разорванное платье.

При этихъ условіяхъ его физическая смерть остается необычайнымъ фактомъ только для другихъ, которые живутъ съ нимъ и воспріятія которыхъ ограничены однимъ только чувственнымъ міромъ. Для нихъ—ученикъ „умираетъ“. Но для него самого ничто не мѣняется существенно въ окружающей его средѣ. Весь сверхчувственный міръ, въ который онъ вступилъ, былъ передъ нимъ еще *до* смерти и этотъ же міръ будетъ передъ нимъ и *послѣ* смерти. Но „Стражъ Порога“ связанъ еще и съ другимъ. Человѣкъ принадлежитъ семейству, народу, расѣ. Его дѣятельность въ этомъ мірѣ зависитъ отъ его принадлежности къ одной изъ этихъ группъ. Также и его личный характеръ стоитъ въ связи съ ними. И сознательная дѣятельность отдѣльныхъ людей представляетъ собою все то, съ чѣмъ слѣдуетъ считаться при оцѣнкѣ семьи, племени народа и расы.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 7—8.

Есть семейная, народная и расовая судьба, какъ есть семейный, народный и расовый характеръ.

Для человѣка, ограниченнаго своими чувствами, эти вещи остаются *общими понятіями* и матеріалистическій мыслитель будетъ относиться свысока и презрительно къ тайному знанію, утверждающему, что семейный или народный характеръ, племенная или расовая судьба также дѣйствительны, какъ характеръ и судьба отдѣльнаго человѣка. Для оккультиста же отдѣльныя личности являются членами общаго, какъ руки, ноги и голова составляютъ члены отдѣльнаго человѣка. И въ жизни семьи, народа, расы, кромѣ отдѣльныхъ индивидуальностей дѣйствуютъ также совершенно реальныя души семействъ, души народовъ и духи расъ. Да, въ извѣстномъ смыслѣ, отдѣльные люди только исполнительные органы этихъ душъ семействъ, духовъ расъ и проч. Вполнѣ вѣрно можно сказать, что душа народа пользуется отдѣльнымъ, принадлежащимъ народу, человѣкомъ, чтобы выполнять опредѣленныя ея задачи. Народная душа не спускается до физической дѣйствительности. Она странствуетъ въ высшихъ мірахъ. И чтобы дѣйствовать въ физически-чувственномъ мірѣ, она пользуется физическими органами отдѣльныхъ людей. Говоря въ высшемъ смыслѣ: душа народа нуждается въ отдѣльныхъ людяхъ, какъ техникъ-строитель для выполненія деталей зданія нуждается въ работникахъ.

Каждый человѣкъ, въ истинномъ смыслѣ слова, получаетъ свою работу отъ души семейства, народа или расы. Но обыкновенный человѣкъ не посвящается въ высшій смыслъ своей работы. Онъ работаетъ *безсознательно* для цѣлей души народа или расы. Съ момента, когда ученикъ встрѣчаетъ „Стража Порога", онъ учится познавать не только свои собственныя задачи какъ личности, но также и участвовать съ полнымъ сознаніемъ въ задачахъ своего народа, своей расы. Всякое расширеніе его кругозора возлагаетъ на него безусловно и болѣе широкія обязанности. Въ дѣйствительности это происходитъ оттого, что къ болѣе тонкимъ душевнымъ тѣламъ ученикъ присоединяетъ еще новое тѣло. Онъ какъ бы одѣваетъ еще новую одежду. До сихъ поръ онъ шествовалъ въ мірѣ въ оболочкахъ, облекавшихъ его личность; о томъ же, что онъ долженъ былъ дѣлать для общаго, для своего народа, для своей расы,—заботились высшіе духи, пользовавшіеся его личностью для общихъ цѣлей. Дальнѣйшее, что ему сообщаетъ „Стражъ Порога", состоитъ въ томъ, что эти духи отступаютъ отъ него и предоставляютъ ему отнынѣ полную свободу.

Онъ долженъ совершенно выступить изъ общей жизни. Но оставаясь въ такой обособленности, онъ рисковалъ бы совсѣмъ застыть въ самомъ себѣ и вступить на путь погибели, если бы онъ отнынѣ не началъ пріобрѣтать для себя самъ тѣхъ силъ, которыя присущи народнымъ и расовымъ духамъ.—Хотя многіе скажутъ: „О, я совершенно освободилъ себя отъ всѣхъ племенныхъ и расовыхъ зависимостей, я хочу быть только „человѣкомъ и ничѣмъ инымъ". Но этимъ людямъ можно сказать: „Кто же привелъ васъ къ этой свободѣ? Развѣ не ваша семья поставила васъ въ такое положеніе въ мірѣ, какое вы занимаете въ немъ? Не сдѣлали ли васъ ваше племя, вашъ народъ, ваша раса тѣмъ, что вы есть? Они воспитали васъ и когда вы, поднявшись надъ всѣми предразсудками, сдѣлаетесь свѣтоносцами и благодѣтелями вашего племени или даже цѣлой расы, вы будете и этимъ обязаны *ихъ* воспитанію. И даже когда вы говорите о себѣ, что вы желаете быть „лишь человѣкомъ", даже и этимъ настреніемъ вы обязаны духу народа, который взростилъ васъ.—Теперь только ученикъ начинаетъ познавать, *что* значитъ быть покинутымъ духомъ своего племени, духомъ расы. Онъ познаетъ на себѣ самомъ недостаточность *такого* воспитанія для той новой жизни, которая ему отнынѣ предстоитъ. Ибо все, что ему привито, освобождается совершенно, благодаря разрушенію нитей, связывающихъ волю, мысль и чувство. Онъ оглядывается на факты всего предыдущаго воспитанія, какъ можно смотрѣть на домъ, распадающійся на отдѣльные кирпичи для того, чтобы быть снова перестроеннымъ въ иную форму.

Не слѣдуетъ принимать за простое уподобленіе слѣдующія слова: „послѣ того, какъ „Стражъ Порога" высказалъ свои первыя требованія, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, поднимается вихрь, который гаситъ всѣ духовные свѣтильники, освѣщавшіе дотолѣ жизненный путь. И полная тьма распространяется передъ ученикомъ. Она прерывается лишь тѣмъ свѣтомъ, который исходитъ отъ самого „Стража Порога". И изъ этой тьмы звучатъ его дальнѣйшія увѣщанія: „Не переступай моего порога прежде, чѣмъ тебѣ не сдѣлается яснымъ, что ты самъ будешь освѣщать тьму передъ собою; не дѣлай также ни единаго шага впередъ, пока не пріобрѣтешь увѣренности, что въ твоемъ собственномъ свѣтильникѣ достаточно горючаго матеріала. Тѣ свѣтильники, которые вели тебя до сихъ поръ, не будутъ уже освѣщать твой путь". Послѣ этихъ словъ ученикъ оборачивается, чтобы бросить взглядъ назадъ. Въ этотъ моментъ „Стражъ Порога" срываетъ завѣсу, скрывавшую отъ него глубокія тайны жизни.

Въ полной реальности предстаютъ передъ ученикомъ духи племени, народа и расы и также ясно видитъ онъ, что имъ руководили ранѣе, а что отнынѣ надъ нимъ уже не будетъ бодрствовать это руководительство.

Это—второе предостереженіе, полученное человѣкомъ на порогѣ отъ своего Стража.

Неподготовленнымъ никто не былъ бы въ состояніи перенести описаннаго здѣсь зрѣлища; та высшая подготовка, которая создаетъ для человѣка, вообще, возможность приближенія къ порогу, даетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность въ соотвѣтствующіе моменты найти въ себѣ необходимую силу. Да, эта подготовка можетъ быть настолько гармоничной, что вступленіе въ новую жизнь потеряетъ весь свой возбуждающій характеръ. Тогда переживаніе ученика на порогѣ будетъ сопровождаться предчувствіемъ того блаженства, которое и дастъ основной тонъ его вновь пробужденной жизни. Чувство новой свободы перевѣситъ всѣ остальныя чувства, и съ этимъ новымъ настроеніемъ всѣ его новыя обязанности и вся новая отвѣтственность предстанутъ передъ нимъ какъ нѣчто, что онъ *долженъ* принять на себя на этой новой ступени жизни.

Въ слѣдующей главѣ будутъ дальнѣйшія подробности о „большемъ Стражѣ Порога“.

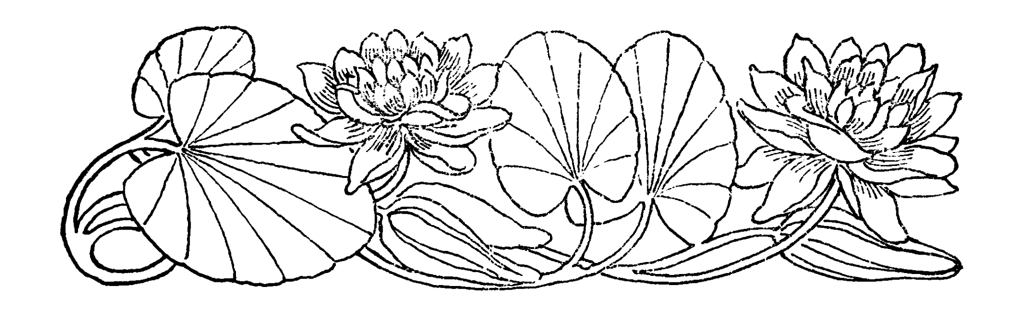
Пер. **В. Лалетинъ.**

* * *

Не отвращайся отъ нихъ, но старайся облегчить Карму міра сего. Стремись прійти на помощь тѣмъ немногимъ сильнымъ, благія руки которыхъ задерживаютъ силы мрака, дабы не одолѣли онѣ въ великой борьбѣ. Тогда ты войдешь въ кругъ радости, которая приноситъ поистинѣ страшный трудъ и глубокую грусть, но и великое, все возрастающее блаженство.

„Свѣтъ на Пути“.

Смерть и за гробомъ.

Анни Безантъ.

Глава I.

Кто не помнитъ исторію о томъ христіанскомъ миссіонерѣ, который пришелъ въ Англію проповѣдывать Евангеліе и который, сидя однажды вечеромъ въ одной изъ большихъ залъ дворца одного изъ королей Саксовъ, окруженнаго своими вассалами, говорилъ о жизни, о смерти и безсмертіи, и вдругъ въ открытое окно влетѣла птица, быстро облетѣла залъ и опять исчезла во мракѣ ночи. Тогда христіанскій священникъ обратился къ королю и сравнилъ мимолетное появленіе птицы среди залы съ временной жизнью человѣка на землѣ и прибавилъ, что по христіанскому ученію душа, вылетая изъ своего земного обиталища, улетаетъ какъ птица, но не въ темноту ночи, а къ лучезарному свѣту міру славы.

И въ самомъ дѣлѣ, не появляется ли человѣкъ въ жизнь, какъ птица, влетѣвшая въ большой залъ короля Саксовъ, остается нѣсколько короткихъ мгновеній въ этомъ мірѣ и потомъ снова скрывается отъ нашихъ взоровъ, чтобы исчезнуть въ томъ невѣдомомъ, что мы называемъ смертью?

Всегда человѣкъ предлагаетъ религіи одинъ и тотъ же вопросъ: откуда я пришелъ, куда я уйду?—и каждая религія отвѣчаетъ по своему.

Много столѣтій прошло послѣ этого разговора между Павлиномъ и королемъ Эдвиномъ, трудно найти въ лѣтописяхъ исторіи эпоху, въ которую большее число лицъ спрашивали-бы себя, какъ спрашиваютъ теперешніе христіане: есть-ли у человѣка, душа, и извѣстны-ли ея происхожденіе и судьба?

И эти самые христіане, которые утверждаютъ, что ихъ религія освобождаетъ отъ страха смерти, окружили гробъ и могилу еще болѣе мрачными обрядами и печалью, чѣмъ какая-либо другая религія! Что можетъ быть болѣе грустнаго того полумрака, который поддерживается въ домѣ, гдѣ находится покойникъ въ ожиданіи похоронъ? А что можетъ быть некрасивѣе тѣхъ длинныхъ одеждъ изъ крепа и того безобразнаго чернаго вуаля, которымъ убитая горемъ вдова показываетъ всему свѣту, что ея мужъ „избавился“ отъ своей бренной оболочки? Что можетъ быть возмутительнѣе притворной скорби носильщиковъ, убитаго вида „плакальщиковъ“, вынутыхъ для вида носовыхъ платковъ вплоть до спеціальныхъ мантій, прибeрегаемыхъ для похоронъ?! Въ послѣдніе годы замѣчается большой прогрессъ: перья, мантіи, плакальщики совсѣмъ исчезли; смѣшная и уродливая колесница понемногу отходитъ въ область преданій, и гробы, вмѣсто того, чтобы быть покрытыми тяжелымъ чернымъ сукномъ, теперь утопаютъ въ цвѣтахъ. Правда, мужчины и женщины продолжаютъ еще носить трауръ, но они уже не надѣваютъ больше тѣхъ мрачныхъ одеждъ, похожихъ на саваны, при помощи которыхъ они, какъ будто, хотѣли сдѣлать себя еще несчастнѣе, давая преувеличенное выраженіе своему горю.

Здравый смыслъ еще разъ восторжествовалъ; отмѣнивъ эти древніе обычаи, онъ отказался дольше прибавлять къ трауру эти ненужныя непріятныя вещи и предоставилъ человѣческому горю естественное его выраженіе.

Характерной чертой христіанства слѣдуетъ признать также и мрачный видъ, приданный смерти литературой и искусствомъ. То изображаютъ смерть въ видѣ скелета съ косой въ костлявой рукѣ, то въ видѣ черепа съ ужасной улыбкой мертвеца, то въ видѣ фигуры, грозящей мечемъ, то въ видѣ страшнаго чудовища, держащаго въ рукахъ песочные часы, которые измѣряютъ длину жизни. Наконецъ, все, что только могло устрашить человѣка, было сосредоточено вокругъ этого блага, превращеннаго въ Царя ужаса. Самъ Мильтонъ, содѣйствовавшій величественной своей поэзіей развитію популярныхъ идей современнаго христіанства, употре-

билъ всю силу своего величайшаго слога, чтобы окутать ужасомъ образъ смерти (см. книгу II, стр. 666—789).

Кажется страннымъ, чтобы такое мрачное представленіе принадлежало ученикамъ того Учителя, который, по преданію, „принесъ міру жизнь и безсмертіе“, но нельзя предполагать, чтобы вѣра въ безсмертіе души явилась такъ недавно въ міръ, т. е. какихъ-нибудь 18 столѣтій тому назадъ; стоитъ вдумчиво всмотрѣться въ свидѣтельство исторіи, чтобы убѣдиться въ противномъ.

Достаточно указать на величественный египетскій обрядъ съ его „книгой усопшихъ“, въ которой описывается посмертное странствованіе души за могилой

Прислушайтесь къ этому воплю души праведнаго:

„Вы, которые сопутствовали Богу, прострите ко мнѣ ваши руки, такъ какъ я дѣлаюсь однимъ изъ васъ“ (XVII. 22) *).

„Привѣтъ тебѣ, Озирисъ, владыка свѣта, пребывающій въ великой обители, среди полнаго мрака. Я пришелъ къ тебѣ очищеннымъ; мои руки тебя обнимаютъ“ (XXI. 1).

„Я открываю небо, я дѣлаю, что мнѣ велѣно въ Мемфисѣ. Я знаю мое сердце, я владѣю своими ногами по произволу моей личности. Моя душа не заключена въ моемъ тѣлѣ у дверей Аменти“ (XXVI. 5. 6) **).

Чтобы не утомлять читателя слишкомъ многочисленными выдержками изъ этой книги, которая полна разсказовъ о поступкахъ и словахъ развоплощеннаго человѣка, я приведу только окончательный приговоръ, произнесенный надъ побѣдоносной душей.

„Тогда усопшій будетъ обожествленъ среди боговъ, въ низшей божественной сферѣ. Его никогда не оттолкнутъ... Онъ будетъ пить изъ небеснаго потока... Душа его не будетъ въ заключеніи, такъ какъ она творитъ спасеніе тѣхъ, кто находится съ нею. Черви ее не съѣдятъ“ (CLXIV. 14. 16).

Общая вѣра въ перевоплощеніе достаточно подтверждаетъ, что всѣ религіи, которыхъ она являлась основнымъ ученіемъ, учили о посмертномъ существованіи души. Какъ примѣръ, можно привести выдержку изъ „Законовъ Ману“, которая слѣдуетъ непосредственно за размышленіемъ надъ переселеніемъ душъ (метампсихоза) и которая отвѣчаетъ на вопросъ о способѣ достигнуть освобожденія отъ послѣдующихъ рожденій:

---

*) Книга усопшихъ, переводъ P. Pierret. 1882.

**) Тамъ же.

„Изъ всѣхъ этихъ святыхъ дѣйствій познаніе самого себя (слѣдовало перевести: познаніе Эго, Атмы) возвѣщено, какъ самое высокое: оно есть первая изъ наукъ, потому что черезъ него достигаютъ безсмертія“ *).

Великая религія Зороастра также ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ вѣрованіи. Въ томъ мѣстѣ Авесты, гдѣ описывается скитаніе души послѣ смерти, древнее Писаніе такъ выражается:

„Душа чистаго человѣка, дѣлающаго первый шагъ, подходитъ къ Humata (рай); второй шагъ души чистаго человѣка приводитъ ее къ Hukhta (рай); третій—къ Harst (рай); четвертый къ Вѣчному Свѣту“.

„Тамъ чистое, давно усопшее существо его встрѣчаетъ: Какъ ты, чистый усопшій, пришелъ изъ тѣлесныхъ обителей, изъ земныхъ юдолей, изъ плотскаго міра къ невидимому міру, отъ тлѣннаго міра къ нетлѣнному? Какъ это случилось? Привѣтъ тебѣ!“

Тогда Ахура-Мазда говоритъ: „Не безпокой его вопросами, ибо онъ пришелъ сюда страшной, ужасной дорогой, путемъ отдѣленія души отъ тѣла“ **).

Дезатиръ Персовъ также ясно выражается. Это сочиненіе состоитъ изъ 15 книгъ, написанныхъ персидскими пророками на языкѣ Авесты. „Богъ“—это Ahura Mazda или Yazdan:

„Богъ избралъ человѣка между животными, чтобы ему дать душу: вещество чистое, не составное, не матеріальное, безъ примѣси и безъ желаній. И эта душа, совершенствуясь, дѣлается ангеломъ“.

„Своей глубокой мудростью и своимъ высокимъ разумомъ, онъ соединяетъ душу съ матеріальнымъ тѣломъ“.

„Если человѣкъ поступаетъ хорошо, пока онъ находится въ этомъ тѣлѣ, и если онъ совершенствуется въ мудрости и религіи, онъ—Hartasp...“

„Какъ только онъ оставляетъ это матеріальное тѣло, то Я (Богъ) уношу его въ міръ ангеловъ, чтобы онъ могъ видѣть ихъ, говорить съ ними и созерцать меня“.

„И хотя онъ и не Hartasp, если только онъ мудръ и добродѣтеленъ, я возведу его до степени ангеловъ“.

„Каждый, смотря по степени своей мудрости и своего благочестія, найдетъ мѣсто среди мудрецовъ, среди небесъ и свѣтилъ. И онъ вѣчно будетъ пребывать въ этомъ блаженномъ царствѣ“.

---

*) XII, 85, пер. Burnell и Hopkins.

**) Zoroastrian and sane other ancient systems, XXVII, переводъ Dhunjeebhoy Jamsetjee Medbora.

Если мы обратимъ нашъ взглядъ на Китай, мы найдемъ тамъ идущій изъ глубокой древности обычай почитать души предковъ, что доказываетъ, съ какой полнотой вѣрили въ этой странѣ въ загробную жизнь.

Shu King, считаемая Джемсомъ Меггъ самымъ древнимъ классическимъ произведеніемъ Китая, содержитъ историческіе документы, относящіеся къ періоду времени отъ 2557 до 627 года до Р. Хр.; въ немъ много намековъ на души предковъ, которыя вмѣстѣ со многими другими духовными существами заботятся о дѣлахъ своихъ потомковъ и о благосостояніи государства. Pan Kang, царствовавшій съ 1401 по 1374 годъ до Р. Хр., обращается къ своимъ подданнымъ со слѣдующими словами:

„Моя цѣль поддерживать и питать васъ. Я думаю о своихъ предкахъ, которые теперь духовные владыки... Если бы я дѣлалъ ошибки, управляя вами, и если бы я долго жилъ среди васъ, то мой верховный повелитель (основатель нашей династіи) послалъ бы мнѣ за это преступленіе строгое наказаніе и сказалъ бы мнѣ: „Почему ты притѣсняешь мой народъ?"—Если вы, милліоны моихъ подданныхъ, не думаете о томъ, чтобы увѣковѣчить свою жизнь, и не соединяетесь со мной въ одной мысли, во всѣхъ планахъ со мной, превосходящимъ васъ человѣкомъ, то прежніе императоры низошлютъ на васъ наказаніе за ваши преступленія и скажутъ: „Почему вы не въ согласіи съ нашимъ внукомъ и все болѣе и болѣе теряете свою добродѣтель?"—Когда они васъ накажутъ, вы не найдете никакихъ средствъ избѣжать этого наказанія... Ваши предки и ваши отцы отрекутся отъ васъ, отвернутся и не спасутъ васъ отъ смерти" *).

Эта вѣра настолько вошла въ практическую жизнь Китая, что, въ настоящее время, какъ и въ прошломъ, „перемѣна", которую люди называютъ „смерть", играетъ очень незначительную роль въ мысляхъ и жизни народовъ Небесной Имперіи.

Приведенныхъ ссылокъ (ихъ можно было бы еще привести безконечное количество) достаточно, чтобы доказать нелѣпость утвержденія, будто вѣра въ безсмертіе увидала свѣтъ только со времени появленія въ мірѣ христіанскаго Евангелія.

Вѣра въ безсмертіе души разлила свой благотворный свѣтъ на весь древній міръ; она была достояніемъ его повседневной жизни, она отражалась въ его литературѣ и помогала ему съ яснымъ спокойствіемъ переступать порогъ смерти.

---

*) The Sacred Books of the East. III, стр. 109 и 110.

Остается неразрѣшеннымъ слѣдующій вопросъ: какъ могло христіанство, радостно и увѣренно подтвердившее это вѣрованіе, допустить, чтобы въ нѣдрахъ его зародился и росъ этотъ удивительный и непонятный страхъ смерти, который сыгралъ такую большую роль въ его соціальной жизни, въ его литературѣ и искусствѣ? Не одна только вѣра въ существованіе ада окружила ужасомъ христіанскую могилу, ибо и въ другихъ религіяхъ тоже имѣются ады, но нѣтъ подобнаго ужаса.

Напримѣръ у китайцевъ, которые вообще смотрятъ на смерть какъ на очень простую и естественную вещь, есть цѣлая коллекція адовъ, разнообразныя муки которыхъ не имѣютъ себѣ подобныхъ.

Можетъ быть здѣсь играетъ больше вопросъ расовый, чѣмъ вопросъ вѣры. Можетъ быть сильная привязанность запада къ жизни содрогнулась передъ своей антитезой и здравый разсудокъ съ малой силой воображенія западной расы нашелъ, что состояніе души безъ тѣла не имѣетъ прочности и исключаетъ всякую возможность какого бы то ни было благополучія, тогда какъ въ глазахъ мистическаго и мечтательнаго востока, склоннаго къ размышленію и всегда стремящагося въ теченіе жизни къ освобожденію отъ тираній чувствъ, состояніе развоплощенія кажется весьма желательнымъ, такъ какъ оно именно и даетъ больше простора для дѣятельности мысли?

Прежде чѣмъ перейти къ изученію исторіи человѣка въ его посмертномъ состояніи, необходимо вкратцѣ вспомнить строеніе человѣка, такъ какъ ее понимаетъ эзотерическая философія, потому что мы должны помнить различныя начала этого строенія, если хотимъ понять способъ, которымъ онѣ дезинтегрируются.

Человѣкъ состоитъ изъ слѣдующихъ началъ:

1) три безсмертныхъ начала.	Atma. Buddhi. Manas.
2) четыре смертныя начала.	Kâma. Prâna. Эфирный двойникъ. Плотное тѣло.

Плотное тѣло—физическое тѣло, видимая и осязаемая форма, состоящая изъ различныхъ тканей. Эфирный двойникъ—есть эфирная часть тѣла, состоящая изъ физическихъ эфировъ. Prâna—это жизненная сила, созидательная энергія, которая координируетъ физическіе моменты и соединяетъ ихъ въ опредѣленный организмъ;

это „дыханіе жизни“ въ организмѣ или лучше, та часть дыханія жизни всемірной, которой человѣческій организмъ завладѣваетъ на тотъ краткій періодъ времени, который мы называемъ „жизнь“.

Kâma—это совокупность желаній, страстей и эмоцій, которыя общи человѣку и животному.

Manas—мыслитель въ насъ, разумъ.

Buddhi—это проводникъ, въ которомъ пребываетъ духъ (Atma) и черезъ который онъ только и можетъ проявляться.

Звеномъ между тремя безсмертными и четырьмя смертными началами является Manas, который во время земной жизни или воплощенія бываетъ двойственъ; онъ одновременно дѣйствуетъ какъ Manas высшій и какъ Manas низшій. (Высшій и малый разумъ).

Высшій Manas рождаетъ самостоятельно отъ себя лучъ; низшій же Manas, пользуясь человѣческимъ мозгомъ, какъ орудіемъ, развиваетъ разумъ и разсудокъ, которые въ свою очередь соединяются съ Kama—тѣломъ желаній—и такимъ образомъ, эмоціи и страсти, какъ объясняетъ современная психологія, такъ же входятъ въ сферу разума.

И такъ, въ Kama-Manas мы имѣемъ звено, между низшей и высшей природой; своими маназическими элементами звено это принадлежитъ къ высшей природѣ, къ низшей же природѣ оно принадлежитъ своими элементами камическими (страстными). Такъ какъ на этой то почвѣ и разыгрываются въ жизни борьба и страсти, то оба эти элемента играютъ важную роль въ загробной жизни.

Теперь мы можемъ раздѣлить наши семь началъ нѣсколько иначе, разбивъ ихъ на слѣдующія три группы:

1) Элементы безсмертные. { Atma. Buddhi. Высшій Manas.

2) Элементы условно безсмертные. Kâma-Manas.

3) Элементы смертные. { Prâna. Эфирный двойникъ Плотное тѣло.

Нѣкоторые изъ христіанскихъ авторовъ согласились съ этой классификаціей, заявляя, что духъ безсмертенъ по свойственной ему природѣ, потому что онъ божественнаго происхожденія; что душа условно безсмертна, т. е. способна своимъ соединеніемъ съ духомъ вкусить безсмертіе, и что тѣло безусловно смертно. Боль-

шинство необразованныхъ христіанъ дѣлитъ человѣка просто на два начала—на тѣло, уничтожающееся при смерти, и на то начало, которое называютъ то душой, то духомъ, и что переживаетъ тѣло. Эта послѣдняя классификація, которую едва ли можно назвать токовой, очень недостаточна для разумнаго объясненія или даже простого изложенія явленій посмертнаго существованія.

Дѣленіе человѣческой природы на три начала даетъ ясное представленіе объ его строеніи, но оно недостаточно, чтобы объяснить многія явленія. Одно только семеричное дѣленіе даетъ правильную теорію въ состояніи объяснить намъ факты, которые мы желаемъ изучить; поэтому, какимъ бы сложнымъ не показалось это строеніе, вдумчивый читатель хорошо сдѣлаетъ, если постарается освоиться съ нимъ. Если бы онъ избралъ себѣ предметомъ изученія только человѣческое тѣло и пожелалъ бы понять его механизмъ, ему бы пришлось классифицировать различныя его ткани гораздо болѣе детально, чѣмъ я это дѣлаю здѣсь. Онъ долженъ былъ бы изучить различіе между мускулами и нервами, фибрами, железами, костями, хрящами и всѣ ихъ видоизмѣненія. — И если въ своемъ невѣдѣніи онъ возмутился бы противъ такого сложнаго дѣленія, ему бы доказали, что только путемъ такого подробнаго анализа различныхъ частей тѣла можно придти къ пониманію тѣхъ явленій, которыя происходятъ въ человѣческомъ организмѣ. Ему объяснили бы, что одна изъ этихъ частей служитъ *сохраненію* тѣла, другая является орудіемъ движенія, одна служитъ для выдѣленій, другая для претвореній и т. д., и если бы конечная часть не имѣла спеціальнаго названія, то произошла бы такая путаница и недоразумѣніе, что нельзя было бы дать себѣ отчета въ различныхъ функціяхъ тѣла. Употребляя нужные термины сберегаешь время и уясняеешь себѣ представленіе о предметѣ, ясность совершенно необходима для пониманія сложныхъ явленій загробной жизни.

Съ самаго начала работы мнѣ пришлось прибѣгнуть къ нѣкоторымъ техническимъ выраженіямъ, ибо на нашихъ западныхъ языкахъ нѣтъ соотвѣтствующихъ выраженій; пришлось бы ихъ замѣнить цѣлыми пояснительными фразами, что весьма затруднительно.

Лично я думаю, что большая часть того антагонизма, который существуетъ между послѣдователями эзотерической философіи и спиритами, происходитъ главнымъ образомъ изъ за смѣшеній терминовъ, употребляемыхъ съ той и другой стороны; смѣшенія, которое ведетъ къ полному взаимному непониманію.

Недавно одинъ извѣстный спиритъ нервно заявилъ, что онъ не видитъ необходимости въ точномъ опредѣленіи и что, когда

онъ говоритъ „духъ“, то понимаетъ подъ этимъ всю ту часть человѣческой природы, которая не тѣлесна и переживаетъ смерть. Съ одинаковымъ правомъ можно было бы сказать, что тѣло человѣка состоитъ изъ крови и костей, и отвѣтить на просьбу опредѣлить, что такое кровь, „Подъ кровью я понимаю все то, что не есть кость“.

Точное опредѣленіе и вдумчивое употребленіе принятыхъ выраженій дадутъ намъ, по крайней мѣрѣ, возможность понять другъ друга: это первый шагъ къ полезному сравненію обѣихъ системъ.

Перев. **А. Борніо.**

(продолженіе слѣдуетъ).

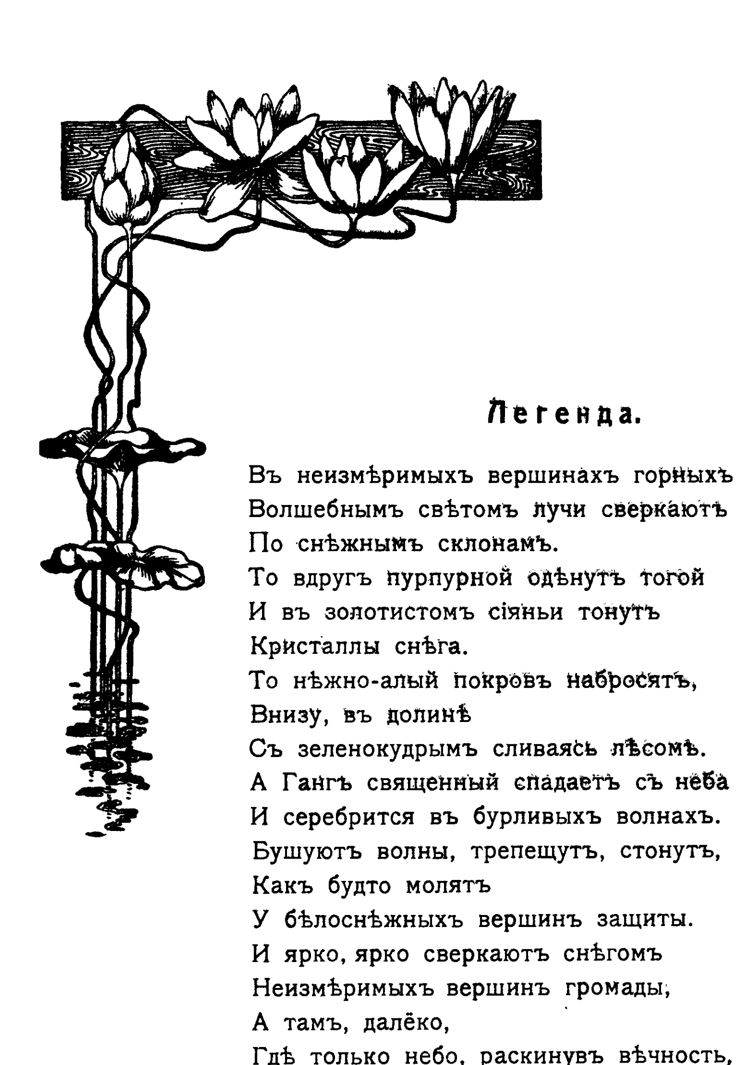
ИЗРЕЧЕНІЯ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Прекращается-ли наша жизнь съ плотскою смертью, это вопросъ самой великой важности и рѣдкій человѣкъ не думаетъ объ этомъ. Смотря по тому, вѣримъ-ли мы, или нѣтъ въ вѣчную жизнь, и поступки наши будутъ разумны или безсмысленны. Всякій разумный поступокъ непремѣнно основывается на увѣренности въ безсмертіи истинной жизни.

В. Паскаль.

Одно мы знаемъ или можемъ знать, если захотимъ, а именно, что сердце и совѣсть человѣка божественны, что въ отрицаніи зла и признаніи добра человѣкъ самъ является воплощеннымъ божествомъ; что его радость въ любви, его страданія въ гнѣвѣ, его негодованіе при видѣ несправедливости, его слава въ самопожертвованіи являются вѣчными неоспоримыми доказательствами его единства съ верховнымъ Властелиномъ.

Д. Рёскинъ.

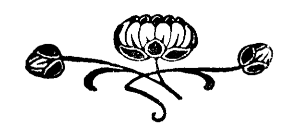

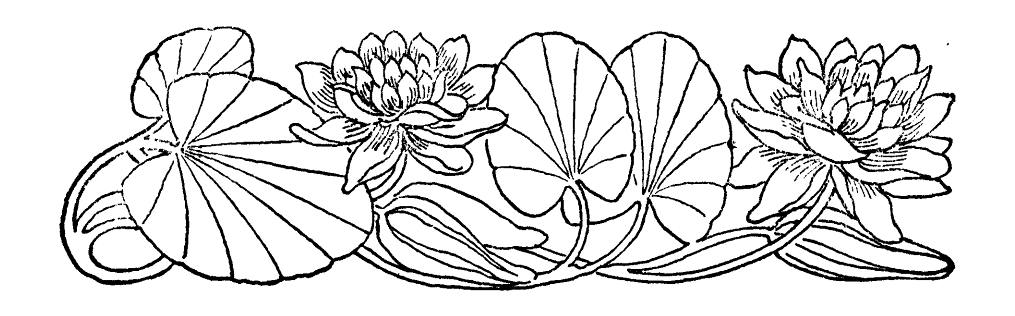
Легенда.

Въ неизмѣримыхъ вершинахъ горныхъ
Волшебнымъ свѣтомъ лучи сверкаютъ
По снѣжнымъ склонамъ.
То вдругъ пурпурной одѣнутъ тогой
И въ золотистомъ сіяньи тонутъ
Кристаллы снѣга.
То нѣжно-алый покровъ набросятъ,
Внизу, въ долинѣ
Съ зеленокудрымъ сливаясь лѣсомъ.
А Гангъ священный спадаетъ съ неба
И серебрится въ бурливыхъ волнахъ.
Бушуютъ волны, трепещутъ, стонутъ,
Какъ будто молятъ
У бѣлоснѣжныхъ вершинъ защиты.
И ярко, ярко сверкаютъ снѣгомъ
Неизмѣримыхъ вершинъ громады,
А тамъ, далёко,
Гдѣ только небо, раскинувъ вѣчность,
Загадкой блещетъ надъ ихъ зенитомъ,
Свѣтлы и мудры,
Какъ будто боги вершинъ Олимпа,
Живутъ незримы волхвы востока.
Наука неба для нихъ не тайна,
Имъ шепчутъ звѣзды святыя вѣсти.
И какъ источникъ вершины горной,
Изъ міра свѣта въ долины мрака
Они струями разносятъ влагу
И волю неба вѣщаютъ міру.
Когда сіяла звѣзда востока
И „слава въ вышнихъ“ неслось по нѐбу,

Святая мудрость открыла старцамъ
Велѣнье Бога
И отклонила убійцы руку.
Вѣка летѣли и неизмѣнно,
Когда свершались судьбы земныя
По высшей волѣ
Съ высотъ незримыхъ
Мудрѣйшимъ міра шептали звѣзды
Велѣнье неба.
И, какъ видѣнья сѣдыхъ сказаній,
Съ уступовъ снѣжныхъ спускались старцы
Въ долины Ганга.
По склонамъ горнымъ
Зеленой кущей толпились лавры
И рододендронъ серебровидный,
Какъ исполинскій шатеръ склонялся
Надъ купой снѣжной цвѣтовъ магнолій,
Вздымая къ небу сѣдыя кроны.
А въ потемнѣвшемъ лазурномъ сводѣ
Дрожали звѣзды
И мудрымъ старцамъ шептали тайны.

М.

Теософія въ Австраліи.

Теософическое движеніе въ Австраліи началось въ 1886 г. послѣ пріѣзда въ Австралію г. Г. Олькотта, прочитавшаго тамъ нѣсколько лекцій. Постепенно образовалось нѣсколько теософическихъ группъ, начавшихъ серьезно изучать теософію. и въ январѣ 1895 г. была образована Австралійская секція международнаго теософическаго общества. При своемъ возникновеніи движеніе встрѣтило много практическихъ затрудненій, одно изъ главныхъ былъ смѣняющійся характеръ населенія, которое обладаетъ въ Австраліи большою подвижностью.

Австралійская секція была открыта г-жей А. Безантъ, посѣтившей въ 1895 г. Австралію и прочитавшей тамъ рядъ лекцій. Первымъ генеральнымъ секретаремъ былъ выбранъ А. У. Стэфсъ. Главной квартирой Теософическаго Общества въ Австраліи всегда былъ Сидней.

Въ настоящее время секція насчитываетъ 800 человѣкъ и имѣетъ 15 центровъ или вѣтвей. Члены очень дѣятельны; вѣтви обмѣниваются лекторами и матеріаломъ.

Австралійская секція носитъ характеръ скорѣй этическій и религіозный, чѣмъ научный и активно борется съ матеріалистическимъ настроеніемъ населенія, сильно охваченнаго торгово-промышленными интересами и находящагося подъ вліяніемъ самаго крайняго позитивизма. Интересно, что тѣмъ не менѣе большій контингентъ членовъ составился изъ торгово-промышленнаго класса, сюда надо прибавить довольно значительное число учителей и сестеръ милосердія, вообще же изъ либеральныхъ профессій пока еще мало кто интересуется Теософіей въ Австраліи.

Церковь до сихъ поръ относится не особенно дружелюбно къ Теософическому движенію, но въ самомъ лонѣ ея нѣкоторые изъ наиболѣе либеральныхъ ея представителей проявляютъ къ Теософіи живой интересъ и находятся въ общеніи съ Теософическимъ Обществомъ.

Австралійская секція издаетъ ежемѣсячный журналъ „Theosophy in Australasia", который выходитъ уже 16 лѣтъ. Въ началѣ онъ былъ маленькій журнальчикъ, похожій скорѣй на листовку. Со временемъ онъ обратился въ настоящій довольно крупный журналъ.

Кромѣ органа секцій издавался одно время въ Мельбурнѣ также „Austral theosophist". Въ настоящее время онъ прекратилъ свое существованіе.

„Theosoplhy In Australasia" даетъ всегда полныя свѣдѣнія о теософическомъ движеніи во всѣхъ странахъ свѣта и особенно въ самой Австраліи. Въ каждомъ № можно найти двѣ, три оригинальныхъ статьи, обозрѣніе теософической литературы и указаніе на интересныя для теософа статьи въ различныхъ газетахъ и журналахъ. Есть также отдѣлъ „Вопросы и отвѣты". Журналъ ведется въ очень популярной и сжатой формѣ. Всѣ статьи чрезвычайно кратки и являются скорѣй очерками и набросками, чѣмъ настоящими статьями.

Книгоиздательствомъ Австралійская секція не занимается, такъ какъ широко пользуется всѣми англійскими изданіями, печатаемыми въ Англіи и Индіи, зато издается много брошуръ съ цѣлью пропаганды.

Недавно въ Мельбурнѣ состоялся 15-й годовой съѣздъ Австралійской секціи, на этотъ разъ очень многочисленный и оживленный. Центромъ бесѣдъ служилъ недавній пріѣздъ президента, А. Безантъ., въ Австралію и ея лекціи. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ она успѣла объѣхать теософическіе центры въ Перт'ѣ, Фримантль, Аделанд'ѣ *), Мельбурн'ѣ, Сидней, Брисбан'ѣ, Гобарт'ѣ, Лаунчинтон'ѣ и посѣтить четыре города Новой Зеландіи. Лекціи и собранія непрерывно чередовались, такъ что иногда mrs. Безантъ приходилось говорить по три раза въ день. Она принесла съ собой свѣтъ своего отреченія и вдохновенія и это уже сказывается въ необычайномъ оживленіи теософическихъ центровъ. Многіе кружки дѣятельно занялись организаціей ордена служенія и образовали рядъ лигъ и союзовъ для помощи тюрьмамъ, больницамъ,

*) Прошлое лѣто 1908 г.

школамъ, для разработки вопроса о сожженіи усопшихъ и для борьбы съ смертной казнью.

Лекціи читанныя президентомъ въ Австраліи вышли отдѣльной книгой подъ названіемъ „Австралійскія лекціи А. Безантъ".

На Австралійскомъ съѣздѣ читался отчетъ всѣхъ теософическихъ съѣздовъ, который свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ ростѣ движенія. Особенно интересенъ былъ отчетъ вѣтви Сидней, представитель этого центра, г. Мартинъ, указалъ на особое же глубоко-религіозное настроеніе мѣстнаго кружка, Это сказалось въ родѣ новыхъ выработанныхъ правилъ работы. Такъ члены постановили начинать каждое собраніе краткимъ чтеніемъ одного изъ священныхъ Писаній и нѣсколькими минутами молчанія. Кромѣ того однимъ изъ членовъ предложено составить нѣсколько гимновъ для исполненія во время теософическихъ собраній, эта задача возложена на г. Д. Джонса.

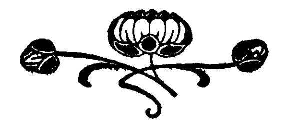
Финансы секціи оказались въ блестящемъ состояніи. Пріѣздъ президента обогатилъ кассу на 900 ф. ст., что составляетъ приблизительно 9.000 рублей.

Свою рѣчь генеральный секретарь Австралійской секціи закончилъ такъ:

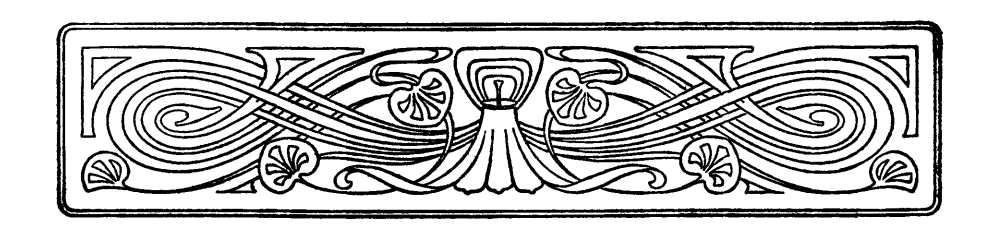
„Мы исполнены чувствомъ глубокой благодарности къ нашему президенту, давшему намъ своимъ пріѣздомъ, такъ много вдохновенія и помощи, но мы не желаемъ покоиться на лаврахъ, мы будемъ изыскивать новые пути дѣятельности, чтобы быть на высотѣ того идеала, который президентъ поставилъ передъ нами. Чтобы не ожидало наше движеніе, мы встрѣтимъ великое затрудненіе углубленіемъ духа истиннаго братства и усиліемъ внести духъ полнаго самоотреченія въ нашу работу".

Повидимому дѣло Теософіи стало въ Австраліи на прочный фундаментъ и обѣщаетъ дать блестящіе результаты въ самомъ близкомъ будущемъ *).

Alba.

*) Для болѣе подробныхъ свѣдѣній см. статью „Путешествіе Президента въ Австраліи" (В. Т., 1908).

Первые теософскіе лѣтніе курсы въ Англіи

(Theosophical Summer School).

---

17 іюля назначено было всѣмъ участникамъ выѣхать, въ 1 ч. пополудни съ Лондонской станціи Кингсъ Кроссъ. Я не знала ни одного изъ собравшихся теософовъ въ лицо, такъ какъ не бывала въ Обществѣ, никогда не принадлежала ни къ какой изъ его ложъ и потому чувствовала себя совершенно чужой. Приглашеніе участвовать на курсахъ Теософическаго Общества попало ко мнѣ совершенно случайно, но какой то внутренній голосъ мнѣ говорилъ, что насталъ такой моментъ моего духовнаго развитія, который найдетъ свое разрѣшеніе именно въ моемъ присоединеніи къ Обществу и я въ ту же минуту послала свое согласіе.

На станціи мнѣ бросился въ глаза вагонъ, на окнахъ котораго приклеены были большіе ярлыки съ надписью: „Для членовъ Теософическихъ курсовъ". Кто-то, очевидно, позаботился. Войдя въ вагонъ, я заняла первое попавшееся мѣсто въ сторонкѣ. Кто-то взялъ мои вещи, уложилъ ихъ по сѣткѣ, потомъ побѣжалъ оказать такую же услугу другой пассажиркѣ. Были тутъ и молодые и старые, мужчины и женщины, богато одѣтые, и совсѣмъ скромно и незатѣйливо. Но мнѣ сейчасъ же бросилось въ глаза, что и другіе пассажиры всѣ были чужіе между собою, входили, разсаживались и съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посматривали другъ на друга. Это обстоятельство не только забавляло меня, но и какъ то поощряло. Чужіе—такъ чужіе; всѣ на одномъ положеніи; чувство товарищества и равенства тепло закрадывалось въ душу при видѣ, какъ эти „чужіе" готовы были и помочь, и устроить всѣхъ поудобнѣе, хотя многіе уже не находили себѣ мѣста.

Поѣздъ еще не тронулся, какъ я замѣтила, что нѣкоторые изъ пассажировъ прикололи себѣ къ плечу или визитныя карточки, или просто бумажки съ фамиліей и адресомъ. Сначала мнѣ это показалось смѣшно, но вскорѣ я увидѣла, что мѣра эта весьма мудрая, и оторвавъ кусочекъ бумаги отъ письма, написала свою фамилію и прибавила „Россія". Эффектъ былъ поразительный. Вдругъ все нашлось и распредѣлилось. Ко мнѣ подошелъ секретарь-устроитель Д. Денлонъ, очень добродушно и ласково заговорилъ со мной, изъявилъ радость видѣть участника изъ Россіи, а черезъ 10—15 минутъ я перезнакомилась со всѣми въ вагонѣ. Насъ было около 60 человѣкъ. Одна живая и словоохотливая барыня замѣтила мнѣ: „О! Вы будете пользоваться особеннымъ вниманіемъ, повѣрьте. Мы всѣ такъ рады видѣть русскую среди насъ".

Быстро пролетѣли 3—4 часа переѣзда. Все для меня было такъ ново и интересно, я живу въ Англіи болѣе 20 лѣтъ. Неужели эти добродушные и простые люди, которые только что перезнакомились между собой и уже такъ по-дружески бесѣдовали, обмѣнивались книгами и журналами (даже фотографія и картинки переходили изъ рукъ въ руки), неужели это англичане, о которыхъ сложилось такое множество анекдотовъ, и которые считаются сухими, недоступными индивидуалистами—словомъ, „людьми въ футлярѣ"?

Между тѣмъ, пейзажи смѣнялись одинъ другимъ. Вотъ и послѣдній городъ остался позади и поѣздъ покатился по зеленой долинѣ, окаймленной горами и налѣво засинѣло море, переливаясь блестками на яркомъ солнцѣ. Всѣ попримолкли. Очень ужъ было хорошо и красиво. Наростало чувство глубокаго сознанія чего то серьезнаго и значительнаго и, какъ видно, это настроеніе сдѣлалось общимъ.

Вотъ и крошечная станція Вейбурнъ*), очевидно не привыкшая къ такому наплыву гостей. Единственный сторожъ окончательно растерялся, когда багажный служащій сталъ выкидывать одни за другими корзины, чемоданы и сундуки. Но наши теософы не дремали, принимали и перебрасывали багажъ, какъ самые заправскіе носильщики и въ нѣсколько минутъ выросла большая гора. Вскорѣ на платформѣ показался маленькій осликъ, котораго велъ одинъ изъ нашихъ товарищей, а за нимъ крошечный мужичекъ въ вязаной курткѣ и войлочной шляпѣ. Осликъ долженъ былъ перевезти на маленькой одноколкѣ всю нашу гору багажа и встрѣченъ былъ громкими аплодисментами и смѣхомъ. Со свойствен-

*) Ст. Вейбурнъ, г. Норфолькъ.

нымъ русскому человѣку критическимъ отношеніемъ ко всему на свѣтѣ, я въ душѣ ворчала: „ахъ эти дамы! на одну недѣлю собрались и везутъ сундуки съ нарядами; а еще теософки!“ Но и эта воркотня затерялась въ общей гармоніи. Отель, которымъ заручился нашъ распорядитель, былъ въ виду, и мы веселой гурьбой отправились по красивой дорожкѣ въ гору. Тамъ снова мы почувствовали, что насъ слишкомъ много для этого тихаго деревенскаго отеля и распредѣленіе по комнатамъ взяло не мало времени; я уже мысленно выбирала, кого именно изъ моихъ товарокъ я попрошу дать мнѣ уголъ, какъ вдругъ и мнѣ нашлась маленькая мансарда, которой я была очень рада. Хотѣлось побыть одной, разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ, уложить поуютнѣе всѣ эти лица, всѣ эти пробивающіяся наружу обрывки новыхъ для меня мыслей, догадки, массы фактовъ и новостей, бурно ломившихся въ мое сознаніе. Меня пробудили звуки гонга.

По лѣстницамъ спускались вереницами всѣ мои спутницы, которыя очевидно уже успѣли заглянуть въ сундуки и чемоданы. Изящная простота повсюду, кое-гдѣ полное презрѣніе къ модѣ. Въ большой столовой мы раздѣлились на мясоѣдовъ и вегетаріанцевъ почти пополамъ. И за столомъ нашъ мужской персоналъ оказался на высотѣ своего ученія. Двѣ—три дѣвушки-служанки приносили только блюда съ кушаньями и посуду, а остальное взяли на себя наши друзья и все время заботились о „сестрицахъ“ самымъ дружественнымъ образомъ; вскорѣ общая трапеза еще больше сблизила насъ.

Программа наша была очень полная и разнообразная. Всего одна недѣля, а между тѣмъ такъ много надо было выразить, поднять на ноги, обсудить и намѣтить. Утромъ отъ 10 до 12 и вечеромъ отъ 8 до 10 лекціи и дебаты. Кромѣ того были намѣчены разные вопросы по кружкамъ среди дня, но на второй же день всѣ эти собранія слились въ одну общую дружескую аудиторію.

Всю недѣлю г. Д. Денлонъ исполнялъ роль президента и велъ свое дѣло не только дѣловито и тактично, но и проявилъ такую отзывчивую, и нѣжную душу, давалъ такой просторъ каждой индивидуальности, такъ поощрялъ каждое усиліе „учениковъ“, вносилъ такой миръ и гармонію въ наши диспуты, что всѣ сердца слились въ общемъ единодушномъ энтузіазмѣ. Для меня лично эти люди казались новымъ откровеніемъ и живымъ доказательствомъ того, какъ мало значитъ раса и традиціи, если соединяетъ одна общая идея—идеалъ любви и мудрости. Рѣчи нашего президента были просты и задушевны. Ни малѣйшаго желанія блеснуть,

удивить, сказать что-либо выдающееся. Безконечная доброта и порой трогательное сознанiе собственныхъ нехватокъ, въ виду громадности задачъ общественной жизни.

Крупной, выдающейся личностью оказался профессоръ Лазенби (Торенто, Канада), приглашенный специально на эту недѣлю. Глубокой проникновенностью дышали его рѣчи. Казалось ему открыты были всѣ времена и одинаково знакомы и родственны были всѣ расы, когда-либо населявшiя землю, и красной нитью проходила единая истина черезъ всѣ эти возникавшiя и исчезнувшiя цивилизацiи. Подъ влiянiемъ этой плавно льющейся рѣчи, все становилось такъ свѣтло и просто, но открывался и новый мiръ неизвѣданной еще мудрости, куда устремлялась душа каждаго слушателя. И вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ мудрецъ былъ до такой степени простъ и доступенъ, такъ любовно относился ко всѣмъ, кто они не были, какъ будто всѣ они были нужны ему для его собственнаго счастья, въ каждомъ находилъ драгоцѣнныя черты, безъ которыхъ, какъ онъ замѣчалъ, мiръ былъ бы неполонъ.

Чтобы дать понятiе о проникновенiи г. К. Лазенби, разскажу маленькiй эпизодъ: послѣ лекцiи о символахъ и амулетахъ за столомъ и на прогулкахъ продолжались разговоры объ отношенiи амулетовъ, изваянныхъ изъ камня и амулетахъ, скрытыхъ въ сердцахъ людей, предметъ дѣйствительно обаятельный! На мнѣ въ тотъ день была античная брошь, символическiй рисунокъ которой я тщетно пыталась разобрать. Не мудрено, что на эту брошь и ея символическое значенiе обратили вниманiе. Пришлось признать себя вполнѣ неспособной прочитать символъ. „Да вы бы спросили Лазенби, сказалъ кто-то, онъ какъ разъ все разъяснитъ". Съ этимъ я отправилась къ нашему мудрецу. Онъ внимательно разсмотрѣлъ весь рисунокъ, старина котораго до сихъ поръ была совершенно неизслѣдована.

Символъ—все та же свастика, сказалъ профессоръ Лазенби. Вы не разобрали его потому, что всѣ острые углы здѣсь округлены. Эта брошь, однако, очень интересная. Дайте-ка я изслѣдую ее психометрически *).

Во первыхъ я вижу факелъ. Его горящiй конецъ приблизительно такой формы (рисуетъ), вижу людей, какихъ-то необыкно-

*) Брошь эта была куплена въ Казанской губ. Была потеряна, но снова вернулась въ мои руки, Я ее носила 15 лѣтъ. Затѣмъ подарила прiятельницѣ, которая носила ее 2 года, по прошествiи которыхъ, брошь снова вернулась ко мнѣ. Я ожидала какихъ-нибудь подробностей изъ этихъ послѣднихъ лѣтъ ея странствованiя (по Америкѣ, Россiи, Шотландiи и Англiи).

венныхъ, можетъ быть огнепоклонниковъ? Еще чашки круглыя, плоскія. Сначала мнѣ показались эти чашки, какъ будто сдѣланными изъ кокосоваго орѣха, но нѣтъ, теперь вижу что нѣтъ, (рисуетъ чашки). Вижу воду не то море, не то большое озеро. На берегу дома—цѣлая деревня, крыши соломенныя.

Эта брошь въ прежнее время не была брошкой. Средняя ея часть была вдѣлана въ другой орнаментъ овальной формы (рисуетъ).

Та, которая носила его, получила жестокій ударъ по верхней части руки—да, въ сущности рука была отрублена и капли крови попали на орнаментъ (а Вы не были лѣвшой, не страдали болѣзнью руки, спросилъ меня вдругъ Лазенби, но я не хотѣла прерывать теченія его мыслей и просила продолжать). Та, которая носила эту вещь, имѣла какое то касательство къ рыбѣ (рисуетъ рыбу съ очень объемистой головой, какъ у сома). Да, рыба съ головой точно у быка. Я не видалъ такихъ рыбъ никогда. Потомъ еще вижу, какіе то странной формы экипажи на колесахъ (рисуетъ кибитку самаго примитивнаго устройства). Теперь появляются буквы... Что это имя? Или что другое (пишетъ сначала явственно PETRO, а потомъ быстро чертитъ непонятныя какія-то письмена). Дальше не вижу ясно, что за буквы. Вижу женщинъ и дѣвушекъ въ головныхъ уборахъ въ родѣ чалмы краснаго и желтаго цвѣта. Онѣ пляшутъ и быстро кружатся. У нихъ надѣты большія металлическія украшенія, почти съ блюдечко. Ужъ не знаю, что они означаютъ—символы или что другое? Вижу лодки, выдолбленныя какъ бы изъ одного бревна...

Здѣсь этотъ въ высшей степени интересный опытъ былъ прерванъ звукомъ гонга, призывавшаго насъ на лекцію.

Но теперь я сопоставлю то, что мнѣ извѣстно и стало ясно.

Очевидно, проф. Лазенби видѣлъ не послѣдніе года, а глубокую древность, именно времена огнепоклонниковъ, центромъ притяженія которыхъ былъ священный неугасимый огонь храма огнепоклонниковъ съ башней, въ которой горѣлъ тысячи лѣтъ натуральный газъ, разрушенный въ настоящее время керосинными королями Баку и обращенный въ центръ наживы, несправедливости и кровопролитія. Объ этомъ храмѣ, который служилъ священнымъ центромъ тысячамъ поколѣній огнепоклонниковъ вплоть до нашихъ дней, мнѣ случилось читать въ журналѣ Е. П. Блаватской года два тому назадъ.

Кибитка—уцѣлѣла и въ настоящее время среди Казанскихъ Татаръ и весьма легко себѣ представить, что они когда то кочевали по всему побережью Каспійскаго моря.

Выдолбленныя лодки—челны, какъ и теперь еще въ ходу по всей Волгѣ, вплоть до Астрахани и по всѣмъ притокамъ Волги.

Чашки—судя по рисунку, деревянныя, русскія чашки. Замѣчательно, что въ наши дни, на русскихъ фарфоровыхъ фабрикахъ работаются особыя плоскія чашки, по большей части безъ ручекъ, исключительно для татаръ, точь въ точь такого рисунка, какъ рисовалъ проф. Лазенби.

Не имѣютъ ли буквы *Petro*... какое-нибудь отношеніе къ petrol, т. е. керосину?.

Красные и желтые головные уборы въ родѣ чалмы указываютъ на красные и желтые платки ручного печатанія, которыми еще въ моей памяти татарки повязывали головы, образуя характерную, высокую форму чалмы съ узломъ впереди.

Украшенія, большія, металлическія, величиной съ блюдечко—до сихъ поръ были мнѣ незнакомы, но на-дняхъ, въ Британскомъ музеѣ, мнѣ попалось описаніе народовъ Россіи Мюллера 1776 г. съ таблицами одеждъ татаръ, чувашъ и т. д. На одной изъ татарокъ я увидѣла именно такое металлическое украшеніе величиной съ блюдечко...

Относительно рыбы „съ головой какъ у быка" я переспросила, не видалъ ли онъ чего еще замѣчательнаго и характернаго на головѣ этихъ рыбъ, такъ какъ для меня казалось яснымъ, что онъ видѣлъ „сома", у котораго длинные „усы". „Да, я видѣлъ у нихъ что то, въ родѣ длинныхъ отростковъ, но не упомянулъ, такъ какъ это казалось такъ невѣроятно. Но теперь я вижу длинные отростки" (рисуетъ).

Я также сообщила ему, что у меня болѣла рука и я носила ее на привязи цѣлый годъ или больше, но какая же связь между татаркой временъ огнепоклонниковъ и мною?

И разъяснится ли когда этотъ вопросъ?

Повидимому нашъ профессоръ не придавалъ особеннаго значенія своему ясновидѣнію. Для него это было дѣло давно знакомое, оно перестало его поражать.

Я же весьма сожалѣла, что крайне интересная повѣсть была прервана безъ малѣйшей надежды, когда-либо получить свое окончаніе.

Лекціи проф. Лазенби касались: происхожденія религій, ученія перевоплощенія, религіозной философіи Іисуса. Между дѣломъ, иногда на открытомъ воздухѣ онъ читалъ и говорилъ, передавалъ и освѣщалъ писанія Лао-Тце (600 лѣтъ до Р. Х.), Омаръ

Кнамъ и многое изъ поэмъ В. Витмана. Всѣ эти произведенія получили совершенно новый и неожиданно глубокій смыслъ.

Г-жа Рансомъ вела бесѣды о лекціяхъ Анни Безантъ въ Лондонѣ, г-жа Госсъ о новѣйшихъ духовныхъ движеніяхъ, докторъ Луиза Аппель о теософскомъ орденѣ служенія и т. д.

Когда мы собрались въ послѣдній разъ вечеромъ вмѣстѣ—уже не чужіе, а близкіе друзья, рѣшено было съѣхаться будущимъ лѣтомъ снова въ бо̀льшемъ числѣ, и намѣчены были къ разработкѣ другіе вопросы жизни и искусства.

А. Дана.

ИЗРЕЧЕНІЯ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Чѣмъ человѣкъ умнѣе и добрѣе, тѣмъ больше онъ замѣчаетъ добра въ людяхъ.

В. Паскаль.

Посѣйте поступокъ, и вы пожнете привычку; посѣйте привычку, и вы пожнете характеръ; посѣйте характеръ, и вы пожнете судьбу.

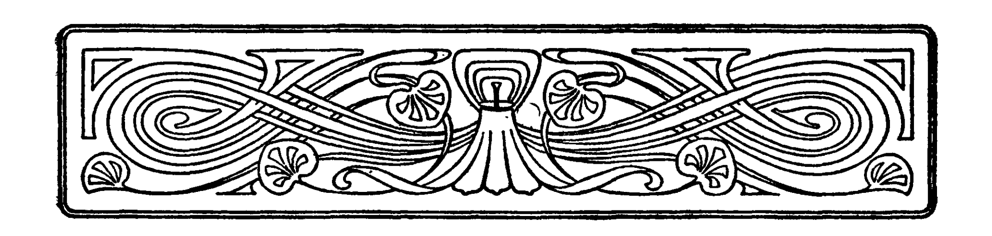
Тэккерей.

Истинная добродѣтель никогда не озирается назадъ на тѣнь свою—на славу.

Гёте.

Все во власти неба, кромѣ нашего желанія служить Богу или себѣ.

Лютеръ.

Хроника теософическаго движенія.

Въ Южной Африкѣ открылась новая секція Теософическаго Общества. Въ Преторіи собрался первый съѣздъ африканскихъ теософовъ, на которомъ присутствовало 37 делегатовъ отъ 8 кружковъ. Собраніе открылъ и велъ единогласно выбранный, неутомимый дѣятель г. Фрике. Генеральнымъ секретаремъ выбранъ г. Дикманъ, піонеръ движенія въ Африкѣ. Г. Фрике объѣзжаетъ рядъ городовъ въ Южной Африкѣ и читаетъ лекціи въ Преторіи, Іоханисберг'ѣ, Джермистоун'ѣ, Филиполис'ѣ, Портѣ Елизавет'ы и Кантоун'ѣ. Говоря о неутомимой дѣятельности этого преданнаго Теософіи работника, A. Besant говоритъ (Adyar Bulletin, іюнь): „Члены всѣхъ странъ должны послать свои добрыя пожеланія этому вѣрному слугѣ Учителей, идущему въ далекой странѣ своимъ одинокимъ путемъ".

Въ Южной Африкѣ уже открыто нѣсколько книжныхъ складовъ и идетъ рѣчь объ изданіи мѣстнаго теософическаго журнала.

Въ Скандинавіи въ маѣ, въ Христіаніи, состоялся годовой теософическій съѣздъ, на которомъ присутствовало 40 делегатовъ отъ 10 кружковъ. Всего въ Секціи 30 теософическихъ кружковъ, членовъ же 820, изъ которыхъ 491 приходится на Швецію, 129 на Норвегію, 182 на Данію и 18 на Финляндію. Г. Зеттерсенъ былъ снова выбранъ генеральнымъ секретаремъ.

По случаю съѣзда былъ организованъ рядъ лекцій. Г. Лутквистъ читалъ о Теософіи, Мистицизмѣ и Оккультизмѣ; г-жа Марта Стейнсвикъ о христіанскихъ Гностикахъ; г. Франкъ Гейманъ о Сознаніи; г-жа Э. Блютъ о Магометѣ; г. Танингъ о Братствѣ. День Бѣлаго Лотоса прошелъ очень торжественно. На слѣдующій день начался курсъ д-ра Штейнера.

. . . .

Интересная попытка серьезно поставить дѣло подготовки работниковъ для Теософіи была сдѣлана въ Англіи этимъ лѣтомъ. По иниціативѣ г. Денлон'а, въ маленькомъ городкѣ, Норфолькѣ, была устроена лѣтняя Теософическая Школа (Teosophical Summer School). Сюда съѣхалось около сотни теософовъ, желавшихъ послушать интересныя лекціи и обмѣняться мнѣніями по нѣкоторымъ важнымъ вопросамъ. Въ теченіе недѣли утромъ и вечеромъ читались лекціи и велись оживленные дебаты. Днемъ сообща устраивались прогулки и экскурсіи въ красивыя окрестности, такъ что полезное соединялось съ пріятнымъ и теософы получили, вмѣстѣ съ многими интересными свѣдѣніями, возможность также ближе познакомиться другъ съ другомъ и отдохнуть отъ напряженной работы на лонѣ природы, въ гармонической атмосферѣ *).

Орденъ служенія Теософическаго Общества обогатился еще одной лигой, недавно возникшей во Франціи: Международной Лигой Единства, имѣющей цѣлью культивировать и поддерживать среди теософовъ тотъ духъ единства, который естественно вытекаетъ изъ духовности. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой лигѣ можно получить у иниціатора дѣла M-lle A. Blech (Paris, 21, avenue Montaigne).

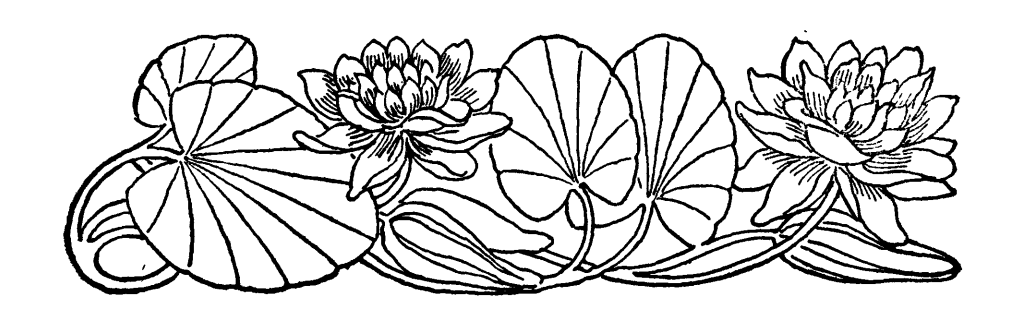
. . . .

1 октября, по русскому стилю 17 сентября, день рожденія Президента Теософическаго Общества, Анни Безантъ. Въ этотъ день ей исполнится 62 года. Интересно, что это тотъ день, въ который Православная Церковь празднуетъ Вѣру, Надежду, Любовь и Софію.

Alba.

*) Развитію Теософическаго движенія въ Великобританіи мы посвятимъ въ скоромъ времени нѣсколько отдѣльныхъ очерковъ.

Хроника жизни.

═ Въ С.-Петербургѣ образовалось новое религіозное Общество: „Союзъ братской помощи". Организаторъ этого Союза г. Гладковъ, авторъ „Толкованія Евангелія". Цѣль Общества: борьба съ матеріализмомъ. Для достиженія этой цѣли Союзъ будетъ устраивать лекціи, чтенія и бесѣды. Въ дѣятельности Общества принимаютъ участіе нѣкоторые священники.

═ За послѣднее время оживленіе интереса въ сферѣ религіозныхъ вопросовъ очень ярко проявляется въ русской жизни не только образованіемъ разнообразныхъ духовныхъ союзовъ, но и появленіемъ въ обществѣ вдохновенныхъ проповѣдниковъ на религіозныя темы. Въ этомъ описаніи особенно интересно отмѣтить дѣятельность, такъ-называемыхъ, „братцевъ" изъ народа, собирающихъ по праздникамъ вокругъ себя многочисленную аудиторію смѣшаннаго состава, но по преимуществу изъ простонародья. Собравшіеся поютъ молитвы, а „братецъ" читаетъ и толкуетъ Евангеліе. Настроеніе собранія вдумчивое и торжественное. „Братецъ" имѣетъ большое вліяніе на свою паству и многихъ спасалъ отъ пьянства и разврата. Такихъ „братцевъ" намъ пришлось въ теченіе зимы встрѣтить три раза въ разныхъ частяхъ Петербурга. Несомнѣнно, что и въ другихъ мѣстностяхъ есть подобнаго рода явленія.

„Братецъ" въ большинствѣ случаевъ представляетъ собой благородный типъ крестьянина, нѣсколько строгаго раскольничьяго вида, съ проникновеннымъ взоромъ и простой, искренней, пла-

менной рѣчью. Вліяніе, оказываемое имъ, на окружающихъ громадное и отзывается прежде всего на смягченіи нравовъ и на стремленіи къ болѣе одухотворенной жизни. Какъ теософамъ, намъ нельзя не привѣтствовать такое свѣтлое явленіе.

═ Въ „Кіевскихъ Вѣстяхъ“ вышелъ отчетъ или лучше сказать рядъ очерковъ, дающій нѣкоторое представленіе о недавно бывшемъ въ Будапештѣ международномъ Теософическомъ Конгрессѣ. Въ трехъ послѣдовательныхъ статьяхъ авторъ, Е. Кузьминъ, даетъ представленіе о ходѣ собраній и о тѣхъ большихъ силахъ, которыя участвовали въ интернаціональномъ съѣздѣ.

Alba.

ИЗРѢЧЕНІЯ МУДРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Человѣкъ увеличиваетъ свое счастье въ той мѣрѣ, въ которой доставляетъ его другимъ.

Бентамъ.

Злой человѣкъ вредитъ самому себѣ прежде, чѣмъ повредитъ другимъ.

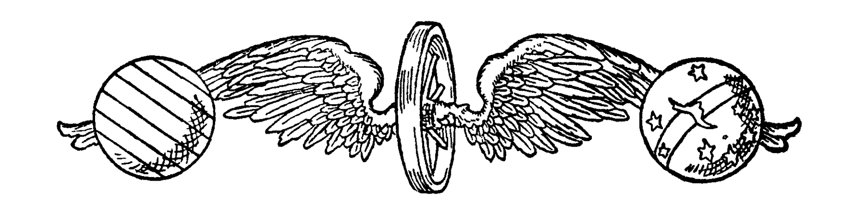
Св. Августинъ.

Лучшій способъ отомстить обидчику, это—не поступать по его примѣру.

Маркъ Аврелій.

Самые мудрые учителя тѣ, которые меньше всего спорятъ.

Д. Рёскинъ.

Обзоръ Теософической литературы.

„Theosophist“ самый старый теософическій органъ, такъ какъ въ настоящее время онъ соединяетъ въ себѣ и Lucifer'a, основанный Е. П. Блаватской и журналъ Г. Олькотт'а. Въ этомъ году онъ еще увеличился, обогатился новыми отдѣлами и иллюстраціями. Всѣ вопросы, касающіеся Теософіи и Теософическаго движенія, здѣсь разрабатываются; даются подробныя свѣдѣнія о послѣднихъ научныхъ открытіяхъ и изысканіяхъ въ области психизма и открывается широкое поле для выраженія теософской мысли всѣхъ оттѣнковъ. Для того, чтобы дать понятіе читателямъ, какъ интересно и разнообразно ведется изданіе этого журнала, издаваемаго Президентомъ, г-жей А. Безантъ, перечисляемъ отдѣлы его:

„На сторожевой башнѣ“, ведется самимъ редакторомъ; этотъ отдѣлъ даетъ послѣднія теософическія новости, свѣдѣнія о передвиженіи Президента Теософическаго Общества и рядъ общеинтересныхъ замѣтокъ.

„Таинственныя племена“ Радда-Бай (Е. П. Б.) въ первый разъ на англійскомъ языкѣ. Описаніе знаменитыхъ племенъ Нилгирскихъ горъ.

„Братство, сравнительное изученіе религіи, философіи, науки и оккультизма“. Въ этомъ отдѣлѣ самыя разнообразныя и цѣнныя статьи извѣстныхъ теософическихъ писателей.

„Наука мира“, серія работъ А. Безантъ.

„Оккультный отдѣлъ“, который ведется г. Ч. Ледбитер'омъ.

„Въ сумеркахъ“. Въ этомъ отдѣлѣ сообщаются интересныя оккультныя переживанія нѣкоторыхъ теософовъ.

„Теософическіе дѣятели“. Въ этомъ отдѣлѣ дается рядъ краткихъ біографій выдающихся лидеровъ движенія съ ихъ фотографіями.

„Вокругъ дерева въ деревнѣ". Это отдѣлъ легендъ и миѳовъ, собранныхъ г-жей А. Безантъ и М. Гигинсъ.

„Теософія во многихъ странахъ" сообщаетъ о развитіи теософическаго движенія.

Ежемѣсячно прилагаются иллюстраціи Индусскаго Искусства.

„Замѣтки" на научныя. литературныя и религіозныя темы.

„Обозрѣніе книгъ" съ указаніемъ интересныхъ для теософовъ новинокъ.

„Обзоръ періодической литературы". .

Не смотря на то, что журналъ вмѣсто 96 даетъ теперь ежемѣсячно 130 страницъ, цѣна его не измѣнилась. Она по прежнему 12 шиллинговъ, т. е. 6 руб. въ годъ. Теософамъ, желающимъ быть въ близкомъ соприкосновеніи съ движеніемъ, совершенно необходимо выписывать этотъ интересный и богатый журналъ. Каждый серьезный теософическій кружокъ долженъ бы былъ имѣть его въ своей библіотекѣ.

За іюнь и іюль въ „Theosophist'ѣ" много интересныхъ статей и очерковъ.

Въ біографическомъ отдѣлѣ мы находимъ очеркъ жизни двухъ выдающихся дѣятелей-теософовъ: Вильяма Джэджа, блестящаго организатора первой теософской секціи въ Америкѣ и Алфреда Синетта, піонера движенія въ Англіи, извѣстнаго автора „Эзотерическаго будхизма" *).

„Таинственныя племена и голубыя горы", Радда-Бая хорошо извѣстны русскому читателю, какъ очерки, вышедшіе изъ подъ талантливаго пера Е. П. Блаватской, автора знаменитой книги: „Изъ дебрей Индостана". Наша геніальная соотечественница любила въ минуты досуга, въ видѣ отдыха отъ напряженной своей философско-общественной дѣятельности, знакомить русскую публику съ чудесами Индіи.

Въ статьѣ: „Богупреданность" (Devotion), Э. Северсъ даетъ такое опредѣленіе:

„Основная нота проявленія есть раздѣльность. Основная нота Божества—единство. И потому, когда человѣкъ начинаетъ тосковать по освобожденію, mukti, спасенію,—все равно какъ это назвать,—то онъ непремѣнно, сознательно или безсознательно, стремится къ единству". Далѣе авторъ говоритъ: „животный чело-

---

*) Мы намѣренно пишемъ „будхизмъ" черезъ одно *д*, такъ какъ книга г. Синетта имѣетъ, предметомъ, не религіозную философію Гаутамы Буддхы, а сокровенную мудрость, отъ корня санскритскаго budh, budhi, вѣдать, духовное вѣдѣніе.

вѣкъ замѣняется человѣкомъ человѣчнымъ, а человѣчный человѣкъ долженъ развиться въ божественнаго человѣка. Цѣль же и конецъ духовной эволюціи человѣка заключается въ сознательномъ сліяніи съ Божественнымъ, сліяніи, въ которомъ навсегда теряется чувство раздѣльности, но индивидуальность сохраняется". Къ этому сліянію ведетъ богупреданность, пламенная любовь мистика.

Статья „Польза сенситивности" указываетъ на тѣ преимущества, которыя даетъ развивающаяся сенситивность, дѣлая человѣка болѣе воспріимчивымъ къ тонкимъ и высокимъ вибраціямъ. Обыкновенно обращаютъ вниманіе прежде всего на новую остроту ощущеній, на боль и страданіе, вызываемыхъ рѣзкими звуками и вибраціями и упускаютъ другую, положительную сторону развивающейся сенситивности. Такъ разсказываютъ, что Моцартъ, будучи ребенкомъ, заболѣвалъ отъ звуковъ уличной музыки. Контрастъ между гармоніями, которыя уже тогда слышалъ его геній и этими грубыми звуками былъ почти невыносимъ для его тонкихъ нервовъ. То, что вѣрно въ области музыкальныхъ впечатлѣній не менѣе вѣрно и въ области умственной и нравственной жизни; та же острая боль вызывается контрастомъ идеала съ дѣйствительностью. Можно сказать, что человѣкъ сенситивный живетъ все болѣе и болѣе на высшихъ планахъ; вибраціи же низшихъ плановъ врываются въ его переживанія и вызываютъ страданія. Все это совершенно вѣрно, но вѣрно также, что не будь этого страданія, т. е. этой сенситивности у человѣка, не было бы и тѣхъ дивныхъ звуковъ, которые родятъ вдохновеніе и блаженство. Авторъ такъ заканчиваетъ свою статью:

„Такимъ образомъ страданія впечатлительной натуры, если онѣ мужественно вынесены во имя того, что черезъ это страданіе рождается (не забудемъ, что сенситивность есть *необходимое* условіе религіозной жизни) можетъ такимъ образомъ быть преображено въ способность отвѣчать на импульсы вѣчные, въ лучезарную сообщающуюся радость освобожденной души, въ ту величайшую силу человѣческаго сердца, которая обладаетъ магической способностью поднимать и преображать опечаленныя жизни людей".

Статья Ананда Меттея „Распространеніе царства праведности на Западѣ" говоритъ о тревожномъ духѣ исканія и критицизма, о лихорадкѣ конкуренціи, о погонѣ за земными благами, которыя характеризуютъ Западно-Европейскій міръ. „Западный человѣкъ завоевалъ землю, огонь, воду и вѣтеръ, говоритъ авторъ; но онъ не завоевалъ себя и потому онъ все еще рабъ борьбы, страха и

вражды. Все завоевалъ Западъ, кромѣ себя: себя онъ не побѣдилъ и въ этомъ его трагедія". Авторъ указываетъ на Востокъ, гдѣ сохранился идеалъ истинной духовной жизни и зоветъ въ чистомъ источникѣ его непрерывающейся религіозной традиціи почерпнуть ту силу, которая нужна Западному человѣку для его обновленія и воскресенія.

Съ точки зрѣнія Теософіи все важно и все нужно: и святой, тревожный духъ дѣятельности Запада и глубоко религіозное созерцательное настроеніе Востока. Все это должно соединиться, чтобы двинуть человѣческую эволюцію и поднять человѣка на слѣдующую ступень. Къ этому синтезу и ведетъ Теософія.

— Рядъ статей А. Безантъ „Наука мира" посвященъ разработкѣ интересной книги Б. Дас'а: „Наука мира".

І. ванъ Маненъ въ „Эзотеризмѣ буддхизма" дѣлаетъ рядъ интересныхъ ссылокъ на священную литературу буддхистовъ, указывающихъ на несомнѣнное существованіе эзотеризма въ этой великой религіи Востока.

Въ статьѣ „Объ откровеніяхъ", А. Безантъ и Ч. Ледбитеръ даютъ поясненія къ своей предыдущей совмѣстной работѣ „Оккультная Химія" и нѣкоторыя дополненія на основаніи новыхъ своихъ изслѣдованій. Эту статью мы вскорѣ приведемъ болѣе подробно.

Въ статьѣ „Дѣйствіе алкоголя на человѣческій организмъ" г. Л. Тайлеръ даетъ прежде всего библіографію вопроса, и затѣмъ указываетъ на то, что разрушительное дѣйствіе алкоголя обыкновенно не понимается во всей его полнотѣ; разсматриваются лишь послѣдствія, такъ называемаго, „злоупотребленія" имъ, между тѣмъ явленія медленнаго отравленія гораздо болѣе важны.

Статья „Братство XVIII вѣка", К. Кэстъ разбираетъ произведеніе Гете: „Ученичество и скитанія Вильгельма Мейстера". Авторъ приходитъ къ заключенію, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ посвященнымъ и что Гете описываетъ переживанія посвященнаго массона или розенкрейцера.

Переведенъ недавно бывшій у насъ разсказъ А. Блекъ: „Испытаніе".

Ж. Магажани даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ Индусскомъ подвижникѣ Тукарамъ, ученіе котораго такъ популярно въ народѣ, не смотря на то, что этотъ святой стоитъ совершенно особнякомъ и какъ бы внѣ религіи офиціальной. Къ біографическому очерку прибавлены нѣкоторыя его поученія.

Объ „Оккультной Химіи“ пишутъ г. Ледбитеръ, г. Жинараджаза и I. ванъ-Маненъ.

Чрезвычайно интересна статья Ч. Ледбитера: „Вліяніе среды“ (sunoundnys), въ которой авторъ производитъ тонкій психологическій анализъ климатическихъ, соціальныхъ, физическихъ и духовныхъ условій, окружающихъ человѣка. Авторъ придаетъ большое значеніе путешествіямъ, какъ отдыху и обновленію; астральная и эфирная атмосфера каждой страны имѣетъ свои особенности. Очень важно вліяніе нетронутой природы, горъ, водопадовъ, лѣсовъ, непрерывно манирующихъ жизненную силу, но для успѣшнаго воздѣйствія нужна полнѣйшая открытость настроенія, свобода отъ угнетенія работами и печалью. Самое могущественное вліяніе на насъ оказываетъ аура духовнаго человѣка. На Востокѣ это понимаютъ и потому считаютъ, что самую большую помощь, которую можетъ оказать духовный руководитель, своему ученику—это держать его около себя, въ своей аурѣ. Высшія вибраціи вызываютъ отвѣтныя и гармонизируютъ всѣ тѣла ученика (чела).

Э. Северсъ начинаетъ повѣсть: „Домъ странной работы“, въ которой въ поэтической формѣ описываетъ работу Учителей, какъ это ей представляется въ ея мечтахъ.

Въ отдѣлѣ „Вокругъ деревенскаго дерева“ двѣ красивыя легенды Индостана.

Revue Théosophique (Le lotus bleu) даетъ очеркъ А. Безантъ, посвященный Е. П. Блаватской, конецъ статьи Ч. Ледбитера „Духи природы“ и переводъ статьи Alba: „Энтузіазмъ и Фанатизмъ“ *), г. Курмъ даетъ біографію д-ра Паскаля.

Въ приложеніи, кромѣ „Тайной Доктрины“ (Е. П. Блаватской), идетъ также продолженіе перевода „Пѣсни Господней“, Бхагаватъ—Гиты, съ новѣйшаго англійскаго текста (дословный переводъ съ санскритскаго) А. Безантъ и Ts. Dac'a.

А. Блекъ даетъ отчетъ о международномъ теософическомъ конгрессѣ въ Будапештѣ.

Въ іюльскомъ № выдается статья А. Безантъ: „Жизнь теософа“. Съ свойственнымъ ему пламеннымъ краснорѣчіемъ, авторъ указываетъ на значеніе проповѣди самой жизни. Никакія слова не производятъ такого яркаго впечатлѣнія, какъ одухотворенная личность творящаго: жизнь лучшая проповѣдница. Создавъ это, теософъ пойметъ и ту глубокую отвѣтственность, которую онъ

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“, Январь 1900 г.

несетъ передъ Теософіей, и все значеніе производимаго имъ впечатлѣнія на окружающихъ.

„Annales Théosophiques" даетъ три статьи: „Синтезъ Востока и Запада", А. Жупе; „Основныя идеи Теософіи", Ж. Шевріе; „Очеркъ о буддхизмѣ", Ф. Набоннандъ".

Этотъ № посвященъ сближенію религіозныхъ идей Востока съ міровоззрѣніемъ Запада.

„Bulletin Théosophique" (organe de la S. T. en France) даетъ свѣдѣнія о путешествіи президента, о праздновaніи дня Бѣлаго Лотоса и перечень, готовящихся къ печати, новыхъ теософическихъ книгъ на французскомъ языкѣ. Это: „Оккультная химія", А. Безантъ, и Ледбитера „Въ сумеркахъ", А. Безантъ, „Изъ жизни Е. П. Блаватской", А. Синетт'а, „Еще о кармѣ", А. Безантъ, „Теософія", д-ра Штейнера.

Въ концѣ № маленькій научный отдѣлъ.

Органъ Т. О-ва въ Великобританіи, Vâhan, расширился и нѣсколько видоизмѣнился. Онъ даетъ самыя подробныя свѣдѣнія о дѣятельности о-ва, и въ то же время удѣляетъ мѣсто для обмѣна по интересующимъ теософовъ вопросамъ. Подъ редакторствомъ талантливаго и преданнаго генеральнаго секретаря Великобританіи г-жи М. Шарпъ, Vâhan, несомнѣнно дѣлается все болѣе и болѣе интереснымъ органомъ.

„Adyar—Bulletin" полонъ интересныхъ статей и очерковъ.

Д-ръ В. Энглитъ даетъ рядъ полезныхъ совѣтовъ для здоровья и указываетъ на необходимость бережнаго отношенія къ нашему физическому тѣлу.

Г. Н. Аяръ даетъ краткій, но очень содержательный очеркъ о брахманскомъ эзотеризмѣ.

Г. Ч. Ледбитеръ указываетъ на глубокое значеніе Теософическаго движенія.

Изъ-подъ пера нашей соотечественницы, Н. Гернетъ, вышло два очерка: „Въ Джиннистанѣ" и „Дочери Европы".

„Путь Любви",—оригинальный и изящный разсказъ Е. Северсъ.

„Наброски изъ Адіара", Читра, даютъ живую картину Индусскихъ нравовъ. Они сопровождаются прелестными иллюстраціями.

Очень интересна статья Ч. Ледбитера: „Аскетизмъ", въ которой авторъ указываетъ на ошибочное воззрѣніе на тѣло, какъ на врага и помѣху, и высказывается противъ вѣскихъ аскетическихъ крайностей. Онъ совѣтуетъ тѣмъ теософамъ, которые склонны къ аскетизму, вдуматься въ стихъ Bhagavat Gita: „Душев-

ное счастье есть первый признакъ истиннаго аскетизма". Нашъ долгъ—быть счастливыми; печаль и угнетенность суть слабость, онѣ говорятъ объ эгоизмѣ; человѣкъ, мысленно останавливающійся на своихъ испытаніяхъ, забываетъ о своихъ обязанностяхъ къ ближнимъ. Онъ дѣлается центромъ заразы для окружающихъ, такъ какъ распространяетъ мракъ, а не свѣтъ. Быть счастливымъ во имя другихъ есть истиный аскетизмъ подвижника.

Въ этомъ журналѣ можно почерпнуть самыя подробныя свѣдѣнія о теософическомъ движеніи во всѣхъ странахъ свѣта.

Нѣмецкій журналъ, „Isis", даетъ три вещи:

„Необходимость перевоплощенія", А. Безантъ*), Ея-же: „Тайну Эволюціи" и статью г-жи Скипъ Элліотъ: „Законъ жертвы".

Въ статьѣ „Тайна Эволюціи" прекрасно сопоставлены процессъ развитія формы и процессъ эволюціи, т. е. постепеннаго раскрытія духа.

Въ статьѣ „Законъ жертвы", авторъ разсматриваетъ жертву, какъ законъ самой жизни, и доказываеть свое положеніе исторически и научно.

„Bolletino della Sezione Italiana" даетъ туже статью, что и Lotus bleu".

„Жизнь теософа", А. Безантъ. Одинъ очеркъ посвященъ Іоаннѣ д'Аркъ. Переведена статья Ч. Ледбитера: „Что такое Теософическое О-во". Дается также краткій отчетъ о Теософическомъ конгрессѣ въ Будапештѣ.

Другой итальянскій журналъ, „Ultra", даетъ статью А. Агабити: „Халдейскій оккультизмъ", статью Л. Мерлини о Спинозѣ, біографическій очеркъ Анни Кингсфордъ, обозрѣніе спиритуалистической литературы и статью Ж. Буонамичи: Теософія и Схоластика, въ которой авторъ зоветъ къ изученію Востока съ цѣлью углубленія въ міровоззрѣніе Запада.

„Messenger" іюнь и іюль американскаго журнала „The Theosophical Messenger", интересные очерки по архитектурѣ К. Брагдон'а, съ многочисленными рисунками и чертежами; авторъ доказываетъ, что архитектура, какъ и другія исскуства, есть отраженіе въ матеріи законовъ гармоніи и красоты, управляющихъ жизнью вселенной. Статья называется: „Теософія и архитектура".

Статья А. Безантъ: „Вліяніе идеала на поведеніе" указываетъ важность высокаго, вдохновляющаго идеала въ жизни человѣка, который стремится къ духовности. Нельзя строить безъ строи-

---

*) Смотри сборникъ „Вопросы Теософіи", вып. I.

тельнаго матеріала; нельзя осуществлять идеалы, не проникнувшись имъ.

Статья М. Адамсъ посвящена мусульманскому эзотеризму. Авторъ разбираетъ извѣстную книгу Суфи: „Desatir“.

Японская и Индусская легенды являются изящными цвѣтками среди стольких научныхъ и философскихъ очерковъ.

Въ журналѣ разсыпаны красивыя и глубокія изреченія. Приводимъ два изъ нихъ:

„Драгоцѣнный алмазъ пропускаетъ черезъ себя свѣтъ, но самъ поглощаетъ его немного“.

„Свойство глубокаго ума всегда быть сосредоточеннымъ на красотѣ“.

Отдѣлъ психическихъ изслѣдованій всегда даетъ новыя и интересныя свѣдѣнія.

„Hindu College Magazine“ посвящаетъ рядъ статей національному нндусскому искусству и движенію, извѣстному подъ названіемъ „Svadeshi“.

Г. Ж. Арундель даетъ свѣдѣнія о дѣятельности Hindu College въ Бенаресѣ.

Т. Меера заканчиваетъ свой очеркъ, посвященный великому драматургу Индіи, Калидасу. Онъ его сопоставляетъ съ другимъ знаменитымъ поэтомъ Индіи Bhavabhûti.

Статья А. Вильсонъ ратуетъ за вдумчивое изученіе національной литературы и національной поэзіи.

А. К. Коомарасвами, въ замѣткѣ объ индуизмѣ, указываетъ на невѣрное представленіе у европейцевъ о настроеніи этой великой религіи Востока. Мистическое христіанство въ своихъ лучшихъ представителяхъ есть чистѣйшій Индуизмъ.

Лѣтніе №№ „Hindu College Magazine“ иллюстрированы снимками изображенія Буддхы, погруженнаго въ медитацію, и Шивы, въ движеніи творящаго міры. Пластичность Бога Творца, необычайная грація движенія и схваченный на лету ритмъ исполнены гармоніи и придаютъ большую красоту рисунку.

Съ этого года въ Индіи выходитъ новый теософическій журналъ для юношества: „She sons of India“ (Сыны Индіи), посвященный разработкѣ задачъ союза: „Сыны и дочери Индіи“. Въ послѣднемъ № есть призывъ къ образованной молодежи, чтобы она пришла на помощь народу и занялась просвѣтительной дѣятельностью въ селахъ и деревняхъ. Мотто союза: „Я служу“ и каждый его членъ стремится отдать свои силы на служеніе ро-

динѣ. Одно изъ правилъ союза не пропускать ни одного дня, не исполнивъ какой-нибудь актъ любви и милосердія*).

„Theosophy in Australasia“ даютъ лекцію г-жи А. Безантъ „Признаки завершающагося вѣка“, въ которой указывается на то, что во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, въ наукѣ, искусствѣ, соціологіи чувствуется какой то предѣлъ, завершеніе стараго и исканіе новаго. Особенно сильно этотъ кризисъ въ религіи.

Очевидно человѣчество стоитъ на порогѣ великихъ событій.

Интересна замѣтка объ Исламѣ, въ которой выражается надежда на возрожденіе въ скоромъ будущемъ магометанской религіи. Авторъ видитъ причину наблюдавшагося декаданса Ислама въ экзотерическомъ толкованіи откровенія; повидимому въ настоящее время есть попытка болѣе глубокаго проникновенія въ религію Пророка. Если духъ живой побѣдитъ мертвящую букву, то Исламъ сыграетъ еще славную роль въ исторіи человѣчества.

Въ лѣтнихъ №№ Австралійскаго Теософическаго органа дается подробный отчетъ о теософическомъ съѣздѣ въ Сидней и о дѣятельности Общества въ Австраліи.

Въ каждомъ № есть научныя замѣтки, отдѣлъ: „Вопросы и Отвѣты“ и обозрѣніе теософической литературы.

„Lotus Journal“ даетъ статью Ч. Ледбитера: „One pointedness“, что трудно перевести на другой языкъ и что означаетъ глубокое вниманіе, направленное на одну важную цѣль.

Статья Э. Северсъ: „Дружба“ полна тонкихъ и глубокихъ мыслей.

Географическій очеркъ Лонгфеллоу написанъ живо и интересно

Э. Кадмтъ даетъ прелестную сказку: „Притча о розовомъ деревѣ“.

„Гитра“ даетъ очеркъ жизни въ Адіарѣ.

Одинъ Зоологическій очеркъ посвященъ лисѣ и ея быту. Авторъ горячо высказывается противъ истребленія лисицъ.

Въ отдѣлѣ „Милосердіе къ животнымъ“ идетъ художественный разсказъ, посвященный замученной кошкѣ.

В. Ванъ Гукъ даетъ символическую сказку „Лѣсъ безкорыстія“.

Этотъ маленькій дѣтскій журналъ весь проникнутъ теплой задушевностью.

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ союзѣ даны въ „Вѣстникѣ Теософіи“ въ № апрѣльскомъ.

Въ іюнѣ вышелъ первый № библіографическаго теософическаго журнала T. P. L. Book Notes, издаваемый г-жей Э. Вардъ. Этотъ журналъ будетъ держать теософовъ au courant всего, что дѣлается въ книжномъ мірѣ, обозрѣвать книги и журналы, указывать на интересныя новинки и предупреждать о выходѣ въ свѣтъ сочиненій на религіозно-философскія темы.

„Теософская Жизнь“ (апрѣль—май) даетъ интересную статью Потѣхина: „Печальныя цифры“, въ которой собраны нѣкоторыя интересныя данныя относительно милитаризма въ Европѣ и Америкѣ. Расходъ на содержаніе арміи поглощаетъ большую часть государственныхъ доходовъ, такъ что на долю народнаго просвѣщенія остается сравнительно ничтожный процентъ. Это зло наблюдается всюду въ современныхъ культурныхъ государствахъ, но нигдѣ такъ тяжко не ложится на населеніе „мирное вооруженіе“, какъ въ Россіи. Краснорѣчиво говоритъ статистика: Россія ежегодно расходуетъ на армію 475 милл. руб. (смѣта военно-морского вѣдомства на 1908 г.). Такимъ образомъ почти ничего не остается на дѣло народнаго образованія.

Въ Соединенныхъ Штатахъ на 1 жителя ежегодно расходуется на образованіе	4 р. 86 к.
„ Германіи	3 „ 43 „
„ Англіи	2 „ 26 „
„ Франціи	1 „ 61 „
„ Россіи	— „ 48 „

Авторъ оканчиваетъ свою статью горячимъ призывомъ къ духовности, требующей, чтобы на первомъ планѣ были духовные интересы народа и осуществленіе въ жизни началъ добра и братства, а не забота объ усовершенствованныхъ способахъ разрушенія и самоистребленія.

Статья Н. Захарова „Тайны небесныя“ посвящена Э. Сведенборгу. Интересна глава: „Небо и адъ состоятъ изъ рода человѣческаго“, а также страница, посвященная язычникамъ (глава о посмертныхъ состояніяхъ).

„Въ мірѣ христіанскомъ, пишетъ Сведенборгъ, вообще думаютъ, что язычники не будутъ приняты на небо, потому что, какъ говорятъ, они не познали Христа, ни Св. Писанія, а внѣ церкви христіанской, полагаютъ они, нѣтъ спасенія. Но да будетъ извѣстно христіанамъ, что Богъ есть Богъ и Отецъ всѣхъ людей, что Его милосердіе простирается на всѣхъ“... Дальше онъ говоритъ: „Небо находится внутри человѣка“. Человѣкъ духовной

жизни уже живетъ на небѣ, а разъ онъ уже здѣсь живетъ въ раю, то за гробомъ будетъ непремѣнно „на небѣ“. Слѣдовательно, язычникъ чистой жизни будетъ также неминуемо въ раю, какъ и праведный христіанинъ; плохой христіанинъ не знаетъ неба „здѣсь“ и не испытаетъ его „тамъ“.

Продолжается статья д-ра Р. Штейнера: „Какъ достигается познаніе высшихъ міровъ“ (пер. А. Борніо).

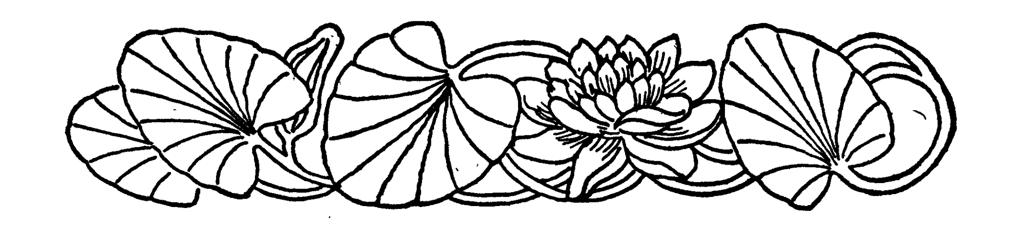
Н. Рышковскій дѣлаетъ попытку анализа особыхъ состояній сознанія во снѣ, въ трансѣ, подъ вліяніемъ вдохновенія и т. д (статья: „Индивидуализмъ и безсмертіе“).

В. И. Ш. выступаетъ противъ семиричнаго дѣленія организаціи человѣка и ратуетъ за болѣе простое, тройственное дѣленіе, которое мы встрѣчаемъ уже въ Библіи. Авторъ повидимому не подозрѣваетъ, что тройственное дѣленіе при болѣе тонкомъ анализѣ переходитъ въ семиричное и что семиричное легко свести къ тремъ основнымъ началамъ человѣческой организаціи. Все, что принадлежитъ къ области духа, не разрушается и не пропадаетъ; разрушается лишь тлѣнное и преходящее, то, что принадлежитъ не духу, а стихіямъ.

Жаль, что въ „Теософской жизни“ такъ упорно Теософія дѣлится на „христіанскую“ и на „иную—буддійскую“, при чемъ эти два воззрѣнія все время противупоставляются. Задача Теософіи въ синтезѣ, въ объединеніи и сліяніи, а не въ воинствующемъ противупоставленіи. Теософія насъ учитъ углубляться въ корень вопроса и видѣть за видимыми различіями основное тождество религіозныхъ ученій. Въ этомъ ея миссія.

Alba.

Научный отдѣлъ.

Четвертое измѣреніе.

(Опытъ изслѣдованія области неизмѣримаго).

*(Продолженіе *).*

Глава VI.

Методъ Фехнера и Хинтона. Отношеніе міра двухъ измѣреній къ міру трехъ измѣреній Выясненіе свойствъ четвертаго измѣренія и отношенія, въ которомъ стоитъ къ нему міръ трехъ измѣреній. Воображаемая вселенная на плоскости. Представленіе плоскаго существа о мірѣ и о самомъ себѣ. Плоское существо, какъ воображаемая фигура въ умѣ существа трехъ измѣреній. Чѣмъ должно обладать плоское существо, чтобы быть реальнымъ? Вселенная плоскаго существа. Все на одной плоскости. Непостижимая область третьяго измѣренія. Необъяснимое и неизмѣримое на плоскости. Движеніе пары колесъ на оси и дѣйствіе рычага, какъ явленія «сверхфизическія». Недостижимость центра круга. Міръ трехъ измѣреній, какъ параллельная плоскость. Горный ландшафтъ, какъ плоская фотографія.

Хинтонъ представляетъ себѣ, такъ же какъ и Н. А. Морозовъ, міръ двухъ измѣреній и, изъ отношеній этого міра къ міру трехъ измѣреній, пытается вывести отношенія міра трехъ измѣреній къ міру четырехъ измѣреній. Это методъ Фехнера. Во всѣхъ условіяхъ жизни существа двухъ измѣреній, главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ третьему измѣренію, можно найти аналогію съ нашимъ отношеніемъ къ чему то существующему. Это *что-то существующее* Хинтонъ относитъ къ области четвертаго измѣренія и разбирая отношенія двумѣрнаго существа къ третьему измѣренію, онъ пытается опредѣлить наше отношеніе къ четвертому измѣренію и нѣкоторыя свойства этого измѣренія.

---

*) „Вѣстникъ Теософіи“ 1909 г., № 7—8.

Слѣдуя тому же методу, представимъ себѣ міръ плоскихъ существъ, имѣющихъ только два измѣренія, длину и ширину, и населяющихъ плоскую поверхность.

Эту поверхность, какъ это дѣлаетъ Хинтонъ, для удобства дальнѣйшихъ, разсужденій, представимъ себѣ не горизонтальной, а вертикальной. На этой вертикальной плоскости представимъ себѣ живыя существа, имѣющія видъ геометрическихъ фигуръ, и могущія двигаться по двумъ направленіямъ.

Начиная разсматривать условія жизни плоскихъ существъ, мы сразу сталкиваемся съ однимъ интереснымъ обстоятельствомъ.

Эти существа не могутъ имѣть реальнаго бытія, обладая только двумя измѣреніями. Они, непремѣнно, должны имѣть хотя бы самое маленькое третье измѣреніе. Иначе они будутъ только воображаемыми фигурами, существующими только въ чьемъ-то умѣ, не существующими реально.

И Хинтонъ даетъ имъ маленькое третье измѣреніе — толщину одного атома.

Двигаться эти существа будутъ въ состояніи только по двумъ направленіямъ, на своей плоскости. Подняться надъ плоскостью, или отойти отъ нея, они будутъ не въ состояніи. Точно такъ же они не будутъ въ состояніи видѣть, или ощущать, что-либо, лежащее внѣ ихъ плоскости. Если одно изъ этихъ существъ поднимется надъ плоскостью, то оно совершенно уйдетъ изъ міра другихъ, ему подобныхъ существъ, скроется, исчезнетъ *неизвѣстно куда.*

Если мы предположимъ, что органы зрѣнія этихъ существъ находятся на ихъ ребрѣ, на сторонѣ имѣющей толщину одного атома, на ограничивающей ихъ линіи, то міра, лежащаго внѣ ихъ плоскости, они совсѣмъ видѣть не будутъ. Они будутъ видѣть однѣ линіи, лежащія на ихъ плоскости. Другъ друга они будутъ видѣть не такими, какія они есть на самомъ дѣлѣ, т. е. не въ видѣ геометрическихъ фигуръ, а только въ видѣ линій, точно такъ же въ видѣ линій будутъ имъ представляться всѣ ихъ предметы.

Центръ круга будетъ для нихъ совершенно недоступенъ. Видѣть его они не будутъ въ состояніи. Чтобы достигнуть центра круга, существу двухъ измѣреній придется прорѣзывать, или прокапывать себѣ путь въ массѣ плоской фигуры, имѣющей толщину одного атома. Этотъ процессъ прокапыванія будетъ представляться ему измѣненіемъ линіи окружности.

Если къ его плоскости приложить кубъ, то этотъ кубъ будетъ представляться ему въ видѣ четырехъ линій, ограничиваю-

щихъ квадратъ, соприкасающійся съ его плоскостью. Изъ всего куба для него будетъ существовать одинъ этотъ квадратъ. Остального куба, онъ не будетъ въ состояніи, даже, себѣ представить. *Кубъ* не будетъ для него существовать.

Если съ его плоскостью будетъ соприкасаться много тѣлъ, то въ каждомъ изъ нихъ для плоскаго существа будетъ существовать только одна, соприкасающаяся съ его плоскостью, плоскость. Эта плоскость будетъ казаться ему предметомъ его собственнаго міра.

Если черезъ его пространство, т. е. сквозь его плоскость пройдетъ разноцвѣтный кубъ, то прохожденіе куба будетъ предпредставляться ему, какъ постепенное измѣненіе цвѣта линій, ограничивающихъ, лежащій на поверхности, квадратъ.

Если мы предположимъ, что плоское существо получило способность видѣть своей плоской стороной, обращенной къ нашему міру, то легко представить себѣ какое неправильное представленіе о нашемъ мірѣ оно получитъ.

Вся вселенная представляется ему въ видѣ плоскости. Очень можетъ быть, что эту плоскость оно называетъ *эфиромъ*. Слѣдовательно всѣ явленія, происходящія внѣ плоскости, оно будетъ, или отрицать совершенно, или считать происходящими на его плоскости, въ его эфирѣ. Не будучи въ состояніи объяснить на своей плоскости наблюдаемыя имъ явленія, оно можетъ назвать ихъ чудесными, лежащими выше его пониманія, внѣ пространства, *въ третьемъ измѣреніи.*

Замѣтивъ, что необъяснимыя явленія происходятъ въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстной зависимости другъ отъ друга, а такъ же вѣроятно въ зависимости отъ какихъ-нибудь законовъ,—плоское существо перестанетъ считать ихъ чудесными и начнетъ дѣлать попытки объяснить ихъ при помощи болѣе или менѣе сложныхъ гипотезъ.

Первымъ шагомъ къ правильному пониманію міроздания для плоскаго существа будетъ появленіе у него смутной идеи о другой параллельной плоскости. Тогда, всѣ явленія, которыхъ оно не будетъ въ состояніи объяснить на своей плоскости, оно будетъ представлять себѣ, происходящими на этой, параллельной, плоскости. На этой ступени развитія весь нашъ міръ будетъ казаться ему плоскимъ и параллельнымъ его плоскости. Рельефа и перспективы для него существовать еще не будетъ. Горный пейзажъ будетъ представляться ему, какъ плоская фотографія. Представленіе о мірѣ будетъ, конечно, крайне бѣдно и полно заблу-

жденій. Большое будетъ приниматься за маленькое, маленькое за большое, и все одинаково, и близкое и далекое будетъ казаться одинаково далекимъ и недостижимымъ.

Признавъ, что есть міръ параллельный его плоскому міру, существо двухъ измѣреній скажетъ, что объ истиной природѣ отношеній этихъ двухъ міровъ оно ничего не знаетъ.

Въ параллельномъ мірѣ для существа двухъ измѣреній будетъ много необъяснимаго. Напримѣръ, рычагъ, или пара колесъ на оси. Ихъ дѣйствіе будетъ казаться плоскому существу, все представленіе котораго о законахъ движенія ограничено движеніемъ на плоскости,—совершенно непостижимымъ. Весьма возможно, что это явленіе будетъ считаться сверхъестественнымъ, а потомъ будетъ названо болѣе научно „сверхфизическимъ".

Изучая эти сверхфизическія явленія, плоское существо можетъ натолкнуться на мысль, что въ рычагѣ, или въ колесахъ есть что-то неизмѣримое для него, но тѣмъ не менѣе существующее.

Отсюда уже только одинъ шагъ до *гипотезы третьяго измѣренія*. Эту гипотезу плоское существо будетъ основывать, именно, на необъяснимыхъ фактахъ въ родѣ вращенія колесъ. Оно можетъ спросить себя, не есть ли необъяснимое въ сущности *неизмѣримое?* И затѣмъ постепенно начать выяснять себѣ физическіе законы пространства трехъ измѣреній. Но математическимъ путемъ оно никогда не будетъ въ состояніи доказать существованіе этого третьяго измѣренія, такъ какъ всѣ его геометрическія соображенія будутъ идти только на плоскости, въ двухъ измѣреніяхъ.

Первыя понятія о природѣ третьяго измѣренія оно будетъ въ состояніи получить просто путемъ логическихъ разсужденій и сопоставленій. Именно, какъ уже было сказано, изслѣдуя все необъяснимое, лежащее на той плоской фотографіи, какой для него является нашъ міръ,—плоское существо можетъ придти къ выводу, что многія явленія необъяснимы для него, потому что въ предметахъ, производящихъ эти явленія, можетъ быть что-то неизмѣримое.

Затѣмъ оно можетъ заключить, что реальное тѣло должно чѣмъ-нибудь отличаться отъ воображаемаго. И разъ, допустивъ гипотезу третьяго измѣренія, оно должно будетъ сказать, что реальное тѣло въ отличіе отъ воображаемаго, должно обладать хотя бы очень малымъ третьимъ измѣреніемъ.

Разбирая міръ, какъ представленіе, плоское существо будетъ временами сомнѣваться въ реальности всего окружающаго и въ своей собственной.

Придя къ заключенію, что реальное тѣло двухъ измѣреній существовать не можетъ, что это воображаемая фигура,—плоское существо должно будетъ сказать себѣ, что разъ существуетъ третье измѣреніе, то оно само должно имѣть третье измѣреніе, такъ какъ иначе, обладая только двумя измѣреніями, оно должно быть только *воображаемой* фигурой, существовать *только въ чьемъ-то умѣ.*

Плоское существо будетъ разсуждать такъ:—„Если третье измѣреніе существуетъ, то я, или есть тоже существо трехъ измѣреній, или не существую въ дѣйствительности, а существую только въ чьемъ-то воображеніи".

Размышляя о томъ, почему оно не видитъ своего третьяго измѣренія, плоское существо можетъ остановиться на мысли, что его протяженіе по третьему измѣренію очень мало. Изъ этого оно можетъ сдѣлать выводъ, что для него вопросъ о третьемъ измѣреніи соприкасается съ теоріей безконечно малыхъ величинъ.

Затѣмъ у него можетъ явиться мысль, что оно представляетъ себѣ міръ неправильно, да и видитъ его не такимъ, какой онъ есть на дѣлѣ. Изъ этого могутъ вытекать разсужденія о вещахъ, *какъ онѣ кажутся*, и о вещахъ, *какъ онѣ есть.* И плоское существо можетъ подумать, что въ третьемъ измѣреніи вещи должны являться такими, какія онѣ есть, т. е., что оно должно увидѣть въ нихъ гораздо больше, чѣмъ видѣло до сихъ поръ.

Мы, провѣряя всѣ эти разсужденія съ нашей точки зрѣнія существъ трехъ измѣреній, должны признать, что всѣ заключенія плоскаго существа совершенно правильны и ведутъ его къ правильному міропониманію и къ постиженію, хотя бы сначала и метафизическому, третьяго измѣренія.

Теперь мы можемъ воспользоваться опытомъ плоскаго существа и посмотрѣть, не находимся ли мы *къ чему нибудь* въ такихъ же отношеніяхъ, какъ плоское существо къ третьему измѣренію.

Глава VII.

Несовершенство нашего воспріятія и неправильность нашего представленія о мірѣ. Воображаемое и реальное. Существуемъ мы, или нѣтъ? Человѣкъ, какъ воображаемая фигура въ умѣ существа четырехъ измѣреній. Математическое обоснованіе идеализма. Реальный человѣкъ. Четвертое измѣреніе въ безконечно малыхъ. Достижимость центра шара по четвертому измѣренію. Новый видъ міра изъ четвертаго измѣренія. Возможность видѣть молекулы. Разрѣшеніе въ четвертомъ измѣреніи проблемы о „мірѣ какъ онъ есть", о „вещахъ въ себѣ".

Разбирая физическія условія жизни человѣка, мы находимъ въ нихъ почти полную аналогію съ условіями жизни плоскаго существа, одной своей стороной ощущающаго третье измѣреніе.

Разсмотримъ наше отношеніе къ „необъяснимому".

Сначала человѣкъ считаетъ необъяснимое чудеснымъ и сверхестественнымъ. Постепенно, по мѣрѣ эволюціи знанія, область чудеснаго отодвигается дальше и дальше. Все, въ предѣлахъ сферы, доступной для наблюденій, признается существующимъ по извѣстнымъ законамъ, въ силу извѣстныхъ причинъ. Но причины многихъ явленій остаются скрытыми и наука принуждена ограничиться только классификаціей такихъ необъяснимыхъ явленій.

Изучая свойства и характеръ „необъяснимаго" въ различныхъ областяхъ нашего знанія, въ физикѣ съ химіей, въ біологіи, въ психологіи, мы, какъ уже было сказано, съ большимъ основаніемъ можемъ задать себѣ вопросъ, не является ли эта „необъяснимое" результатомъ существованія чего то „неизмѣримаго" для насъ въ вещахъ, которыя, какъ намъ кажется, мы можемъ вполнѣ измѣрить и особенно въ вещахъ, которыя, какъ намъ кажется, *не имѣютъ никакого измѣренія.*

И мы можемъ подумать,—не есть ли самая необъяснимость результатъ того, что мы разсматриваемъ и пытаемся объяснить въ предѣлахъ трехъ измѣреній—явленія, переходящія въ область высшаго измѣренія. Говоря иначе, не находимся ли мы въ положеніи плоскаго существа, пытающагося объяснить, какъ происходящія на плоскости, явленія, происходящія въ трехмѣрномъ пространствѣ.

Многое говоритъ за вѣрность такого предположенія.

Весьма возможно, что многія изъ необъяснимыхъ явленій, необъяснимы только потому, что мы хотимъ объяснить ихъ на

нашей плоскости, т. е. въ нашемъ трехмѣрномъ пространствѣ, тогда какъ они происходятъ, внѣ нашей плоскости, въ области высшихъ измѣреній.

Остановившись на заключеніи, что насъ окружаетъ міръ неизмѣримаго, мы должны признать, что до сихъ поръ мы имѣли совершенно неправильное представленіе о предметахъ нашего міра.

Мы и раньше знали, что видимъ и представляемъ себѣ вещи не такими, какія онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Теперь мы можемъ сказать болѣе опредѣленно, что не видимъ въ вещахъ ихъ неизмѣримой для насъ части, лежащей въ четвертомъ измѣреніи.

Это послѣднее соображеніе наводитъ насъ на мысль о разницѣ между воображаемымъ и реальнымъ.

Мы видѣли, что плоское существо, придя къ мысли о третьемъ измѣреніи, должно заключить, что разъ есть три измѣренія, то *реальнаго тѣла* двухъ измѣреній быть не можетъ,—это будетъ только воображаемая фигура, разрѣзъ тѣла трехъ измѣреній, или его проекція въ двумѣрномъ пространствѣ.

Допуская существованіе четвертаго измѣренія, мы точно такъ же должны признать, что разъ есть четыре измѣренія, то реальнаго тѣла трехъ измѣреній быть не можетъ. Реальное тѣло должно обладать хотя бы очень малымъ протяженіемъ по четвертому измѣренію, иначе это будетъ только воображаемая фигура, проекція тѣла четырехъ измѣреній въ трехмѣрномъ пространствѣ, подобная „кубу", нарисованному на бумагѣ.

Такимъ образомъ мы должны притти къ заключенію, что можетъ существовать *кубъ трехъ измѣреній* и *кубъ четырехъ измѣреній*. И только кубъ четырехъ измѣреній будетъ дѣйствительно, реально, существующимъ.

Разсматривая человѣка съ этой точки зрѣнія, мы приходимъ къ очень интереснымъ выводамъ.

Если четвертое измѣреніе существуетъ, то возможно одно изъ двухъ.

Или мы сами обладаемъ четвертымъ измѣреніемъ, то есть являемся существами четырехъ измѣреній.

Или обладаемъ только тремя измѣреніями, и въ такомъ случаѣ не существуемъ вовсе. Въ самомъ дѣлѣ, если четвертое измѣреніе существуетъ, а мы имѣемъ только три, то это значитъ, что мы не имѣемъ реальнаго бытія,—существуемъ только въ чьемъ то воображеніи, и всѣ наши мысли, чувства и переживанія происходятъ въ умѣ какого то другого высшаго существа, представляю-

щаго себѣ насъ... Мы только плоды его воображенія,—вся наша вселенная—искусственный міръ, созданный его фантазіей.

Очень интересно, и это отмѣчаетъ Хинтонъ, что почти къ такимъ же результатамъ приходитъ другимъ путемъ идеалистическая философія.

Если мы не хотимъ съ этимъ согласиться, то мы должны признать себя существами четырехъ измѣреній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что очень плохо познаемъ и ощущаемъ наше собственное четвертое измѣреніе, такъ же какъ четвертое измѣреніе другихъ, окружающихъ насъ тѣлъ,—догадываясь только о его существованіи на основаніи наблюденій надъ необъяснимыми явленіями.

Такая слѣпота по отношенію къ четвертому измѣренію можетъ происходить отъ того, что четвертое измѣреніе нашихъ собственныхъ тѣлъ и другихъ предметовъ нашего міра слишкомъ мало и недоступно для нашихъ органовъ чувствъ и для аппаратовъ, расширяющихъ кругъ нашего наблюденія, такъ же какъ, напр., недоступно для наблюденія молекулярное строеніе тѣлъ и многое другое. Что же касается предметовъ, обладающихъ болѣе значительнымъ протяженіемъ по четвертому измѣренію, то ихъ мы иногда, и при извѣстныхъ условіяхъ, ощущаемъ, но не хотимъ признать ихъ реально существующими.

Послѣднія соображенія даютъ намъ нѣкоторыя основанія думать, что четвертое измѣреніе, по крайней мѣрѣ въ нашемъ физическомъ мірѣ, должно относиться къ области безконечно малыхъ, или говоря иначе, мы можемъ разсматривать проблему четвертаго измѣренія въ связи съ теоріей безконечно малыхъ величинъ.

То обстоятельство, что мы не видимъ въ предметахъ ихъ четвертаго измѣренія, приводитъ насъ опять къ вопросу о несовершенствѣ нашего воспріятія вообще.

Если даже не касаться другихъ недостатковъ нашего воспріятія и взять его только въ отношеніи къ геометріи, то и тогда мы должны признать, что мы видимъ все очень мало похожимъ на то, какое оно есть.

Мы не видимъ *тѣлъ*, видимъ однѣ поверхности, стороны, и линіи. Мы никогда не видимъ *куба*, видимъ только его маленькую часть, никогда не видимъ его со всѣхъ сторонъ сразу.

Изъ четвертаго измѣренія должно быть можно, видѣть кубъ со всѣхъ сторонъ сразу и внутри, какъ будто изъ центра, хотя бы даже онъ и казался въ трехъ измѣреніяхъ совершенно непрозрачнымъ.

Центръ шара намъ недоступенъ. Чтобы достигнуть его, мы должны прорѣзать, или прокапывать себѣ путь въ массѣ шара, т. е. дѣйствовать буквально такъ же какъ плоское существо по отношенію къ кругу. Даже процессъ прорѣзанія будетъ представляться намъ постепеннымъ измѣненіемъ поверхности шара.

Полная аналогія нашего отношенія къ шару съ отношеніемъ плоскаго существа къ кругу даетъ намъ основаніе думать, что въ четвертомъ измѣреніи, или по четвертому измѣренію, центръ шара такъ же, легко доступенъ, какъ центръ круга по третьему измѣренію, т. е. мы должны думать, что въ четвертомъ измѣреніи можно проникнуть къ центру шара откуда то изъ неизвѣстной намъ области, по непонятному направленію, при чемъ шаръ останется совершенно цѣлымъ. Послѣднее представляется намъ чѣмъ то въ родѣ чуда, но точно такимъ же чудомъ должна представляться плоскому существу возможность достигнуть центра круга, не нарушая линіи окружности, не разрушая круга.

Продолжая дальше представлять себѣ свойства зрѣнія, или воспріятія, въ четвертомъ измѣреніи, мы должны признать, что не только со стороны геометріи, но и во многихъ другихъ отношеніяхъ „изъ четвертаго измѣренія“ можно видѣть въ предметахъ нашего міра гораздо больше, чѣмъ видимъ мы.

Про нашъ глазъ Гельмгольцъ сказалъ однажды, что если бы ему принесли отъ оптика, такъ плохо сдѣланный инструментъ, то онъ никогда не принялъ бы его.

Безспорно нашъ глазъ не видитъ очень многаго, что существуетъ. Но разъ въ четвертомъ измѣреніи мы видимъ безъ помощи такого несовершеннаго аппарата, то, слѣдовательно, мы должны видѣть гораздо больше, видѣть то, чего не видимъ теперь, и видѣть все безъ той сѣти иллюзій, которая закрываетъ собой для насъ весь міръ и дѣлаетъ его внѣшній видъ очень мало похожимъ на то, что есть на самомъ дѣлѣ.

Можетъ явиться вопросъ, почему въ четвертомъ измѣреніи мы должны видѣть безъ помощи глазъ, и что это значитъ.

Опредѣленно отвѣтить на эти вопросы мы могли бы только тогда, когда опредѣленно знали бы, что четвертое измѣреніе существуетъ, и знали бы, *что* именно оно собой представляетъ. Пока мы разсматриваемъ только, что *могло бы быть* въ четвертомъ измѣреніи и на опредѣленные вопросы отвѣчать не можетъ. Зрѣніе въ четвертомъ измѣреніи должно происходить помимо глазъ, потому что предѣлы зрѣнія глазами мы знаемъ. И знаемъ, что обыкновенный человѣческій глазъ никогда не можетъ достигнуть

совершенства микроскопа, или телескопа. Между тѣмъ даже эти аппараты, при всей своей силѣ зрѣнія, нисколько не приближаютъ насъ къ четвертому измѣренію. Изъ этого мы можемъ заключить, что глазу до четвертаго измѣренія очень далеко, и что зрѣніе въ четвертомъ измѣреніи должно происходить какъ нибудь иначе. Напр., такъ какъ птица, летящая изъ сѣверной Россіи, „видитъ" Египетъ, куда она летитъ на зиму, какъ почтовый голубь „видитъ" за сотни верстъ свою голубятню, съ которой его увезли въ закрытой корзинкѣ и т. п. Вообще изъ всего, что мы знаемъ явленія такъ называемаго инстинкта и интуиціи ближе всего подходятъ къ тому, что могло бы быть въ четвертомъ измѣреніи.

Въ четвертомъ измѣреніи должно быть видно многое, что мы знаемъ, но не можемъ видѣть. Должно быть видно молекулярное строеніе тѣлъ. Молекулы, эти мельчайшія частицы матеріи, недоступныя ни для какого микроскопа, размѣромъ въ нѣсколько десятимилліонныхъ долей милиметра, ихъ строеніе изъ еще болѣе мелкихъ частицъ и ихъ движеніе, должны стать доступными для наблюденія и изученія.

Объ этомъ давно мечтаютъ наши ученые, но пока они могутъ сказать только, что молекулы при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть, удалось бы сфотографировать, если бы ихъ можно было сдѣлать свѣтящимися.

Возможность видѣть молекулы откроетъ совершенно новые горизонты для нашего знанія.

Получается впечатлѣніе, что въ четвертомъ измѣреніи должна разрѣшиться загадка *о мірѣ, какъ онъ есть.*

Дальше, мы отнесли къ области четвертаго измѣренія явленія, необъяснимыя съ точки зрѣнія извѣстныхъ намъ физическихъ законовъ.

Эти законы выведены нами изъ наблюденій надъ тѣлами и надъ пространствомъ трехъ измѣреній.

Къ области четвертаго измѣренія эти законы, очевидно, не примѣнимы, такъ же, какъ къ трехмѣрному пространству были бы не примѣнимы физическіе законы, выведенные на плоскости и относящіеся къ плоскому міру.

Но это совсѣмъ не даетъ намъ права думать, что явленія въ области четвертаго измѣренія происходятъ внѣ какихъ либо физическихъ законовъ.

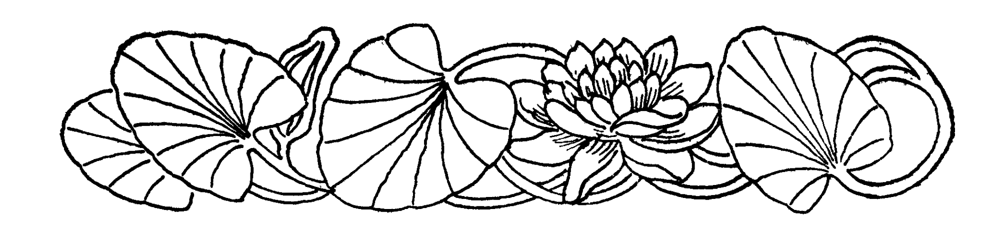
Единственно что мы можемъ сказать, это, что явленія въ области четвертаго измѣренія должны происходить по своимъ собственнымъ физическимъ законамъ, можетъ быть аналогичнымъ извѣстнымъ намъ законамъ, а можетъ быть сильно отличающимся отъ законовъ, которымъ подчинены явленія въ предѣлахъ трехмѣрнаго пространства.

Тѣло четырехъ измѣреній, или та его часть, которая лежитъ внѣ нашего трехмѣрнаго пространства, въ четвертомъ измѣреніи должна очень мало, или совершенно иначе зависѣть отъ нашихъ физическихъ условій—температуры, давленія, притяженія, электрической силы, магнетизма и пр., которымъ подчинены трехмѣрныя тѣла, или тѣ части четырехмѣрныхъ **тѣлъ**, которыя лежатъ въ нашемъ трехмѣрномъ пространствѣ, и могутъ быть измѣрены въ длину, ширину и высоту. При этомъ, мало подчиняясь дѣйствію нашихъ физическихъ условій, тѣла четырехъ измѣреній могутъ зависѣть отъ другихъ условій не дѣйствующихъ на наши трехмѣрныя тѣла.

П. Успенскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отдѣлъ духовныхъ исканій.

Душа одного народа.

Липа начинаетъ цвѣсти, когда дубъ давно уже отцвѣлъ...
Людевитъ Штуръ.

Boly casy, boly
Bôh da este bndůl
Само Халупка.

Далеко, мощно раскинулось тѣло нашей русской родины: отъ Владивостока у Тихаго Океана,—Владивостока, лежащаго на крутыхъ холмахъ среди полей ирисовъ,—до причудливыхъ скалъ надъ сіяющей бездной Чернаго моря, „Кара Денизъ"…. Отъ зеркальныхъ озеръ за тундрами у Ледовитаго океана, подобными горному хрусталю въ горахъ окружающихъ ихъ подъ тайной сѣвернаго сіянія—до горъ Прометея, до Кавказскаго хребта—отъ сѣверной „красавицы Двины", надъ которой горятъ блѣдныя зори полуночныхъ дней, до залитыхъ весеннимъ огнемъ піоновъ степей Туркестана,—все та-же „великолѣпная, сверкающая даль: Русь"!

А тамъ далеко въ высотѣ, „въ пространствѣ безконечномъ" надъ міромъ вьется русскій флагъ съ „Кровли Міра" все также, не смотря на бури, на вѣковую борьбу…. Но это все форма, тѣло, Майя.

Болѣе чѣмъ гдѣ либо, здѣсь, за могучей, прекрасной формой мысль тревожно ищетъ духъ. „Круль Духъ" создатель ея прошлаго, созидатель ея будущаго—совѣтъ пѣвца:

Былое въ сердцѣ воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни вопроси….

Но когда держательницы ключей прошлаго, вѣщія птицы жизни и смерти, Гамаюта, Алкмостъ и Сиринъ, на крылахъ сказаній поднимаютъ насъ надъ необъятнымъ просторомъ Руси, мы видимъ, что со *всѣхъ* краевъ ея горизонта встаютъ они, преданія старины—преданія русскія...

что она и на Руси Державной и на Руси подъяремной, что была землей единой съ нами подъ Ярославомъ. Преданія эти русскія, но всѣ они живущія въ пѣснѣ странника, кобзаря, калики перехожаго—они идутъ отъ „бѣла моря“ болгарскаго до Чернаго моря, видѣвшаго рожденія Кирилла и Меѳодія—они звучали и въ Преславѣ и на Черной горѣ и у Коссова поля и въ войнахъ Гусситовъ и въ лѣсахъ Литвы—языческая быль, нѣжный цвѣтъ липы, „цвѣтъ Лады“; стелетъ ароматъ свой по всей землѣ, которой онъ является символомъ: по Славіи отъ моря и до моря—по Славіи, отъ бѣлыхъ, какъ ажурныя ступени храма, скалъ Арконы, до покрытыхъ цвѣтами роскошнаго юга скалъ Далмаціи, до покрытыхъ серебромъ ковыля безбрежныхъ заволжскихъ степей.— И вездѣ одно: безбрежность, очертанія грёзы, дымка легенды!—ни рѣзкихъ тѣней, ни яркой жизни, что играетъ подъ сѣнью германскихъ дубовъ... Какъ за завѣсой тумана надъ просторомъ моря, переливается жемчужной радугой славянская жизнь... Тамъ за рубежомъ говорятъ: „Le caractère slave est perfide comme l'onde“—Измѣнчивость, способность принимать всѣ формы Европѣ, застывающей въ граняхъ внѣшности, казалась прежде всего способностью къ измѣнѣ.

Когда нашъ поэтъ *) говоритъ:
„У Поляковъ, свѣтлыхъ Славянъ,
Первыхъ понявшихъ красивость измѣны.—

Не о предательствѣ онъ поетъ, не поетъ хвалу коварству,—а силу народной Души, могущей жить внѣ формы.—Широкая Волга для него тотъ же символъ:

Это гордость Славянъ, это знаменіе воли для вольныхъ...
Волга, Волга, воспѣтая тысячи разъ
Ты качала въ столѣтьяхъ мятежниковъ насъ!

Мятежниковъ, потому что какъ русалочная душа Эллида, „женщины съ Моря“, они ищутъ тотъ Долгъ, что выше жизни формъ, Долгъ Познанія Себя.—Это Ключъ, умѣющій отворять двери высшихъ міровъ— всѣмъ кто часть ихъ всеобъемлющей души—.

А у дремлющей подъ снѣжнымъ покровомъ Волги, на картинѣ Нестерова „Святая Русь“—у Волги стоитъ бѣдный деревенскій храмъ, древній, ветхій—и передъ нимъ Спаситель, идущій на встрѣчу всѣмъ „плачущимъ, униженнымъ и оскорбленнымъ“ славянскаго міра.

Ибо вездѣ въ Славіи безмѣрное страданье.—И вездѣ исходъ оно ищетъ не такъ, какъ у старшихъ народовъ.

Вотъ величавыя фигуры первыхъ царственныхъ женщинъ Славіи— мудрая Любуша, равноапостальная Ольга, прекрасная Ядвига—идеаль-

---

*) К. Бальмонтъ.

ный образъ дѣвушки Св. Февроніи, какъ христіанское эхо героической воли вѣщей Любуши. Всѣ онѣ—подвигъ и отреченіе—черезъ подвигъ радость отреченія, „La plus haute possession qui est la non-possession". Великая тайна во-истинну.

И гдѣ случайно мы не возьмемъ примѣры, среди менѣе громкихъ именъ, среди безвѣстныхъ героевъ прошлаго, будь то старина или недавніе годы—все то же: добровольное пожертвованіе собой и какая-то радость сквозь слезы, точно провидѣніе великаго будущаго для того, что дороже всѣхъ милыхъ формъ земли.

Вотъ сербская дѣвушка Ай-Куна, дочь потурчанина Бега Любовича. Мусульманка по неволѣ, она держитъ обѣтъ вѣрности пророку Ислама.—Но жизнь магометанской женщины не въ терпежъ Славянкѣ, и она уходитъ тайкомъ за арміей султана въ знойную пустынь, на осаду Багдада. Величіе аравійскихъ степей смиряетъ гордую тоску ея, и она уже радостно участвуетъ во взятіи приступомъ города Калифовъ. Первая, она вскакиваетъ на стѣны и, неузнанная въ своей одеждѣ осмаилиса.—пробивается къ начальнику враговъ, борется съ нимъ и ловкостью побѣждаетъ. Побѣда заставляетъ ее открыть свое имя.—Султанъ награждаетъ ее владѣніями въ Калифатѣ, и Ай-Куна остается подъ финиковыми пальмами пустыни, окруженная всеобщимъ поклоненіемъ, не измѣнивъ ни родинѣ, ни слову. Она была, быть можетъ, первымъ звеномъ той странной симпатіи, которая все еще влечетъ Арабовъ къ Славянамъ.

Вотъ другая дѣвушка, намѣченная жертва турка сластолюбца.., Нѣтъ у ней брата, ни жениха; отецъ, старикъ, ломаетъ себѣ руки: гдѣ найти защитника. Вдругъ распахивается дверь и въ сіяющей рамкѣ дня стоитъ юный воинъ. „Твой сынъ идетъ на бой за честь сестры", восклицаетъ пришелецъ. Турокъ вскакиваетъ, заноситъ саблю, оба выбѣгаютъ изъ дома—юноша раненъ на смерть.—„Кто ты" говоритъ побѣдитель, наклоняясь надъ блѣднѣющимъ прекраснымъ лицомъ побѣжденнаго, и узнаетъ свою избранную жертву, дѣвушку. Она свободна...

Вотъ полабская Княжна Милина, новобрачная жена Князя Велиміра.

Супруга ея отозвали прямо изъ терема въ бой. Въ душномъ ароматѣ нѣжной ночи Милина, въ доспѣхахъ Княжича, съ однимъ слугой, оставивъ во снѣ своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, мчится верхомъ къ полю битвъ... Она ищетъ золотое знамя родины въ рукѣ мужа.

Вотъ знамя—но на землѣ, во прахѣ. Страстно начинаетъ прокладывать себѣ путь къ нему Милина—и падаетъ у самаго древка, къ которому уже протянулась ея рука. Смерть смежила ея черныя очи, не видавшія, подъ покровомъ знамени, павшаго князя...

Гдѣ такою смертью гибнутъ рядомъ братъ и сестра, мужъ и жена—гдѣ такъ борятся матери и отцы будущихъ поколѣній расы, тамъ Смерть лишь вѣстникъ высочайшей жизни, лишь разрѣшительница узъ формы, дающая просторъ грядущему.

Но эти бойцы умѣли бороться и въ жизни, оставаясь среди живыхъ.

— Когда знамя падало изъ рукъ мужей, оно бывало подхвачено ближайшей, хоть женской, хоть дѣтской рукой. Осада Праги была снята, благодаря находчивости безвѣстной дѣвушки, проскользнувшей ночью въ лагерь враговъ—рыцарей Германо-„Римской" Имперіи—и бросившей факелъ въ шатеръ ихъ вождя.

— Наша Марко-Вовчекъ дала намъ трогательный образъ дѣвочки Маруси „тринадцати лѣтъ умершей за Украину" —но до смерти долго служившей родинѣ юнцомъ по глуши степей.

Въ несчастнѣйшей изъ подъяремныхъ Славянскихъ земель, въ червонной Руси, Галиціи, въ XVII вѣкъ зародился скромный скитъ, „Манявскій скитъ", гдѣ рука иноковъ въ продолженіи столѣтій держала крѣпко знамя вѣры и родины, соединяя въ себѣ идеалы Востока съ безграничной любовью къ свободѣ.

Когда, одинокіе, они начали изнемогать, они обратились къ Москвѣ, къ Ѳеодору Іоанновичу, царю свободной Россіи, и онъ прислалъ и помощь—казной и дарами для церкви—и священнѣйшую память: въ серебряной оправѣ кусокъ св. Креста.

Крестъ! Это символъ и разгадка души нашего народа. Онъ сіялъ надъ древней столицей Болгаріи, прославилъ передъ выступленіемъ Руси на освобожденіе Болгаріи, и жестъ, которымъ Свобода на дивномъ памятникѣ Царю-Освободителю въ Софіи, несетъ знамя среди русскихъ войскъ, есть жестъ благословенія.

Крестъ вырѣзали себѣ на лбу Герцеговинскія дѣвушки, чтобы спастись отъ турецкихъ гаремовъ... Къ Кресту шли пламенныя молитвы умиравшаго послѣ возстанія 1848 года словака-поэта Само Гробоня, видѣвшаго родную землю, еще тяжелѣе стянутую цѣпью рабства. И среди дикихъ цвѣтовъ своего убогаго домика въ лѣсахъ словацкихъ онъ писалъ стихи „все болѣе мистическіе"... въ тѣни Креста.

Крестъ горитъ надъ свѣтлыми долинами Польши, надъ Ченстоховымъ, для поляковъ, какъ для русскихъ не менѣе чтимый, не менѣе любимый, чѣмъ сорокъ-сороковъ златыхъ крестовъ Москвы...

Отъ нихъ какъ-будто идетъ, съ лучами, одинъ призывъ:

Славяне, братья...
На мракъ коварныхъ, прошлыхъ дней,
Завѣса смерти пусть падетъ...

Потоки крови, слезъ ручьи
Зальемъ въ сердцахъ огнемъ любви,
Въ огнѣ любви мечи расплавимъ *)...

„О Славія, Славія“, восклицаетъ пѣвецъ „Дочери Славы“, Чехъ Коляаръ, „сколько тебя пытались разбить“.

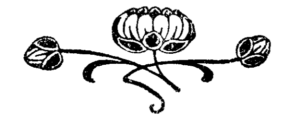
А сила все растетъ, да растетъ, отвѣчаетъ былина...

И растетъ эта сила, и будетъ расти пока на смѣну древнему Дубу не расцвѣтетъ славянская Липа, пока Крестъ не претворится въ благословеніе. Волга родится среди мрака лѣсного, у бѣдной засовенки подъ Крестомъ Христа. И гордо вливаетъ она свои соединенныя воды въ Каспій, среди цвѣтущихъ въ заросляхъ розовыхъ лотосовъ... Бѣлый Лотосъ Египта такъ вновь явится міру въ раскрытой Богу славянской душѣ, озаренной высшимъ разсвѣтомъ.

Сверхъ-естественно скорбный путь нашей Расы, именно „Путь“: вступленіе—впервые—цѣлаго племени на путь ускоренной эволюціи, вызывающей усиленіе испытаній, призваніе—впервые—цѣлаго племени къ жизни Ученика...

Этимъ сознаніемъ проникнуто и проникается мало по малу все наше племя, стремящееся къ Единству, сознаніемъ, что единство и свобода Славянъ то благо, которое всѣ народы добывали „желѣзомъ и кровью“, мы можемъ мечтать, что добыть его мы попробуемъ любовью...

Н. Гернетъ.

*) Авторъ изъ польскихъ теософовъ.

Новыя книги, присланныя въ Редакцію.

„Свободное воспитаніе“ (журналъ) № 8, И. Горбуновъ-Посадовъ.

„Новые пути ознакомленія дѣтей съ математикой“. К. А. Лэзанъ, пер. А. Шарапова. Цѣна 55 к.

„Счастье бѣднаго малыша“. Разсказъ Кэтъ Дугласъ-Виггинъ. Цѣна 20 к.

„Товарищества для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ“. С. Голинская. Пер. съ польскаго М. Троновская. Цѣна 12 к.

„Ассирійскій царь Ассархадонъ“. Л. Н. Толстой. Цѣна 1 к.

„Богу или мамонѣ?“ Л. Н. Толстой. Цѣна 1 к.

„Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Л. Н. Толстой.

„Любовь“. Л. Н. Толстой. Цѣна 1 к.

„Много ли человѣку земли нужно?“ Л. Н. Толстой. Цѣна 1 к.

„Борьба свѣта съ тьмою“. А. Аполловъ. Цѣна 1 к.

„Необыкновенный случай“. А. Аполловъ.

„Сигналъ“. В. Гаршинъ. Цѣна 1 к.

„Пріемышъ“. В. Короленко. Цѣна 1 к.

„Христіанка“. И. Горбуновъ-Посадовъ. Цѣна 1 к.

„Бѣдные люди“. В. Гюго. Цѣна 1 к.

„Іоаннъ Воинъ“. Е. С. Некрасова. Цѣна 1 к.

„Божья земля“. Юшко. Цѣна 1 к.

„Галя“. О. Шмидтъ. Цѣна 1 к.

„Кривая доля“. В. Савихинъ. Цѣна 1 к.

„Домой“. Н. Телешовъ. Цѣна 1 к.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**

Опечатка въ № 7—8.

На стран. 211, 9 строка сверху напечатано „его порта выходила“
надо „его портъ находился“.

Опечатки въ № сентябрскомъ:

14 стран.				Генезисъ Духа, надо Происхожденіе отъ Духа.
17	„	8 стр.	сверху	притяженія, а не протяженія.
	„	16 „	„	изыскивать, а не извлекать.
18	„	2 „	„	притяженія, а не протяженія.
29	„	13 „	снизу	но людямъ, а не по людямъ.
32	„	4 „	сверху	петродактилахъ, а не птеродактилахъ.
33	„	14 „	„	въ рабствѣ. а не въ работѣ.
-	„	13 „	снизу	пропущено слово ,формъ.
--	„	10 „	„	цѣпь, а не цѣль.
35	„	15 „	сверху	видимыя, а не видимыхъ.
36	„	18 „	„	пропущено слово *изъ* (изъ просторовъ).
37	„	10 „	„	и собственной души, а не изъ собственной души.
69	„	11 „	„	въ этомъ отношеніи, а не описаніи.
75	„	4 „	„	surroundings.
—	„	10 „	„	эманирующихъ, а не манирующихъ.
—	„	13 „	„	заботами, а не работами.
76	„	3 „	снизу	всякихъ. а не вѣскихъ.
77	„	13 „	сверху	г-жи Скотъ-Эліотъ.
80	„	2 „	„	T. P. S. Book Notes.
93	„	— „	заглавіе	„душа нашего народа“, а не одного народа.
-	„	3 „	снизу	Гамаюнъ, а не Гамаюта.
—	„	— „	„	Алкопостъ, а не Алкмостъ.
96	„	14 „	сверху	„юнакомъ“. а не юнцомъ.
97	„	9 „	„	„часовенки“, а не засовенки.